

12

«ТРИ КИТА» ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

КАК НЕ СЛЕДУЕТ «ЗАЩИЩАТЬ» ЛЕНИНА

«ТИХИЙ ДОН» ПРОТИВ ШОЛОХОВА

ДАВИД САМОЙЛОВ: УСТАЛ БЫТЬ МУДРЫМ

90

Даугава

Семен Шегельман.
Блудный сын. 1969.
Фото
Ояра Мартинсона

Даугава

ДЕКАБРЬ (162)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1977 ГОДА

ЛАТВИЙСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО, РИГА

В НОМЕРЕ

Поэзия и проза

Александр Чак

3 Стихотворения

Николай Гуданец

9 Кривоград, или Часы, по которым кремлевские сверяют. Повесть. Окончание

Иванде Кайя

43 Из дневников (1918—1921 гг.)

Ольга Николаева

59 Ларец. Стихи

Публицистика

М. Розин, Д. Давыдов

63 «Три кита» советской политической мифологии

Михаил Геллер, Александр Некрич

70 Утопия у власти. Продолжение

Из почты «Даугавы»

И. Ф. Плотников

78 Как не следует «защищать» В. И. Ленина

(см. на обороте)

1990
12

В Н О М Е Р Е (окончание):

- Культурология
Александр Жолковский
80 **Морфология и исторические корни рассказа Л. Толстого «После бала»**
- Обзоры, размышления, рецензии
- Зеев Бар-Селла*
94 **«Тихий Дон» против Шолохова**
- Memoria
- Давид Самойлов*
108 **И проза и стихи**
- К нашим иллюстрациям
- Герберт Дубинс*
123 **Семен Шегельман**
- 124** **Почта «Даугавы»**
- 125** **Содержание журнала «Даугава» за 1990 г.**

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор
Владлен ДОЗОРЦЕВ

Редакционная коллегия:

Юрий АБЫЗОВ, Виктор АВОТИНЬШ (зам. главного редактора), Людмила АЗАРОВА, Астрида АЛЬКЕ, Улдис БЕРЗИНЬШ, Николай ГУДАНЕЦ, Юрис ДИМИТЕРС, Вика ДОРОШЕНКО, Вячеслав ИВАНОВ, Марина КОСТЕНЕЦКАЯ, Петр КРУПНИКОВ, Григорий НИКИФОРОВИЧ, Янис ПЕТЕРС, Кнут СКУЕНИЕКС, Ян СТРАДЫНЬ, Янис СТРЕЙЧ, Роман ТИМЕНЧИК, Леонид ЧЕРЕВИЧНИК (зав. отделом), Адольф ШАПИРО, Андрис ЯКУБАН.

Редакция:

Борис ПОПОВ, и. о. отв. секретаря, Роальд ДОБРОВЕНСКИЙ, зав. отд. прозы, Илан ПОЛОЦК, зав. отд. публицистики, Григорий ГОНДЕЛЬМАН, зав. отд. критики, Михаил АФРЕМОВИЧ, зав. отд. писем, Леонид ГУРЕВИЧ, редактор-стилист, Алла ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ, спецкорреспондент.

© Латвийское газетно-журнальное
издательство, «Даугава», 1990.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевел Сергей МОРЕЙНО

МОРОЖЕНОЕ

Мороженое, мороженое!
Как часто в трамвае
Ехал я без билета,
чтобы только купить тебя!

Мороженое,
твои вафли
расцветают на всех углах города
за карманную мелочь,
твои вафли,
волшебно желтые,
как чайные розы в бульварных витринах,
твои вафли,
алые, как кровь,
пунцовые,
как дамские губы и ночные сигналы авто.

Мороженое,
наилучшие перышки
я продал ради тебя,
самые редкие марки
с тиграми, пестрыми, как афиша,
жирафами, длинными, тонкими, как радиобашни.

Мороженое,
твой холод, возбуждающий, как эфир,
я чувствовал
острее,
чем страх или губы девушек,
ты,
указатель возраста моей души,
вместе с тобой
я учился любить
всю жизнь и ее тоску.

Александр ЧАК (1901—1950) — латышский поэт, прозаик, драматург, критик.

Среди сборников стихов: «Я и это время» [1928], «Сердце на тротуаре» [1928], «Апаш во фраке» [1929], «Поэма об извозчике» [1930], «Мой рай» [1931], «Умуркумур» [1932], «Зеркала воображения» [1938], «Осенние вечность» [1937—1939]. В 1961 г. вышло «Избранное» в 2 томах, в 1971—1976 гг. — *Собрание сочинений* в 6 томах.

Среди стихотворных сборников А. Чака в переводе на русский язык: «Лестница» [1964], «Сердце на тротуаре» [1966], «Зеркала воображения» [1981], «Соловей поет басом» [1986].

СОВРЕМЕННАЯ ДЕВУШКА

Я встретил ее
на узенькой улочке,
в темноте,
где кошки шныряли
и пахло помойкой.

А рядом на улице
дудел лимузин,
катясь к перекрестку,
как будто
играла губная гармошка.

И я повел ее — в Парк —
на фильм о ковбоях.

У нее
был элегантный плащ
и ноги хорошей формы.

Сидя с ней рядом,
я вдыхал слабый запах
резеды
и гадал,
кем бы она могла быть:
парикмахершей,
кассиршей в какой-нибудь бакалее? . .

Трещал аппарат.
Тьма пахла хвойным экстрактом,
и она рассказала,
что любит орехи,
иногда папироску, секс,
что видела виноград лишь за стеклом витрины
и что не знает,
для чего она живет.

В дивертисменте
после третьего номера
она призналась,
что я у нее буду, должно быть,
четвертый любовник.

В час ночи
у нее
в комнатенке
мы ели виноград
и начали целоваться.

В два
я уже славил Бога
за то,
что он создал Еву.

Я И ПОЕЗД

Ночь.

Вокзал.

Качаются желтые лампы.
Кондуктор свистнул в десятый раз,
но поезд стоит.
Кондуктор свистнул в одиннадцатый раз —
стоит. —

Я,
сидя в вагоне, маленьком, как хлебец
из ресторана,
чиркаю спичкой в десятый раз,
но она гаснет.
Я чиркаю спичкой в одиннадцатый раз —
то же самое.

Тогда я распахиваю окно,
чтобы вдохнуть свежий воздух,
тогда я распахиваю окно,
чтобы поднять машиниста.

Поезд свистит и трогается,
заглатывая свежий воздух,
спичка вспыхивает жарко,
как сердце.

КИТАЕЦ НА МЕЛЬНИЧНОЙ УЛИЦЕ

В пивной
на Мельничной улице,
где ночами
покупают крестьяне любовь,
кельнер-китаец
разносит пиво,
говоря по-латышски
и кланяясь по-китайски низко.

Косу
метровой длины
изжелта-черную,
как каменный уголь
и плотничий деготь,
с китайской вежливостью
он жертвовал моде
Европы на все короткое.

И, вдвое согнувшись,
он шепчет на ухо
про маленький погреб
с чудесными трубками
в одной подворотне,
кривой и узкой,
как эта улыбка.

Он шепчет на ухо
так тихо и нежно,
как ползает муха
по мраморной стойке.
И, сверкнув зубами,
как в старой фильме,
он уже тянет ладошку
за никелевым спасибо
за сладкую и тайную весть.

ПРОДАВЩИЦА

В красивейший магазин на бульваре
зашел, чтобы выбрать носки.

Мне их подавала
барышня среднего роста
овальными пальчиками, блестящими,
как маслины.

И руки,
сортировавшие пачки,
пахли патентованным мылом
и какими-то духами среднего достатка.

Пожалуй, чуть великоват
был вырез платья,
ибо она была из тех,
что после четвертой рюмки
доканчивают сигарету партнера,
рассказывают армянские анекдоты
и целуются при свете.

Я, нагнувшись, шепнул ей:
«Сегодня вечером в десять
в Жокей-клубе,
десятый столик от двери».
— Да, — кивнула она
и взяла за носки
на двадцать сантимов меньше.

УЛИЦА МАРИЯС

О, улица Марияс,
монополия
еврейских пройдох
и ночных мотыльков —
дай я восславлю тебя
в куплетах долгих и ладных,
как шеи жирафов.

Улица Марияс —
бессовестная торговка —
при луне и при солнце
ты продаешь и скупаешь
все,
начиная с отбросов
и кончая божественной человеческой плотью.

О, я знаю,
что в теле твоём дрожащем
есть что-то от нашего века —
душе моей — коже змеиной —
до боли родное;
полна звериной тревоги,
ты бьешься, как лошадь в схватках,
как собачий язык,
которому жарко.

О, улица Марияс!

ЭЛЕГИЯ В ОКНЕ

Месяц
сегодня
замаринован.

На втором этаже
в семейном кругу
заныл патефон.

В окно впадают сумерки
и прохлада.

Я себя чувствую,
как моряк в Бергенской бухте,
в бинокль
наблюдающий льды.

И все-таки. . . я мечтаю
о Париже,
где на улицах принято целоваться.

Я думаю: ты — мидинетка,
я посредственный бард;
мы сидим в прокуренной комнате
и пьем дешевейшее
из вин Франции.
Ты смеешься
над моей придуманной жизнью.

В этот час
последний радостный горожанин
домой возвращается с моря.

Лампочки
перемигиваются в скверах
под липами.

Но у нас
нет даже лип;
только старая мирта
и память о хвое
в вазочке на столе.
И я грущу,
как девчонка с окраины,
у которой пропала любимая кошка. . .

В БИБЛИОТЕКЕ

Нежная среди нежных,
как мне звать Вас —
Мадонной нашего века,
Сольвейг,
что слетела ко мне
с трепещущих страниц Ибсена
и уселась напротив?.

Такая здесь
тишина,
как если бы тени поэтов
баюкали в колыбельках

боль
и умы людей.

Придите
туда, где в тени
бульвара
горит ресторан
волшебной серьгой.

Ночь,
музыка
и Ваши глаза,
словно крылья фламинго,
далеко от этой земли
и ее забот
о чулках и туфельках новых.

Придите!

Из рюмочек,
крохотных,
как страсть и девичья добродетель,
станем мы пить
ликер,
сладкий, как все,
чего нет и, увы, не будет.

Поболтаем легко,
с улыбкой,
о вещах,
что глубоки и святы.

Около двух
мило простимся
поцелуем,
овеянным запахом губной помады,
бесхитростно-легким,
как концы современных романов.

КРИВОГРАД, ИЛИ ЧАСЫ, ПО КОТОРЫМ КРЕМЛЕВСКИЕ СВЕРЯЮТ

Повесть

5.

Хаим Залманыч сердито взглянул на меня из-под насупленных косматых бровей.

— Конечно, водородные, какие же еще? Или у вас неважно со слухом? Тогда я буду говорить громче. Чтоб вы знали, часы бывают солнечные, песочные, водяные, пружинные, электрические и всякие разные. А эти — водородные . . .

Он подошел к баллонам, лежавшим на козлах, и энергично постучал по ним пальцем.

— Потому что работают на водороде! Вот здесь, в баллонах, сжатый водород. Конечно, они могли бы работать и на кислороде, и на углекислоте, но мне сказали, что нужны водородные часы, поскольку они — самые точные.

— Погодите-ка, — растерялся я. — А где же в них . . . ну, это . . . квантовый генератор частоты?

— Спросите что-нибудь полегче, — раздраженно отрезал часовщик. — Совсем необязательно морочить мои старые мозги. Или товарищ Утятев не говорил, что вы работали с водородными часами?

— Вообще-то да, работал. Но они были, так сказать, несколько иной конструкции.

— Пхе! Конечно! — всплеснул руками Хаим Залманыч. — Где же еще вы могли работать с такой конструкцией? Я сам ее придумал, сам собрал и сам отладил. И действительно, они идут до того точно, так точно, что им даже кремлевские могут позавидовать.

Он перевел дух и поманил меня к себе.

— Значит, так, слушайте сюда. Вот вам гаечный ключ. Без пяти двенадцать товарищ Утятев звонит на центральный пункт, а вы спускаетесь сюда. Ровно в двенадцать мои часы дают свисток. И вы сразу стучите по батарее, вот так, — часовщик подошел к стене и

крепко стукнул разводным ключом по некрашенной, ржавой батарее отопления, и гул пошел, наверно, по всему особняку, жарко натопленному стараниями писателя Кости. — Тогда товарищ Утятев говорит в телефон, что ровно двенадцать, и те мазурики на центральном пункте переводят свои часы.

— Все ясно, — сказал я.

— Погодите, еще не все. Вот смотрите, сейчас работает левый баллон. Когда стрелка упадет до красной метки, вы откручиваете кран у правого баллона. И только потом, слышите, только потом закручиваете левый. Потом отвинчиваете гайку вот этим ключом и ставите пустой баллон вон в тот угол. А в этом углу, видите, стоят полные баллоны. Присоединяете полный баллон — и можете смело гулять, нюхать цветы, ухаживать за девушками. . .

Дверь приоткрылась, и в помещение всунулась лохматая Костина голова с папироской в углу рта.

— Вы чего стучали? — любопытствовала голова.

— Немедленно погасите сигарку!! — вскричал истощенным голосом Хаим Залманых. — Вы что, сдурели? Сколько можно говорить, ей-Богу. . . Или вам уже мало одного Чернобыля?!

— Пардон, — сказал Костя, кидая через плечо папиросу в паскудную лужу на полу. — Я говорю, Утятев спрашивает, почему по батарее стучали.

— Неужели трудно было догадаться? Просто я показывал молодому человеку, как стучать по батарее.

— Понятно, — истопник закрыл дверь.

— Ф-фух, — произнес Хаим Залманых, массируя живот в области сердца. — Однажды этот босяк загонит меня в гроб со своими сигарками. Надеюсь, вы не будете здесь курить?

— Нет, я некурящий.

— Слава Богу, я же говорил, сразу видно настоящего интеллигентного человека. Ну что я вам еще могу показать? Кажется, все.

— А куда вытяжка уходит? — спросил я, показывая на трубу.

— Тут раньше была мастерская, — сообщил Хаим Залманых. — Вот здесь стоял кузнечный горн. А там, в стене, остался дымоход.

— Что ж, спасибо, я все уяснил. Только извините за любопытство, Хаим Залманых, а как вам пришла в голову идея сделать водородные часы?

— Мне пришла в голову идея? — переспросил часовщик. — Ну уж нет, я идеями не занимаюсь, вот еще. У нас в городе, молодой человек, идеями занимаются очень специальные люди. Зато они знают, кто у нас в городе лучший часовщик.

Выдержав горделивую паузу, он продолжил.

— Однажды меня вызывают в комитет партии. Ну, я собрал инструменты в чемоданчик и прихожу. А там сидит очень интеллигентный человек в хорошем кабинете и спрашивает, что я знаю о водородных часах. Я говорю, если они поломались, давайте их сюда, о чем разговор. Оказывается, нет. Оказывается, товарищ Кирпичов прочитал в центральной газете, что самые точные часы в мире — это водородные. И вот, не мог бы я соорудить им такие часы. Короче говоря, дали мне в помощь двух слесарей шестого разряда, между нами говоря, очень интеллигентные оказались люди, и мы за месяц сварганили вот эти водородные часы. Скажу вам по большому секрету, хорошо еще, что нам не заказали водяные. Потому что с водой у нас в городе одни сплошные вечные перебои, прямо кошмар. . . Ну вот, меня сюда назначили смотрителем при часах. Это ж не служба, а сплошное удо-

вольствие. Знаете, как говорится, если бы я был царь, я бы еще немножечко шил, для себя. И если вы случайно умеете работать по антикварным часам, я вам, так и быть, передам свою клиентуру . . .

— Спасибо, не надо. Она вам, наверно, самому нужна.

— Мне? Нужна? — Хаим Залманыч скривился. — Вы знаете, мне здесь больше никто не нужен. И я тоже не нужен никому. Сами посудите, ну кому нужен старый еврей? Он никому не нужен, даже самому себе. Может быть, он нужен Богу? И это навряд ли, иначе Бог давно забрал бы его на небо. Я так думал, я был очень нужен ОВИРу, потому что мне никак не хотели давать визу, ну просто никак. Но за меня очень сильно просили, очень сильно. Мой Ицик, это мой сын, он очень хорошо постарался, у него большие связи. За меня просили и Рональд Рейган, и Маргарет Тэтчер, дай ей Бог здоровья, и этот, канцлер, как его . . . Забыл фамилию, тоже хороший человек, дай ему Бог здоровья. Просили, да . . . И теперь мне разрешили уехать.

— Как же так? — растерялся я. — Уезжаете именно теперь, когда такие перемены . . . Когда стало так интересно жить . . .

— Э, молодой человек, — часовщик махнул рукой, — я всю жизнь жил интересно, даже слишком, а теперь, на старости лет, я хочу наконец пожить спокойно. И если я еще кому-то нужен на свете, так это моему сыну Ицику. Вы знаете, он живет в Торонто, у него там трехэтажный домик. Моя внучка говорит по-английски, и это там никого не удивляет. В Торонто каждый босьяк говорит по-английски. Я хочу жить вместе со своим сыном, со своей внучкой и со своей невесткой, дай ей Бог здоровья. Только и всего. Мне уже намекали, что я бросаю Родину в трудный момент, что я чуть ли не предатель. . . Не знаю, не знаю. Посмотрите на меня, разве так выглядят предатели? Разве я похож? . . .

— Нет, что вы, ничуть.

— Ну вот. К тому же я честно заплатил пятьсот рублей за отказ от гражданства. Какие могут быть ко мне претензии? Это же смешно. Когда я получал это гражданство, мне никто не заплатил ни гроша. А теперь, когда я его возвращаю, с меня требуют такие большие деньги впридачу. Ладно, я не бедный и не жадный, но только тут что-то не так. Вы не согласны?

— Да как вам сказать . . . Вообще-то я не очень-то в курсе. Насчет прописки я теперь кое-как разбираюсь, а вот насчет гражданства . . . Тут я не специалист.

— Боже ж мой, ну что ж тут такого особенного надо понимать! — воскликнул Хаим Залманыч. — Вот вы послушайте сюда, я вам живенько все расскажу. Знаете, ведь я родился еще до последней войны, в Польше, в городе Краковце. Знаете такой?

— Краков — знаю.

— Ой, ну что вы со своим Краковом, это же совсем не то. Я вам говорю, Краковец, теперь эта местность называется Львовщина. Так вот, я родился в Краковце и стал, конечно, польским гражданином, сразу, как только родился. И никому ничего за это я не платил, и мне тоже никто ничего не платил. Заметьте себе этот момент и едем дальше. Тут началась война, и в Краковец пришли немцы. Я-то был еще маленький, а вот взрослые евреи очень забеспокоились. Но через несколько дней немцы отступили, и в Краковец вошли русские. Понимаете?

— Ничего не понимаю, — ошел я. — Какие несколько дней? Война шла почти четыре года . . .

— Ай, да что вы мне будете говорить. Я был тогда маленький еврейский мальчик, но я очень хорошо помню, как Сталин и Гитлер поде-

лили Европу. В тридцать девятом году немцы напали на Польшу, а русские вошли в нее с востока. Потом оказалось, что немцы оккупировали слишком много, даже то, что причиталось русским. И Гитлер велел своим войскам немножечко отступить.

— Что вы говорите, — изумился я. — В первый раз слышу . . . Извините, а вы, случайно, ничего не путаете?

— Я ничего не путаю, — возразил Хаим Залманыч. — Мне ничего не надо специально путать, мне за это денег не платят. Поэтому я говорю все, как было.

— Бога ради, вы не обижайтесь. Просто я действительно в первый раз об этом слышу.

— Можно подумать, вы кого-нибудь спрашивали, — проворчал старый часовщик. — Так вот, я потерял тогда свое польское гражданство и получил советское. Думаете, мне тогда заплатили хоть копейку? Пхе! Или я кому-нибудь платил? Или мой папа? Нет, нет и еще раз нет. А теперь вдруг оказывается, что я должен государству пятьсот рублей. Ладно, я заплатил, мне было неохота лишний раз скандалить, но я хотел бы знать, за что с меня взяли деньги. Если вам что-то дают бесплатно, а потом берут обратно с доплатой, это какой-то странный гешефт. А? Как вы думаете?

— Вы знаете, — сказал я, — очень трудно обсуждать этот вопрос, пока не откроют доступа в архивы. Вот будут опубликованы документы, тогда можно будет во всем разобраться.

— Интересные вещи вы говорите, — фыркнул Хаим Залманыч. — А вот мой папа сразу во всем разобрался, безо всяких архивов, хотя он был обыкновенный простой сапожник. Он сразу сказал, что добром это не кончится и надо ехать подальше от этой новой границы. Тогда, в тридцать девятом, многие евреи в Краковце прямо с ума посходили. Они хотели перейти в ту часть Польши, которая досталась немцам, и давали хорошие деньги, чтобы им позволили перебраться через границу на ту сторону. Да-да, представьте, они все рехнулись и лезли прямо к Гитлеру в пасть. А мои родители собрали монетки, и мы всей семьей поехали на восток. Мой папа оказался умнее Сталина, вот за это ему потом досталось. Никто не любит людей умнее себя, тем более евреев.

Он достал из кармана платок и звучно высморкался.

— Моего бедного папу в сороковом году арестовал НКВД, за антигитлеровскую пропаганду. Да-да, не делайте такое удивленное лицо. Вы еще молодой человек, вы многого не знаете. Потом папу оформили как английского шпиона, хотя какой уважающий себя шпион станет болтать попусту всякую пропаганду? А в сорок втором году папа умер в концлагере с голоду. Интересно, при чем тут архивы, и какие вам еще нужны архивы . . .

— Я что-то не понимаю. Если его арестовало НКВД, как он попал в концлагерь?

— А что, по-вашему, концлагеря были только у немцев?

В наступившей тишине стало слышно, как попкикивают водородные часы, а за стеной, в котельной, истопник Костя с натужным хаканьем рубит дрова.

И вдруг я понял все. Мгновенное озарение вспыхнуло в моем мозгу.

Наконец-то я вспомнил, чем занимался в научно-исследовательском институте. Мы с коллегами искали Альтернативную Вселенную. Мы хотели найти ее и наладить контакты с ее обитателями.

Насколько я теперь могу судить, это неслыханно важная задача.

Видимо, нам предстояло узнать, как идут дела в Альтернативной Вселенной, построен ли там развитый социализм и нуждается ли он уже в перестройке. Мы могли бы организовать регулярный обмен опытом, потому что монополии на истину нет ни у кого, даже у Альтернативной Вселенной. И еще мы помогли бы им наладить перестройку, если она там идет куда-нибудь не туда.

Повторяю, все сошлось в едином и мгновенном озарении: эксперименты в НИИ, и этот странный Кривоград, и странные порядки в нем, и странные цитаты, и несуразное историческое прошлое Хаима Гершензона. Отныне места для сомнений не оставалось. Я попал в Альтернативную Вселенную.

Итак, где-нибудь в Подмоскowie самолет, на котором я летел, случайно нырнул в разлом пространственно-временного континуума. И я очутился в другом мире, где все очень похоже, но и все другое — и люди, и страна, и перестройка другая, и история Великой Отечественной войны другая, и Полное собрание сочинений Ленина тоже другое. . . Мои размышления прервал Хаим Залманыч.

— Извините пожалуйста, меня интересует один очень важный вопрос, — сказал он. — Может, вы, случайно, в курсе дела. Правда ли, что в Америке все давно уже носят электронные часы? И если часы испортятся, их никто не отдаст в починку, просто сразу выбрасывают на помойку и покупают новые? И что все американские часовщики теперь пухнут с голоду и собираются просить политического убежища в Советском Союзе? Так вот, я хочу спросить, или это правда? Или этот мишигинер Костя Петухов просто шутит свои босяцкие шутки?

Я замялся. Кто его знает, что у них тут творится, в Альтернативной Вселенной.

— Знаете, я вам затрудняюсь ответить, — наконец сказал я. — Но можно предположить, по аналогии. К примеру, белорусские электронные часы портятся чаще любых механических. И их действительно лучше выкинуть на помойку, чем нести в ремонт. Так что все может быть.

— Но я сильно сомневаюсь, чтобы в Торонто носили белорусские часы, — заметил Хаим Залманыч.

— Я тоже сомневаюсь. Тогда, скорее всего, над вами подшутили.

— Хороши шуточки! — он возмущенно засопел. — Ладно, пойдемте, что мы, в самом деле, тут торчим.

При выходе из подвала нас догнал Костя с большущей охапкой наколотых дров.

— Э-эй, погодите, — окликнул он. — Дверь не закрывайте.

Войдя следом за нами в помещение отдела, он принялся раскладывать сырые дрова на батареях отопления.

— Представляете, я дрова колю, а с них брызги летят, до того мокрые, — сообщил он. — Пускай теперь ночью посохнут, а то завтра нечем будет растапливать.

Ему никто не ответил.

— Товарищ Утягев, — обратился к начальнику Хаим Залманыч, — я все объяснил молодому человеку и показал, как стучать по батарее. — Спасибо, Залманыч.

— А еще я хочу сказать, — добавил он, одеваясь, — что в подвале опять протекла канализация. Теперь это меня не касается, но я хочу предупредить, добром это не кончится.

— Хорошо, учтем. Не поминай лихом, Залманыч.

— Будьте здоровы, — и старый часовщик ушел.

— Елпидифор Трофимыч, может, вызвать тех раздолбаев, которые прошлой зимой чинили? — предложил Костя.

— Не, поезд ушел, — ответил начальник. — Ихний участок от нас передали Минкоммунхозу еще летом. Ты позвони в жакт, Костенька, лады? Пускай пришлют человека.

— Почему я должен звонить? У меня, что, начальников мало?

— А почему я должен звонить? — парировал Утятьев. — Мне, что, поручить некому?

Насупившись, Костя сел за стол, придвинул телефон и принялся листать телефонную книгу.

Дверь в глубине комнаты приоткрылась, оттуда выглянул щуплый старичок в костюме-тройке.

— Трофимыч, зайти-кось, — пригласил он Утятьева.

— Кстати, Агафон Игнатыч, — сказал тот, вставая, — вот это и есть Лева, физик из Москвы. А это наш замдиректора, Агафон Игнатыч.

— Ага, ну-ну, — пробормотал замдиректора, окинув меня взглядом, и скрылся за дверью.

Захватив папку с бумагами, Утятьев проследовал к нему в кабинет.

— Ни один телефон не отвечает, вот распропаскуды, — выругался Костя и бросил телефонную трубку.

Он запустил в волосы пятерню и стал ожесточенно чесаться. Потом неожиданно спросил меня:

— Как вам понравились наши водородные часы?

— Интересная конструкция, — поразмыслив, ответил я.

— Очень водородные часы, не правда ли?

— Да, я бы сказал, в высшей степени водородные.

Костя лукаво подмигнул.

— Значит, будете оформляться к нам?

— Значит, буду.

— Рад за вас. Ну а что нового в Москве?

— Да так . . . — я терпеть не могу подобные расплывчатые вопросы. — Перестройка идет. В общем, все по-прежнему. То есть, нет, по-новому. Как бы это сказать . . . Ну, по-прежнему новому, вернее, наоборот, по-новому прежнему.

— Короче говоря, не по-прежнему прежнему, да?

— Вот именно.

— Ну и то слава Богу, — сказал Костя. — А что новенького в Прибалтике?

— Знаете, я толком не разобрался. То ли демократизация полным ходом, то ли оголтелые экстремисты распоясались. Разноречивые сведения, знаете ли.

— С чего бы им распоясаться? — недоуменно протянул Костя, почесывая живот. — Мне приятель рассказывал, он туда прошлым летом ездил. Так у этих прибалтов, говорит, макароны в магазинах бесперебойно, в любое время заходи и покупай. Видно, они там просто с жиру бесятся.

— Как-то вы, извините, в застойном духе рассуждаете, — сказал я. Костя ухмыльнулся.

— Да шучу я, шучу, — успокоил меня он. — Неужто вы подумали, я серьезно . . . Ну ладно, вы расскажите хоть, что в газетах пишут.

— Станный вопрос. Разве вы газет не читаете?

— Нет, — сознался Костя. — Местную прессу не читаю, потому что противно и скучно. А центральные газеты у нас под запретом. И журналы тоже, кроме «Молодой гвардии», все идет в спецхран.

— Как так?! Не может быть! — изумился я и тут же вспомнил про конфискованные на таможне «Известия».

— Еще как может, — ответил Костя, сунув за шиворот линейку и почесывая его спину. — Разве вам Утятьев ничего не объяснил?

— Ну, кое-что . . . в общих чертах . . .

— Про нашего великого вождя, гениального секретаря товарища Кирпичова — рассказывал?

— Более-менее.

— А говорил он вам, что у нас Центральное телевидение с восьмидесятого года не транслируют? И радиостанции глушат все подряд, и «Голос Америки», и «Маяк». Неужели не говорил?

Вероятно, в тот момент я представлял собой весьма глупое и жалкое зрелище.

— Это вы опять . . . опять разыгрываете, да? — жалобно спросил я, превозмогая оторопь. — Это шутка?

— Какие там шутки, — буркнул Костя и с ожесточением сплюнул.

Его плевок убедил меня сильнее любых клятвенных заверений. Именно так плевались люди в прежние, застойные времена — у своих станков, мартенов, письменных столов и домашних телевизоров. Я не мог даже предположить, что теперь, в эпоху перестройки и гласности, хоть кто-нибудь в стране может так плеваться, с тотальным, безысходным и яростным отвращением. Оказывается, может.

Вот вам и Альтернативная Вселенная. Хорошо еще, что она всего лишь Альтернативная . . .

— Между прочим, уже без десяти пять, — подала голос Гликерия, складывая свои бумаги в ящик стола. — Не пора ли нам домой?

— Лучше выйдем ровно в пять, — откликнулся Костя. — А то вдруг Курагин опять в подворотне караулит . . .

Заметив мое молчаливое недоумение, он пояснил:

— Это директор наш, Курагин. Придурок, каких мало. Только и знает, что за дисциплину бороться.

Между тем Утятьев вернулся в комнату, поворошил на своем столе бумаги, что-то пометил в календаре.

— Кстати, Лева, — сказал он. — Я звонил директору, говорил про тебя. Завтра после обеда пойдем тебя оформлять.

— Спасибо, Елпидифор Трофимыч, — прочувствованно поблагодарил я.

— Слушайте, хотите новую хохму расскажу? — востроился вдруг Костя. — На прошлой неделе, когда все солью запасались, одна старушенция накупила чертову уйму соли, а квартирка у нее тесная, не повернуться. В общем, она додумалась складывать соль в ванну. Представляете?

— У вас что, с солью перебои? — поинтересовался я.

— Да слух прошел, то ли она подорожает, то ли будет в дефиците, короче, во всех магазинах соль подмели подчистую, — Костя хихикнул. — Вы же знаете, как это бывает. Особенно после того, как Кирпичов по телеку опроверг слухи, тут уж все поголовно кинулись делать запас.

— Ну ты не очень-то . . . язык не распускай, — проворчал Утятьев.

— А что я такого сказал? — Костя с невинным видом почесал темя. — Так вот, насчет старушки. Набила она, болезная, ванну солью. Стала закручивать краны потуже и сдуру сорвала резьбу. Натуральное дело, кран стал подтекать. Она вызвала сантехника. Пока то да се, соль намокла. А когда кран починили, она, естественно, подсохла, не ста-

рушка, а соль, и превратилась в сплошной камень, хоть ломомковыряй. Представляете, какой камуфлет?

— Не так уж это смешно, — заметила Гликерия. — Скорее, грустно.

— Вот-вот, — поддержал ее Утятьев.

— А я за что купил, за то и продаю, — не смутился Костя.

Из кабинета вышел Агафон Игнатыч в дубленке и монументальной, сверхъестественно пушистой шапке.

— До свидания, — произнес он и проследовал к выходу.

Все засобирались.

— Елпидифор Трофимыч, понимаете, какое дело... — робко, даже заискивающе промолвил Костя. — У нас опять воды нет, вторую неделю...

— Ладно уж, — сказал начальник. — Пошли ко мне, чего там.

— Вот спасибо... Мыло у меня есть, с собой. Я думал к приятелю поехать, он тоже на втором этаже живет. Только это у черта на куличках...

— Я ж сказал, пошли, — сказал Утятьев, нахлобучивая шапку.

Мы все вышли во двор. Смеркалось. Пока Утятьев запирал двери, сначала ту, что ведет в отдел, а потом наружную, Костя подошел к канаве и смачно харкнул в ее заснеженную ложбину.

— Видал миндал? — спросил он. — Второй год не можем нашу халабуду к центральному отоплению подключить. Канаву вырыли, бетоном выложили, а труб нету. И приходится с этими распросучьими дровами чудохаться. Это ж кому рассказать — не поверят.

— Конечно, безобразие, — посочувствовал я.

А сам подумал, что перестройка должна как можно скорее прийти в этот уродливый, злосчастный антимир. И она обязательно придет, ведь даже в Альтернативной Вселенной у перестройки нет альтернативы.

6.

Ну вот, я сижу в камере и добросовестно перевариваю тюремную баланду.

С удовольствием съел бы что-нибудь еще, даже лангет. На худой конец не отказался бы и от старорежимной тюремной чернильницы. Это, знаете, в старину делали чернильницу из мякиша и наливали в нее молоко. Чтобы писать секретные письма на волю. А когда вертухай заглядывал в волчок, чернильницу просто съедали, для вящей конспирации. Все было шито-крыто и к тому же получались добавочные калории к рациону.

Однако пайку хлеба я сразу, с голодухи, умял, а молока тут нету, и где его взять, ума не приложу. Теперь оно и в магазинах с перебоями, не говоря уже о тюрьме.

Да и писать особенно некому. Дядька Матвей вряд ли обрадуется в своем далеком Шарыгино, получив весточку из внутренней тюрьмы Кривоградского КГБ, которую мне напроорочил вчера Утятьев. Стоило бы написать, апеллируя к международному общественному мнению, конечно. Но ведь шут его знает, где оно находится, куда писать и кому, а может, этому мнению сейчас и вовсе не до меня.

Остается сидеть и делать мюллеровскую гимнастику. А еще в тюрьме полезно надевать егерское белье. Только я отродясь не видал в глаза ни егерского белья, ни мюллеровской гимнастики.

Остается сидеть просто так.

Прав Эйнштейн, все на свете относительно. Был я однажды в Ленинграде, ходил на экскурсию в Петропавловскую крепость. Показывали нам политическую тюрьму. И один человек из нашей сборной по сосенке группы сказал так: «Ни хера себе карцер, наша с тещей комната и того меньше . . .» Громко этак сказал, с искренним недоумением. Все захихикали, конечно. Кроме экскурсоводши, ей не положено. А моя камера с половину того карцера будет. Однако чистенькая, светлая, в углу новенькая пластмассовая параша. Грех жаловаться, ведь все на свете, повторяю, относительно, как сказал Эйнштейн. И был прав.

А вот Пуанкаре не совсем прав. То есть, было их два как минимум, и тот, который Раймон, тот вообще неправ. Речь веду о Жюле Анри Пуанкаре, которого выбрали членкором Петербургской Академии, и он до того обрадовался, что умер, правда, семнадцатью годами позже.

Этот самый Жюль Анри, не к ночи будь помянут, говорил, что если вы уснете, а Вселенная тем временем уменьшится в десять раз или, скажем, увеличится впятеро, то когда вы проснетесь, ровным счетом ничегошеньки не заметите. И здесь можно с ним поспорить.

Допустим, вы уснете или вас заберут в КГБ, неважно. А тем временем во Вселенной или в Альтернативной Вселенной, неважно, будет окончательно построена развитая перестройка. Вот вы проснетесь или там вас выпустят за отсутствием состава, а то и по амнистии в честь. Вот. А там, во Вселенной, уже правовое государство, и демократия, и рынок, и уровень мировых стандартов, и денежная реформа, и реформа цен, всего не перечислять. Неужто вы всего этого не заметите? Ясное дело, заметите. Так что тот Пуанкаре, который Жюль Анри, слегка поднапутал, хотя и членкор.

Вообще на свете слишком много путаницы. Например, с какой стати меня забрали в КГБ. Это же явная путаница. Если бы я был против перестройки, тогда ясное дело, тогда само собой разумеется. Но ведь я же за. Да и нельзя сажать в тюрьму борцов за перестройку, этак мы полстраны пересажаем, а другая полстрана будет сторожить и варить баланду, и на все остальное уже ни сил, ни времени не останется.

Впрочем, Альтернативная Вселенная на то и Альтернативная, что в ней все чуточко не так, как у людей. С другой же стороны, она тоже как-никак Вселенная, и ее обитатели не виноваты, что им выпало в ней жить. Нет бы им всем родиться в нашей, нормальной, угораздило их появиться на свет там, то есть здесь, в том смысле, что я-то здесь. Значит, надо им помочь как можно скорее перестроиться. Видно, судьба моя такая, бороться за перестройку повсюду, куда ни занесет меня нелегкая.

Только вот не успел я толком начать бороться, в сущности, даже совсем не начал, как подошли ко мне двое аккуратных людей с невыразительными лицами, взяли за локти и предложили пройти с ними.

Нет, это какая-то чепуха, это трагическая ошибка. С чего бы им меня арестовывать. Абсолютно не с чего. Судите сами.

Когда Утятьев запер контору, мы пошли по проспекту мимо Министерства макарон, и под ногами вкусно похрустывал снег, перемешанный с подсолнечной шелухой. Прелестная Гликерия вскоре попрощалась и свернула в переулок.

Тут я увидел кооператоров. Они выглядели совсем не цивилизованно, замурзанные и небритые, с деревянными лопатами в руках. С угрюмой ленточкой кооператоры очищали тротуар от снега, поодаль стояла кучка милиционеров — те покуривали, болтали и краем глаза

свели, чтоб кооператоры не разбежались. А на обочине стоял большой фургон с зарешеченными окошками.

Собственно, я ни за что бы не подумал, что это работают кооператоры. Но Утятьев и Костя объяснили, в чем дело.

Поначалу кооперативное движение в Кривограде развивалось бурно и успешно. Кооператоры скупили в городе все мясо, масло и молоко, муку, соль и сахар, кофе, чай и спички, нитки, пуговицы и ткани, бензин, керосин и солярку, словом, все, что только можно, и даже то, чего нельзя. Тогда трудящиеся стали роптать. Правда, и раньше в магазинах было шаром покати, но тому виной, как выяснилось, являлись пороки административно-командной системы. Теперь же виноватыми оказались кооператоры. Вдобавок зарабатывали они столько, что нормальные люди никак не могли им этого простить. А еще кооператоры оказались благодатной почвой для развития организованной преступности. Им постоянно били морду, их ларьки поджигали каждую ночь, и вскоре в городе стало не продохнуть от хулиганья.

Тогда горисполком встал на защиту своих завоеваний и принялся бороться с этими возмутительными кооператорами в духе времени, сугубо экономическими методами.

Специальным постановлением кооператоров обязали вносить половину прибыли в Фонд мира, треть прибыли — в пользу горкоммунхоза, еще треть — на благотворительные цели по усмотрению кооператива, одну четверть — в ДОСААФ, одну восьмую — в ОСВОД, а уж что останется, из того платить кооператорам зарплату. Примерно так, если я ничего не путаю.

Тогда кооператоры стали хиреть и разбегаться, но их срочно взяли под контроль, ибо кооперативному движению надлежало шириться и крепнуть. Пришлось даже организовать новые кооперативы — городские, районные и даже домовые, для уборки улиц, для мытья окон в подъездах, для вывоза мусора, для сбора пищевых отходов и тому подобное. Рабочую силу стали привлекать в установленном городскими властями порядке. Каждого взрослого жителя обязали один день в месяц отработать в каком-нибудь кооперативе, под угрозой отключения в квартире электричества или телефона, если у кого случайно есть. Еще спустили разнарядку на предприятия, вдобавок к работам на овощных базах, сенокосе, уборке картошки и на хлебокомбинате. Однако рабсилы по-прежнему не хватало, тогда в кооперативы стали направлять солдат и суточников. Так что те кооператоры, которых я увидел на улице, были мелкими административными арестантами. Вот почему милиция и фургон.

По ходу рассказа я неоднократно удивлялся вслух. Удивлялся и только, больше ничего такого не сказал. Стало быть, тут нет никакого повода меня хватать и тащить в кутузку. Если за одно только удивление сажать, последствия будут, смею предположить, глобальные.

Потом мы сели на автобус и поехали к Утятьеву. Он жил в панельном типовом доме, его двухкомнатная квартира оказалась основательно запущена по случаю отсутствия жены.

Костя сразу влез в ванну и начал там фыркать, кряхтеть, блаженно постанывать и плескаться. Утятьев повел меня в кухню, где на полу стояли три здоровенных двадцатилитровых бутыли в оплетке из лозняка. Как объяснил хозяин, в них бродила брага. Утятьев зажег газ и положил на плиту отвертку, с таким расчетом, чтобы ее закопченное жало раскалилось.

— Сейчас увидишь, как делают фирменный сучок марки Дед Мороз, — посулил он.

Из морозильной камеры холодильника «Ока», стоявшего в углу, он извлек заиндевевшую, бесформенную глыбу льда, облепленную полиэтиленовым мешком. Бухнул ее в тазик, отодрал с одного бока полиэтилен и воткнул в лед раскаленную отвертку. Кухню наполнил свирепый сивушный дух. Из дырки в тазик вытекло с полтора стакана самогонки. Утятев кинул опустевшую ледяную скорлупу в раковину, а самогон перелил из тазика в хрустальный графин.

— Вот такая физика, Лева, — заметил он. — Усек?

В самом деле, гениально и просто. Традиционные самогонщики отделяют алкоголь от воды, используя разность точек кипения. А Утятев использует разность точек замерзания. Поистине блестящая идея. Брагу наливают в полиэтиленовый мешок, крепко завязывают и кладут в холодильник. Никакого тебе громоздкого самогонного аппарата, никакой вони и гари.

— Это ваше собственное изобретение? — спросил я восхищенно.

— Да не, где уж мне. Эт, брат, народ изобрел. До чего ж все-таки ушлый у нас народ, страсть. Как его ни прижимай, он обязательно вывернется.

Воздав эту двусмысленную хвалу, он повел меня в гостиную, включил телевизор и разлил самогон в стопки. Когда я заикнулся насчет закуски, Утятев притащил с кухни полкраюхи ржаного, состругал с нее заплесневелую корку и нарезал хлеб кубиками.

— Поехали, Лева, — произнес он. — За твою язву, чтоб она выздоровела.

Мы выпили, закусили и устались в телевизор.

Передавали встречу товарища Кирпичова с трудящимися республики. Причем сразу по всем трем программам, как убедился Утятев, пощелкав переключателем каналов.

— Ну что, вырубим или будем смотреть? — спросил он.

— Нет-нет, оставьте, — попросил я. — Мне интересно, честное слово.

— Ох ты, голова садовая, — вдруг хлопнул себя по лбу Утятев. — Я ж про колбасу совсем забыл.

Он вытащил из портфеля увесистый сверток, в котором оказалось несколько кругов полукопченой колбасы.

— Давай, брат, подкрепляйся, — предложил он, нарезаая ее крупными ломтями.

— Ничего не понимаю, — растерялся я. — Ведь ее, вроде, нельзя через вашу таможню . . . Это что, контрабанда получается?

— Э, брось, — отмахнулся Утятев. — Все так делают, кто по командировке едет. Командированных таможня не шмонает.

Я промолчал. Докопаться до корней кривоградской логики, видимо, мне просто не под силу. Поэтому я взял ломтик контрабандной колбасы и стал жевать.

В сущности, тем самым я превратился в молчаливого пособника сразу двух тяжких преступлений. Ведь Утятев, как ни крути, оказался просто-напросто самогонщиком и контрабандистом. А я, в свою очередь, стал недоносителем, автоматически заслуживающим уголовного наказания. Но при чем тут госбезопасность? Неужели они засекали Утятева с его колбасой? Быть может, он тоже арестован и сидит в соседней камере . . .

На всякий случай я постучал в стенку. Никто не ответил. Оно и к лучшему, ведь я не знаю тюремной азбуки, и Утятев, скорей всего, тоже ее не знает. Даже если он сидит по соседству, наладить контакт не удастся.

Тут я сообразил, что время уже послеобеденное, и мне давно пора явиться в дирекцию, как было условлено, чтобы оформиться на работу. А между тем меня незаконно заключили под стражу. Да, совершенно незаконно, не предъявив ордера на арест и не выдвинув никакого обвинения. Какой же я кретин, что не додумался потребовать ордер!

Совершенно потеряв голову, я принялся колошматить в дверь руками и ногами. Живое подоспел надзиратель, он открыл волчок и нецензурно поинтересовался, чего мне надо. Я потребовал ордер, прокурора, а также бумагу и карандаш для заявления. Я пригрозил, что буду жаловаться, что я этого так не оставлю.

В ответ надзиратель спокойно посулил мне, если не заткнусь, то . . . Как бы помягче передать его слова . . . Ну, посулил сотворить надо мной пероральный половой акт. Безо всяких прокуроров. И хотя он пообещал чисто фигурально, если угодно, в метафорическом плане, я посчитал за благо не испытывать его профессиональное терпение и заткнуться.

Я понял, что у меня с этим человеком разные взгляды на законность. И хотя за мной будущее, к сожалению, настоящее пока принадлежит ему. Значит, любая полемика окажется преждевременной и неконструктивной.

Усевшись на койку, я стал прокручивать вчерашние события дальше. Не может быть, что меня забрали из-за утятьевской колбасы. Наверняка причина в другом.

Итак, мы сидели перед телевизором, выпивали и закусывали, а Петухов плескался в ванной.

На экране секлетарь Кирпичов общался с трудящимися. Они обступили его тесной толпой, взволнованно галдя, а тот важно кивал, повторяя: «По одному, товарищи, говорите по одному . . .» Так продолжалось несколько минут.

Наконец один трудящийся возопил, перекрывая общий гам: «Товарищ Кирпичов!! Когда же наконец пуговицы будут в продаже?! Или хотя бы эти, как их . . . английские булавки?!» Тут все приснули от смеха, и даже сановное, тугоплавкое лицо Кирпичова дрогнуло в отеческой усмешке.

— Ну что тут вам сказать, — произнес он, и сразу воцарилась тишина. — Есть еще недоработки, значит. Вот пуговицы, да. Это значит, товарищи, кто-то где-то плохо работает пока еще. И мы, значит, не боимся это признать. Всем надо подтянуться, всем, товарищи . . . Главное, это больше дисциплины и порядка. У нас ведь плановое хозяйство, а не рыночный хаос. Будет порядок, будут и пуговицы. Не будет дисциплины, так не то, что булавок, извините, штанов не будет, это понимать надо. . .

Аудитория почтительно захихикала.

— В корень смотреть надо, товарищи, — продолжал Кирпичов. — Главное, это закреплять наши достижения, значит. А достижения у нас есть. Большие достижения. И надо их закреплять. И повернуться лицом к человеку. Всякие там перебои мы, конечно, ликвидируем. За счет дисциплины и порядка, значит. Есть еще вопросы?

— Товарищ Кирпичов! — донеслось из людской гущи. — У нас на третьем этаже воды четвертый год нету! Ведрами носим, от соседей! Когда это кончится?!

— Тихо, тихо, товарищи, — перекрывая возбужденный гул, Кирпичов простер длань. — Это, товарищи, большой вопрос. Большой и

важный, значит. Вот на Западе, значит, любят говорить о правах человека. А имеет ли у них простой человек право на воду? Чтобы помыться, там, чаю попить. Они об этом молчат. А у нас, товарищи, каждый человек, заметьте, каждый — имеет право. На воду. На соблюдение личной гигиены, значит. О мыле, товарищи, в другой раз поговорим, это особый вопрос. А вот наш человек за воду платит, можно сказать, копейки. И в этом гарантия его прав, значит. На воду. Я так думаю, это надо законодательно закрепить. И чем скорее, тем лучше. Такая моя точка зрения, значит. Повернуться к человеку, как говорится, лицом. Но, товарищи! Но! — он предостерегающе воздел указательный палец. — Чем больше прав, тем строже контроль. А то иной откроет кран, да так и оставит. Она течет себе, значит. А другому может и не хватить. Поэтому контроль нужен, товарищи, самый строгий рабочий контроль. Мы это решим, я думаю, в рабочем порядке.

На том передача закончилась.

— Это, что, и есть ваш лидер? — спросил я.

— Угу, — ответил Утятьев, разливая по стопкам самогон.

Больше я ничего не сказал. И он ничего не сказал. Опять-таки тут нет никакой криминала. Ведь интонация не в счет.

Из ванной появился Костя, перепоясанный полотенцем. Был он чист, розов и излучал безграничное довольство. Предложенную Утятьевым стопку выпил махом, не чинясь.

— Опять Кирпичов выступал? — спросил Костя, мотнув головой в сторону телевизора.

— Ну да, — подтвердил Утятьев.

— Небось насчет повернуться лицом к человеку?

— Точно, — сказал я. — А как вы угадали?

— Ну, это дело нехитрое. Мне другое интересно. Если от них требуют повернуться лицом к человеку, то каким местом они к человеку повернуты сейчас? А? Вы не подскажите? Только боюсь, у них и лицо-то не шибко отличается от того самого места. И как их ни поворачивай, ничего отрадного не увидишь. Вот что меня как человека волнует.

— Ты, Костя, когда-нибудь точно достукаешься со своим длинным языком, — проворчал Утятьев.

— Ну, если на меня стукнут, тогда, конечно, достукаюсь, — беззаботно согласился тот, закуривая папиросу.

Интересно, на что Костя намекал? Не хочется думать, что меня арестовали вместо него. Готов допустить, что из больницы могли выпустить по ошибке Альфегу вместо меня. Но чтобы здесь, в этой камере сидел Альфег вместо меня, который вместо Кости, это уже вряд ли возможно. Согласно принципу Оккама такую гипотезу следует отсеять.

По телевизору стали передавать избирательную кампанию среди кандидатов в дворники по 2-му Советскому району. Один за другим появлялись на экране дюжие молодцы, и каждый монотонно обещал своим избирателям бороться за чистоту на вверенных ему улицах. Каждого спрашивали, будет ли он посыпать снег солью. Каждый отвечал, что ни за что в жизни.

— Может, вырубим эту чушь собачью? — зевая, предложил Костя.

Утятьев молча выключил телевизор и разверстал остатки самогона.

— Елпидифор Трофимыч, я забыл спросить, — начал Костя. — Как там, в Москве, насчет фондов?

— А как всегда, — ответил Утятьев. — Триста пятьдесят и ни минуты больше.

— Мра-а-ак, — протяжно сказал истопник. — Боже мой, ну когда этот бардак кончится, в печь, гроб и трех святителей . . .

— Должен соображать, не маленький, — отрезал начальник. — Страна большая. На всех не хватает.

— Нет, ну как вам это понравится? — обратился Костя ко мне. — Вот вы человек свежий, рассудите, пожалуйста. В году, как известно, триста шестьдесят пять дней, пять часов, сорок восемь минут и сорок шесть секунд, не так ли?

На всякий случай я кивнул.

— И что характерно, это известно за-ра-нее! — возбужденно продолжал он. — Это знали еще халдеи и ацтеки! Это знает каждый десятиклассник! Короче, это знает любой дурак, но только не наше начальство!

— Ну ты полегче, полегче . . . — проворчал Утятьев.

— И вот нам, городской Службе точного времени, каждый год выделяют триста пятьдесят дней. На год. Понимаете?

— Нет, — сознался я. — Не понимаю.

— Правильно. Это невозможно понять. Это просто уму непостижимо. Вот сидит в Москве наше начальство. Между прочим, фактически оно кормится с наших отчислений. Чем оно занимается кроме кормежки, я не знаю. И никто не знает. Оттуда, из московского «Точвремнадзора», раз в три месяца приходит письмо, дескать, они разрешают выплатить нам квартальную премию. Которую, между прочим, заработали мы. И еще — раз в год нам разрешают израсходовать триста пятьдесят дней, за все про все. А откуда мы возьмем пятнадцать дней и пять часов, не считая минут и секунд, на это им насрать. А план давай. С каждым годом план все больше . . . Знаете басню про лягушку и вола? Так вот, это про нашу контору.

— Действительно, бессмыслица какая-то, — согласился я.

— Есть одно объяснение, — сказал Костя, немного поостыв. — Правда, это мое сугубо личное предположение. Понимаете, если каждый год зажиловать пятнадцать дней, к концу века у нас набегит солидная разница. Она уже есть, а к двухтысячному году получится около полугода. Чуете, к чему я клоню?

— Извините, не очень.

— А ведь все так просто. Для этих кретинов двадцатый век закончится на полгода раньше. И они торжественно отрапортуют, что досрочно вступили в третье тысячелетие.

— Но какой им прок?

Костя саркастически усмехнулся.

— Значит, есть прок. Есть-есть, не сомневайтесь. Других объяснений я просто не вижу.

— Да не, ты уж тут наворотил . . . — вмешался Утятьев. — Я так думаю, им просто эдак считать легче, триста пятьдесят для круглого счета, и баста.

— Погодите, а может, еще проще? — предположил я. — Может, они искренне считают, что в году триста пятьдесят дней?

— Ого! — Костя хлопнул себя по ляжкам от восторга. — Это скорей всего! Как же я сам не додумался . . .

Тут мы услышали, как кто-то отпирывает входную дверь Утятьев поблелел.

— Звездец, ребята, — тихо выдохнул он. — Это Мюрка вернулась. Теперь нам всем керэчун.

Дальнейшее трудно вспомнить во всех подробностях, а еще труднее адекватно описать.

Шестипудовая Нюрка ворвалась в квартиру, как незаконная комета. После знакомства с ней я вполне оценил мрачный реализм тех, кто решил называть ураганы сугубо женскими именами.

Нюрка кричала, что Утятьев — сволочь, алкоголик, изверг, подонок, мразь, гадина, говнюк, что теперь-то уж точно ему придется положить партбилет на стол.

Нюрка заявила, что он выжил жену из дома, открыл притон, напустил сюда пьяниц, искалечил ее судьбу, устроил гнездо разврата, загубил ее молодость, и она сию минуту вызовет милицию.

Нюрка пригрозила участковым инспектором, судом, профкомом, партбюро, директором, Москвой, газетами и цэка, вдобавок пообещав рассказать всему городу, какое Утятьев говно.

Нюрка предупредила, что намерена всех нас троих придушить, разрезать, разорвать на куски, сдать в ДНД, разбить нам головы, предать суду, сослать на Колыму, запихнуть в триппер-бар, вывести на чистую воду и, опять-таки, всему городу рассказать, что мы втроем с ней сделали.

— Ребята, рвите когти, — только и вымолвил на это Утятьев. — Гадом буду, она милицию загодя вызвала. Сейчас нас всех возьмут за рога.

— Не-ет, постойте! — вопила неистовая Нюрка. — Куда?! Стойте, алкоголики! Щас мы разберемся! Со всеми разберемся! Я вам покажу, как притон устраивать!

Стоило ей повернуться к Утятьеву спиной, как тот бросился на нее и крепко обхватил за то место, где полагается быть талии.

— Смывайтесь, живо! — рявкнул он.

— Помогите!! Убивают!! Караул!! — отбиваясь, во всю глотку орала Нюрка.

Костя уже почти оделся. Я заметил, что брючную пуговицу ему заменяла канцелярская скрепка. Кое-как застегнувшись, он надел ботинки, не завязав шнурки, схватил в охапку пальто, портфель и выскочил из квартиры. Я последовал его примеру.

— До чего ж сволочная баба, — вздохнул Костя, очутившись на темной, морозной улице. — Бедняга Утятьев. Подержите портфель, пожалуйста.

Он надел пальто и поглубже нахлобучил шапку на непросохшие волосы.

— Вы где остановились? — спросил он. — Давайте, я провожу, а то заблудитесь.

— Собственно, я предполагал остановиться у Утятьева... Но теперь это вряд ли возможно...

— Ах вот что. Экая незадача, — нахмурился Костя. — Ну, делать нечего. Пойдемте, переночуете у меня.

— Спасибо, но мне как-то неудобно...

— Да бросьте вы. Не ночевать же вам на вокзале, — он вдруг дернул меня за рукав. — Пошли-пошли, побыстрей. А то оба в милиции заночуем.

Я обернулся и увидел, что к подъезду катит милицейский «уазик» с включенной мигалкой на крыше.

7.

Зря я так ломал голову. Она уже начинает угрожающе побаливать, а разгадки нет и в помине. Может быть, разгадки этой вообще не существует, просто началась новая полоса репрессий и соответственно ошибок. А я первым подвернулся им под руку, вот меня и сцапали.

Хорошо еще, что я твердо усвоил уроки нашей недолгой гласности и знаю, как себя вести. Во-первых, теперь нельзя верить, во-вторых, нельзя надеяться, в-третьих, нельзя просить. Очень просто, только бы не перепутать. Не исключено, что из меня хотят выудить компромат на Петухова. И если я по глупости или по малодушию настучу на него, нам станут шить статью 58¹¹, групповую. Но я стану отмалчиваться, и скорей всего получу обыкновенную 58¹⁰ — антисоветскую агитацию, безо всяких литер. Ничего не скажу, ничего не подпишу, пускай проводят через ОСО. Пусть ставят на конвейер, сажают в кандей, толку не добьются. Я их не боюсь. Все равно потомки меня реабилитируют. А моих палачей обязательно покроют несмываемым позором, лет, эдак, через пятьдесят, и кое-кого из них даже назовут пофамильно. Так что все в порядке.

Одно меня беспокоит: когда меня реабилитируют посмертно, кто получит за меня компенсацию в виде моей двухмесячной зарплаты? Тем более, сейчас у меня зарплаты нету. Есть над чем задуматься. Согласитесь, неприятно погибнуть, зная, что за тебя никогда и никому не выплатят ни копейки.

Обидно, что на перестройку и гласность нашлась-таки альтернатива. Но я твердо убежден, что сталинизм обречен, ибо светлое будущее неизбежно. Или нет, наоборот, светлое будущее неизбежно, ибо сталинизм обречен. Ведь не может же быть, чтобы совсем наоборот. Тогда бы ничего не осталось от исторического оптимизма, а кроме исторического оптимизма, нам вообще ничего не остается.

Нет, Петухова я им ни за что не выдам, хотя он глубоко заблуждающийся человек. Согласитесь, заблуждаться в рамках социалистического плюрализма — это еще куда ни шло. А вот глубоко заблуждаться, то есть выходить за рамки, советскому человеку не к лицу, из-за этого немудрено нажать себе кучу неприятностей.

Мы с Петуховым проговорили полночи, до того увлекательно сложилась беседа. Костя оказался ужасным оригиналом. Например, он убеждал меня, что после семнадцатого года наша страна ускоренно прошла весь исторический путь человечества. Сначала первобытный строй, он же военный коммунизм. Потом рабовладение, при Сталине. Потом феодализм, при Брежневке. А теперь, дескать, мы подошли вплотную к классической буржуазной революции. Теория очень забавная и не лишенная убедительности, хотя и в корне ошибочная, разумеется.

За одну только эту теорию ему несдобровать, если прознают в КГБ. Но я не стану доносчиком, никогда, ни при каких обстоятельствах. Тем более, что это не спасает, как известно.

Мы с Петуховым сидели и пили чай в выходившем на коммунальную кухню закутке, не то маленькой комнате, не то большой кладовке. Жена Кости, милостивая хрупкая брюнетка по имени Таня, уложила дочку спать и пошла на работу. Я поинтересовался, где она работает, оказалось, в библиотеке.

— Кстати, старина, — Костя как-то незаметно перешел со мной «на ты». — А не записаться ли тебе в библиотеку? Сейчас конец года, Таньке новые читатели позарез нужны.

— В принципе я не против.

— Ну и отлично. Запишем твои паспортные данные, заполним карточку, и все. Тебе даже приходиться необязательно, это чистая формальность, для плана.

— Неужели у библиотеки есть план?

— А как же. Ты, я вижу, прямо как с Луны свалился. У них же годо-

вой план по новым читателям. Я уже всю нашу контору в библиотеку записал. Так что присоединяйся.

— Ладно, с удовольствием. Только вот у меня прописки нету.

— Не беда, адрес придумаем.

— А почему Таня по ночам работает? Это ночная библиотека, что ли?

Костя заулыбался.

— Нет, что ты, обыкновенная районная библиотека. А Танька сейчас вкалывает день и ночь, ей надо всю статистику за год переписать. Понимаешь, слишком много книг в этом году брали, план по статистике перевыполнен. И надо все сводки переправить, иначе на будущий год им план повысят.

— Откровенно говоря, это какие-то странные игры, — заметил я. — Зачем это надо, кому?

— Эх, Лева, не понимаешь ты прелестей плановой системы. Раньше ты где работал?

— В НИИ.

— Ага, ясно. Чистая наука. Ладно, чтоб ты понял, расскажу тебе маленькую притчу.

И Костя Петухов, член добровольной народной дружины с 1979 года, рассказал мне притчу о милицейской инспекторше, буфетчице и плане.

Много лет кряду дежурил Костя Петухов в народной дружинке, по тридцатым числам каждого месяца. Прослушав инструктаж, он с коллегами вышел патрулировать. Свернув за ближайший угол, они сняли повязки и шли в кафе «Кривичанка» пить кофе со вчерашними булочками. Удивительно, однако факт — каждый день там подавали только вчерашние булочки.

А однажды, к началу инструктажа, в штабе появилась женщина в партикулярном. Она представилась лейтенантом милиции, инспектором по делам несовершеннолетних, и попросила дать ей для рейда двоих дружинников. Вызвались Костя и еще один парень из техотдела.

Уже на улице инспекторша объяснила цель рейда. Ей для квартального отчета не хватало протокола о продаже спиртного несовершеннолетним. По плану полагалось составлять один такой протокол в месяц. Вот она и отправилась в последний день месяца восполнять пробел в отчетности.

Дело было еще при Брежневке, выпивка во всех кафе лилась рекой.

Зайдя в ближайшее кафе-мороженое, они сразу увидели возле стойки двоих безусых парнишек, которые с важным видом потягивали коньяк. Их завели в подсобку, пригласили туда же буфетчицу и стали составлять необходимый протокол. Немолодая, рыхлая буфетчица разрыдалась и стала причитать, что она не виновата, что у нее план, что на одном мороженом плана не вытянешь...

— Такая вот история, — заключил Костя. — Одна баба ради плана поит, другая баба ради плана ее подлавливает. И обе при деле. Ну так как, будешь записываться в библиотеку?

— Ладно, — сказал я. — Запишусь. Чего не сделаешь ради плана.

— Ну и молодец, — одобрил Костя. — Да, кстати, пока не забыл. Хочу тебя предупредить. У нас в Кривограде воду из крана не пей. Только кипяченую. А то, знаешь ли, коагулянт у нас кончился...

— Что еще за коагулянт?

— Ну, глинозем, которым воду очищают. Еще месяц назад кончился, по всей республике. Меня соседка предупредила, она в Минкоммунхозе работает. Уж такой фонд нам выделили из Москвы по

глинозему. С самого начала было известно, что до Нового года не дойдем. А теперь в городе начался гепатит.

— Сущее безобразие, — возмущился я. — Этого нельзя так оставлять. Жаловаться надо.

— Куда жаловаться, кому?

— В Москву, естественно.

— Оригинальная идея, — признал Костя. — Жаловаться в Москву на Москву. А Москва Москве передаст жалобу и поручит подготовить ответ. Ты серьезно уверен, что Москва Москве глаз выклюет, или шутишь? А я имею некоторый опыт, уже который год строчу жалобы, правда, по другому поводу. Целую папку отписок накопил, могу показать при случае. Но толку — ноль.

— И по какому поводу?

— Насчет воды, — сказал он. — Вернее, ее напора. У нас давление в водопроводе ровно на одну атмосферу ниже, чем полагается. И знаешь, почему? Вот послушай. Городской водокачке спускают план на экономию электроэнергии. Столько-то киловатт надо сберечь за год. Ну они и запускают насосы не на полную мощность. Сэкономят, сколько велено, доложат по начальству, получат премию за бережливость. А на следующий год им уменьшают лимит электричества — на столько, сколько удалось сэкономить. Логично? Вполне. И тут же дают новый план по экономии. Тоже логично. Они опять сэкономят, никуда не денутся. Им дадут премию, похвальную грамоту, снова срежут лимит и велют еще сэкономить. Так что теперь у нас на третьем этаже воды вовсе нет, а на втором — с перебоями. Все строго по плану. Вдобавок по соседству, как на грех, господский дом построили.

— Как это, господский?

— Да так, господский, для городской элиты, по спецпроекту. У них свой отдельный насос стоит в подвале, поддерживает напор. И теперь у нас из-за этого воды совсем нет. Раньше хоть по ночам была . . .

— Неужели тут ничего нельзя сделать? — спросил я.

— Можно, почему нет, — пожал плечами Костя. — Надо пойти и отдать обратно Зимний. Дескать, извините, мы погорячились. Только кто его, Зимний-то, теперь обратно возьмет . . .

— Ты погоди . . . Ты что же это, предлагаешь вернуться назад к капитализму? И возродить у нас эксплуатацию?! — возмущился я.

— Чудило ты, ей-Богу, — хмыкнул Костя. — Начнем с того, что капитализм у нас не позади, а впереди. А потом, такой эксплуатации, как у нас, больше нигде не сыщешь. Знаешь, я недавно увидел самую свирепую антисоветчину, какую только можно вообразить. И знаешь, где? В столе у Утятьева. Называется она плановая сводка отдела. И написано там, что у нас квартальный фонд зарплаты — пять тысяч рублей. А чистая прибыль за квартал — тридцать тысяч с хвостиком. Понял? Ведь из-за чего заварилась эта марксистская каша? Из-за прибавочной стоимости, эм плюс вз плюс цз. Вот теперь мы и имеем пять тысяч вз и тридцать тысяч цз, коэффициент эксплуатации один к шести . . .

— Что-то ты меня совсем запутал, — перебил я.

— Да ведь это проще пареной репы. Где ж ты найдешь такого суку-капиталиста, чтоб платил работникам одну седьмую, а шесть седьмых зажиливал себе? Ты скажешь, мол, у нас медицина бесплатная, образование. Знаем эти песни. Ведь за такие деньжищи можно к каждому приставить личного врача, а детей отправить хошь в Гарвард, хошь в Сорбонну, разве ж нет?

Мне даже не по себе стало. Никогда в жизни я не видел столь ярого

диссидента и отпетого антисоветчика. Сказали бы, что у нас в стране такие есть, ни за что бы не поверил. И лишь потом, по ходу разговора, я понял, в чем причина. Оказалось, что Костя Петухов — неудачник. Да-да, классический тип брюзжащего неудачника.

Пытаясь перевести разговор на менее щекотливую тему, я спросил:

— Ты, кажется, Хэмингуэя любишь?

— Вообще нет, с чего ты взял.

— Да вот же, портрет на стене, — и я указал на фото бородатого, загорелого Хэма в тенниске.

— Ничего подобного, я его терпеть не могу. Посмотри на подпись.

Внизу на фотографии было начертано шариковой ручкой: «И. о. Скотта Фицджеральда».

— Я Фицджеральда люблю, — заявил Костя. — Можно сказать, преклоняюсь. Но его портрета даже не видел никогда, поэтому пришлось повесить Хэма. Как-никак, они дружили.

— Ясно, — сказал я. — Что ж, Фицджеральд очень тонкий психолог.

— Не в том дело. Судьбы у нас похожие. Он был рекламным редактором. Я тоже что-то вроде этого. Он жил в бедности. И я тоже в бедности. Он написал роман. И я написал роман. Так что у нас много общего.

— Ты говоришь, рекламный редактор? — удивился я. — А я-то ду- мал, ты истопник . . .

Тут Костя расхохотался и долго не мог остановиться. Когда же наконец отсмеялся, то объяснил, в чем дело.

У них в конторе работал истопником какой-то экс-чемпион по толканию копья на короткие дистанции. Человек хороший, но жутко запойный. Вот он еще прошлой осенью взял и запил на месяц, пришлось уволить, а нового истопника так и не нашли. Сначала Костя топил котел просто так, бесплатно, чтоб не замерзнуть всему коллективу, а потом подумался оформить истопником жену, благо у нее в запасе вторая трудовая книжка.

— Только все равно денег не хватает, — пожаловался он. — Живем впритык, от зарплаты до зарплаты.

— Это я понимаю, — посочувствовал я. — Мне, помнится, бывшая жена сказала на прощание так: «Я думала, ты физик, а на самом деле ты дерьмо. Разве физикам платят такие гроши?»

— Все потому, что мы — интеллигенция, — подытожил Костя. — Она, интеллигенция, должна жить вприглядку и в черном теле. Чтоб не быстро размножалась.

Я мысленно с ним не согласился, но вслух спорить не стал. Видимо, у них, в Альтернативной Вселенной, свои взгляды на интеллигенцию. А по мне, так ее давно пора уравнивать в правах, если не с рабочим классом, так хоть с кем-нибудь. Ну там, с семьями, потерявшими кормильца, к примеру.

А Костя снова принялся рассказывать про Скотта Фицджеральда, как тот написал роман и в том же году напечатал, и стал знаменитым, и заработал сразу восемнадцать тысяч долларов, и на том сходство между ним и Костей заканчивалось. Потому что Костя уже пятый год никак не мог напечатать свою книгу и знаменитым не стал, и ни рубля не заработал.

— Зато издательских рецензий у меня целая куча, — сказал он со злостью. — Одна другой хлеще, и все требуют переделать роман. Первому рецензенту не понравилось, что героиня у меня — проститутка. Второму, значит, фигура следователя кажется психологически

неубедительной. Третий не верит моральному перерождению героя. Четвертый вообще считает роман вредным в плане воспитания молодежи. А пятый написал прямо в лоб — зачем, дескать, герой убивает старуху топором, и что автор этим хотел сказать? Шестому даже название не по вкусу . . .

— А как называется твой роман?

— «Преступление и наказание».

— Интересно, — сказал я. — Только мне кажется, если не изменяет память, у кого-то из классиков такое название уже было. У Толстого вроде бы . . .

— Очень может быть, — кивнул Костя. — У нас, в Кривограде, Толстой в спецхране, потому что он непротивленец. Достоевский там же, потому что мракобес. Я давно мечтаю их почитать, да достать нигде . . .

— Погоди, как же так? Их даже в школе проходят.

— Ага, проходят. По учебнику. А сами книги — в спецхране.

Вздыхнув и машинально почесав вымытую голову, Костя продолжил.

— Короче говоря, я на этом своем романе уже поставил крест. Не возьмет его издательство, там все глухо, как шесть пик. И я решил было написать роман о декабристах, все-таки революционеры, может проскочить. Стал собирать материал, увлекся шибко этим делом и понял, что надо брать шире, начинать с Наполеоновского нашествия. Здоровенный роман должен получиться, в четырех книгах, в меньшее не уложусь. Только как представлю, какую ахинею мне рецензенты понапишут, так просто руки опускаются, матка опускается, и все-то мне становится по фигу . . .

— А тебе что, главное — прославиться и заработать? — спросил я в упор.

— Если честно, то не мешало бы. Да ладно, перебыюсь как-нибудь. Или попробую совершенно нейтральную штучку написать, такую, чтоб не придрались. Скажем, о феодальной Испании. Представляешь, один чувак начитался рыцарских романов и спятил на этой почве. Надевает доспехи, садится на коня и едет искать приключений на свою задницу. А с ним оруженосец, тоже придурок редкостный. Рыцарь тощий, как палка, а оруженосец толстый, как бочка. Думаю, очень забавно получится. И начало уже готово, — он процитировал наизусть. — Досужий читатель, ты и без клятвы можешь поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разума, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия. Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в моей власти. Ну как? Не слабо закручено?

— Ты только не обижайся, — сказал я, — но мне кажется, нечто подобное я уже читал.

— Про декабристов или про рыцаря с оруженосцем?

— Да нет, про тебя. Кажется, у Морхеса есть рассказ . . . Там писатель пишет-пишет, а эта книга давно уже написана.

Костя помрачнел.

— Ну ее на хер, эту литературу, — буркнул он с ожесточением. — Откуда мне знать, что написано, а что нет. Вот ты говоришь, Моркес. А я про такого вообще впервые слышу. Нет, пора мне завязывать с этим делом.

Он достал из кармана мятую пачку «Беломора» и закурил.

— А знаешь, у меня тесть был писатель, — вдруг вырвалось у меня. Это возникло, как вспыхнувшее прозрение, как мгновенное под-

ключение к ноосфере. Большущий кусок памяти внезапно ожил в моем мозгу.

Я стал объяснять Петухову, что книги пишутся не так. Вот мой тесть сначала писал заявку и относил ее в издательство. А потом уже, когда роман поставят в план, он садился и писал. Всегда успевал к сроку, без сучка и без задоринки. Только однажды получилась неувязка, и тесть целую неделю ходил бешеный. Он сдал заявку на роман в двадцать пять листов, а издательство запланировало ему пятнадцать. У них, видите ли, нехватка бумаги. Ну тесть закатил им жуткий скандал и в конце концов помирились на двадцати листах . . .

— Как его фамилия, случайно не Бендеров? — спросил Костя.

— Нет, кажется, у него другая фамилия.

— Что значит «кажется»? Не хочешь говорить, что ли?

— Ты не обижайся, я правда не помню, — чистосердечно сознался я. — С некоторых пор у меня неладно с памятью.

Костя удивленно воззрился на меня. А я вдруг лихорадочно стал вспоминать, припоминать, рыться в нахлынувшей вдруг памяти. Вспомнил, как мне проломили голову.

Началось с того, что я повздорил с тестем.

В сущности, человек он был неплохой, из отмирающей породы идеалистов. То есть, он имел идеалы и считал своим долгом их защищать, а именно, бороться направо и налево с наличием других идеалов или с отсутствием оных вообще. А боролся он, как правило, так.

Чуть ли не каждый вечер, основательно тяпнув «Посольской», он садился в любимое кресло, меня усаживал напротив в качестве аудитория и пускался обличать.

Он говорил, что Россию разграбили и загубили, что повсюду засели масоны, что с Запада надвигается рок-музыка и наркомания, что телевидение развращает народ, что тлетворная масс-культура пускает корни, что все эти компьютеры и ксероксы не доведут до добра, что русскому человеку нигде не дают хода, что слово «патриот» стало чуть ли не матюгом и уже отступать некуда, вскоре нас ждет не то новое Куликово поле, не то очередной Сталинград.

И вот однажды я не выдержал. Накануне мы с Ладой, с бывшей женой, то есть; только тогда она была еще не бывшая, а просто жена, так вот, мы с ней сильно поцапались, потому что я заявил, что мы живем не по средствам, а она заявила, что ее муж зарабатывает жалкие копейки, меньше любого американского безработного. И хотя оба мы были абсолютно правы, скандал получился такой, что хоть святых выноси. А тут еще тесть подвернулся со своими lamentациями, которые я давно выучил наизусть.

«Послушайте, батя, — перебил я его в сердцах, едва он дошел до ксероксов, — ну что вы. — Это я ему. — На Запад-то окрысились. Вот костюм на вас финский, рубашка французская. Ботинки у вас итальянские, дубленка у вас канадская. Ни единой ниточки на вас отечественной нету и даже соцлагерной. Все оттуда, из-за бугра. И ездите вы туда в охотку, с делегациями, и после каждой поездки «Шарп» в комиссионку ставите. А ведь это все эксплуататоры выпускают, империалистические бандиты и кровопийцы. Это ж все сделано в условиях полнейшей наркомании и сплошного хэви-метал'а. Как же так. — Говорю. — Батя!»

Тут у него челюсть отвалилась, глаза выпучились. А когда опомнился, начал орать. Он кричал, что я нахал, подлец и сволочь неблагодарная. Что он пригрел на груди идейную змею. Что все вы нынче норвите на готовенькое. Что я оскорбил не только его, но и всю Родину-

Мать, хотя при чем тут Мамаев курган, до сих пор не пойму. Он вопил, что капиталистические шмотки носит из солидарности с ихним замученным трудовым людом. Что он прямо-таки кожей чувствует труд австралийских пастухов и ланкастерских ткачей. И в таком духе битый час визжал, как йоркширский борз.

Кончилось тем, что он отправился допивать «Посольскую», а я вышел на улицу, прогуляться и успокоиться. Бесцельно слонялся по темным переулкам, углубленный в свои переживания, почти ничего вокруг не замечая. Лишь краем глаза увидел двоих плечистых молодчиков, которые вразвалочку пересекали пустырь. Они словно бы прогуливались не торопясь, потом оказались у меня за спиной, и на мою голову обрушился чудовищный удар. Очнулся я уже в больнице. Пропали часы, пропал бумажник с деньгами и документами. Пропала память, да и все пропало.

Потом я долго лечился, тем временем меня развели, выписали и уволили, а потом я собрался в Шарыгино, встретил Утятьева и очутился в Кривограде.

Только-только я решил поделиться с Костей своими вновь обретенными воспоминаниями, как тот звучно зевнул и сказал, что пора ложиться спать. Мы перевернули столик, за которым пили чай, вверх ножками и поставили поверх него раскладушку. Она как раз уместилась по диагонали комнатки. Костя пожелал мне спокойной ночи и отправился спать в свою комнату, не дождавшись жены.

Хотя устал я невероятно, уснуть никак не получалось. Я думал о том, что Костя Петухов настолько законренный диссидент, даже удивительно. Раньше я никак не мог взять в толк, откуда у нас берутся антисоветчики. Ведь нету у нас давно ни помещиков, ни кулаков, ни белогвардейцев. Народ сформировался давно в единый и советский. Так нет же, появляются инакомыслящие. И вот меня озарило, что надо таких людей не сажать в кутузку, а жалеть и беречь, только и всего. Едва същется кто-нибудь порядочный и одаренный, сразу взять его на особый учет, срочно дать ему хорошую квартиру, желательно с телефоном, продвинуть по службе, прикрепить к магазину заказов в порядке исключения. Тогда ему просто неудобно будет клеветать на наш общественный и государственный строй. И обойдется оно дешевле, чем пятый отдел КГБ и политзоны со спецпсихбольницами, и все будет довольно. Ведь Костя Петухов, хотя он и не матерый человечисе, и книги у него несвоевременные, все-таки хороший и неглупый человек, и ему надо бы жить по-человечески.

С такими мыслями я заснул.

8.

Принесли ужин. Я совсем забыл, что хочу объявить сухую голодовку в знак протеста, и съел все подчистую. А наевшись, вспомнил и решил, что торопится некуда, голодовку объявлю завтра с утра.

Вмятина в черепе начала противно ныть, как будто туда налили ледяной воды. Чтобы отвлечься, я попытался вспомнить что-нибудь из Альфегиной книжечки.

«И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И город не имеет нужды ни в солнце,

ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запирались днем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов; и не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни».

Примерно так, если я ничего не путаю.

По-моему, неплохо написано. Можно без преувеличения сказать, что это образец того, к чему все мы должны стремиться. И меня даже не смущает явный религиозный уклон текста. Ведь теперь верующим разрешено стремиться в одном направлении с нормальными людьми. Только вот одно мне остается неясным, насчет Бога, который утрет всякую слезу с их очей. Спрашивается, кто же утрет эту самую слезу, если Бога, как известно, нету?

Выйти из затруднения можно, по-моему, так. Надо избрать достойных представителей из числа передовиков производства, отличников боевой и политической подготовки, членов совета ветеранов, профессиональных лекторов-пропагандистов, ну и тому подобное. Выдать всем им чистые носовые платки, пусть они ходят и, в качестве общественной нагрузки, утирают эти самые слезы. Как видите, очень просто и эффективно.

Нет, отвлечься не получается, уж очень ломит голову. Боль разыгралась не на шутку, хотя утром, когда Петухов меня разбудил, она была вполне сносной.

По дороге на службу хмурый, невыспавшийся Костя не проронил ни слова.

Когда мы вошли во дворик, я заметил, что в его дальнем углу стоит автомобиль «Волга» с включенным мотором и погашенными фарами. В нем сидели двое мужчин, один из них попыхивал сигаретой, и ее раскаленный кончик был хорошо виден.

— Костя, посмотри-ка, — я тронул моего спутника за рукав и указал кивком на подозрительную машину.

— А, это Курагин, директор наш, — небрежным тоном объяснил тот. — Сидит и засекает, кто во сколько на работу придет. Делать ему больше нечего, идиоту.

Он отпер дверь, и мы вошли в промерзшее за ночь помещение отдела. Костя снял пальто, натянул перепачканный старый свитер и отправился в подвал. Вдруг я услышал целый шквал громогласных проклятий и, решив, что случилось неладное, поспешил на помощь Косте.

Петухов стоял на краю люка, смотрел вниз, в подвал, и бранился на чем свет стоит. А там, в подвале, весь пол был залит зловонной канализационной жижей.

— Странно, — заметил я. — Ночью тут никого не было. Откуда же такая лужа взялась?

Пыхтя и ругаясь, Костя полез под лестницу, ведущую на второй этаж, и вытащил из-под нее несколько завалавшихся кирпичей. Затем спустился вниз и начал раскладывать кирпичи в вонючей луже, на расстоянии шага один от другого.

— Значит, где-то ниже по течению труба засорилась, — рассудил он. — И откуда течет говно из соседнего дома, понял?

К четверти девятого особняк наполнился хлопанием дверей и топотом ног. Коллектив спешил на службу. Я сидел за Костиным столом и от нечего делать перебирал лежавшие на нем бумажки. В основном то были черновики газетных объявлений, призывавших беречь рабо-

чеё время, экономить каждую его минуту, не допускать простоев и крепить дисциплину.

Наконец вошел Утятъев с залепленной пластырем щекой; он грустно поздоровался со мной, отводя глаза в сторону, и принялся протирать очки. Следом появился человек в аккуратном пальто и ондатровой шапке. Был он худ, невысок, но от него исходила внятная энергия напора и власти. Он поздоровался с Утятъевым за руку, кивнул привставшей Гликерии и вопросительно уставил на меня свои черные, слегка навывкате, начальственные глаза.

— Это наш новый сотрудник, — поспешил объяснить Утятъев. — То есть, виноват, кандидатура на вакансию Гершензона. Он физик, работал в Москве . . . Лева, это наш директор, товарищ Курагин.

— Очень приятно, — промолвил я.

— После обеда — ко мне — с Утятъевым и всеми документами, — отрывисто сказал директор. — Что это еще за дрова на батареях?

— Сушатся дрова, — объяснил возникший в дверях Петухов. — Иначе котел не растопить.

— Уберите, — велел Курагин. — Здесь вам учреждение, а не дровяной склад.

— Леонтий Федосеич, они ж мокрые насквозь . . .

— Тогда сушите у себя дома. А отсюда уберите. Ясно?

Мрачно вздохнув, Костя принялся собирать дрова с отопительных батарей.

— Почему Лукича нет на месте? — обратился директор к Утятъеву.

— А он с утра пошел в, это самое, в Министерство пуговиц, — не сморгнув глазом доложил тот. — Они просили посмотреть ихние часы в вестибюле.

— Непорядок. Сколько раз я говорил, к восьми-пятнадцати все должны быть на рабочих местах. Все, без исключения. А если кому куда надо, сначала пусть явится . . . А потом уже идет, куда надо . . . Как явится Лукич, срочно пришлите его ко мне. С объяснительной.

— Слушаюсь, Леонтий Федосеич.

— Там, в подвале, канализация протекает, — вдруг встрял Костя. — Весь пол залило, скоро пройти будет нельзя.

— Так вызовите аварийную, — отрезал директор. — Или что, я вам должен, это самое, чинить? . . .

— Давай вызывай, — поддакнул Утятъев. — Что ж ты? Я еще вчера тебе сказал, вызови аварийную . . .

— Ладно, вызову, — буркнул Костя. — Лева, пошли, надо еще дров напилить.

С большой охапкой поленьев в руках он пнул ногой дверь и вышел. Следом за ним и я спустился в подвал. Осторожно ступая по цепочке кирпичей, мы пробрались в котельную. Там, по счастью, было пока сухо. Большую ее часть занимала куча антрацита и кое-как сваленные бревна. В углу гудел и потрескивал небольшой чугунный котел. Сквозь его щели и трещины видно было, как пламя усердно облизывает куски угля. Мы надели рукавицы, взвалили бревно на козлы и принялись пилить. Из-под зубьев пилы летели опилки вперемешку с водяными брызгами.

Когда мы распилили третье бревно, Костя объявил перекур.

— Если б ты только знал, — сказал он, усевшись на чурбак и закурив папиросу, — до чего мне все это блядство настодолбенило.

— Да, дрова плохие, — согласился я. — И пила не заточена.

— Не горюй, Костя, — попытался утешить его. я. — Все равно скоро и здесь начнется перестройка . . .

— Не начнется она здесь, не надейся. Как был Кривоград, так Кривоградом и останется. Ты что, до сих пор ничего не понял или прикидываешься?

— А что я должен понять?

— А то, что здесь творится.

— А что здесь творится?

Костя глубоко затаился и выпустил струю дыма в низкий корявый потолок.

— Страна у нас чересчур большая, — задумчиво сказал он. — Охреневающе большая страна. С такой шутки плохо. Таковую враз не переделаешь, нужен особый подход, верно?

— Разумеется, — кивнул я.

— Значит, надо сначала попробовать, примериться, эксперимент произвести, разве нет?

— Пожалуй, да.

— Вот, к примеру, посмотри на Прибалтику. Там сейчас самый настоящий полигон демократии. Как Польша при Александре Первом. Им ее, демократию, разрешили и теперь смотрят, как пойдут дела. Если хорошо, будут расширять эксперимент. Если плохо, прикроют к едрене фене, вот и вся тебе демократия.

— Но демократия не есть вседозволенность, — напомнил я.

— Золотые слова, — оживился Костя. — Именно так, дружище. И у нас, в Кривограде, как раз устроили испытательный полигон вседозволенности. Ясно?

Он загасил папиросу и швырнул окурок в угол.

Костины слова никак не укладывались в голове, очевидно, мешала вмятина.

— Послушай, — сказал я, — а кто у вас в Москве генсеком?

— Не понял вопроса.

— Я говорю, кто в вашей Вселенной генеральный секретарь?

Костя изумленно посмотрел на меня.

— Да ты что, брат, из дурдома сбежал?

— Почему сбежал, меня выписали. То есть я точно не могу припомнить, но, должно быть, выписали. Скорей всего.

— Так-та-ак, — протянул Костя. — Интересные дела. Скажи, пожалуйста, а как тебя в дурдом-то занесло?

И я охотно рассказал все, что удалось вспомнить. Про ссору с тестем, про двоих молодчиков на пустыре, про больницу, Альфегу и его книжечку, про то, как я обнаружил, выйдя из больницы, что мне негде жить и некем работать, и я плюнул на все и решил поехать в Шарыгино, про то, как я ел лангеты и познакомился с Утягьевым, наконец про то, как самолет попал в зону необъяснимых флуктуаций и приземлился уже в Альтернативной Вселенной, где все очень знакомо, но чуточку по-другому . . .

— Да что ж это делается?! — не дослушав, взорвался Костя. — Выкинули человека на улицу — из дома, с работы . . . А ты-то чего зевал? Как ты это позволил?!

Я смутился.

— Ну, мне Лада сказала, напиши, мол, заявление о выписке . . . если ты честный человек. Конечно, я написал, я же честный. А с работы просто так уволили, по сокращению. Не драться же теперь с ними . . .

— Но врачи куда смотрели?! — бушевал Петухов. — Суки, бляди,

коновалы, лишь бы койку освободить . . . Почему тебе инвалидность не оформили?

— Зачем инвалидность, я не хочу. Я работать могу, хоть в Шарыгино, хоть здесь . . .

— О Господи, я-то думал, ты прикидываешься, — запричитал Костя. — Нет, это полное скотство. Этого нельзя так оставить. Жаловаться надо!

— Куда жаловаться?

— В Москву!

— Так я ж как раз из Москвы . . .

Костя осекся.

— Да . . . — сказал он. — Действительно . . .

После некоторого раздумья он встал.

— Ладно, пошли наверх. Что мы тут сидим, говно нюхаем.

Мы поднялись в отдел. Оказалось, директор еще не уехал. Он сидел на стуле, расстегнув пальто, и дружески калякал с Агафоном Игнатычем. Утятьев и Гликерия, оставив работу, почтительно внимали их разговору.

Петухов бесцеремонно подошел к Утятьеву и, что-то прошептав на ухо, увлек его в соседнюю комнату. Директор неодобрительно на них покосился.

Я присел на стул в углу и задумался. Я думал о большой стране, очень-очень большой стране, где идет небывалый, неслыханный эксперимент, и страна до того большая, а эксперимент настолько небывалый, что идет он в разных местах в разные стороны.

Краем уха я слышал, о чем беседовали директор и Агафон Игнатыч. Насколько можно было понять, они обсуждали местное руководство. У кого-то отец был русский, а мать кривичанка, и тот специально взял фамилию матери. А еще у кого-то бабушка была татарка, а дед и вовсе мордвин, но тот всюду упорно козыряет кривичским происхождением. И еще один, сам кривич наполовину и жену взял русскую, однако сына пристроил в горком комсомола и явно намерен двигать его дальше. Никакого смысла в их беседе я не уловил. Какая разница, кривич ты или нет, лишь бы интернационалистом был. Однако они были всерьез ею увлечены, так и сыпали примерами, причем Агафон Игнатыч сообщил, что давно собирает картотеку, там они все как облупленные, и если Леонтий Федосеич заглянет на огонек, то сможет с этой картотекой подробно ознакомиться. После чего директор взглянул на часы, озабоченно сказал, что засиделся, а дела не ждут, и ушел.

Из соседней комнаты появились Петухов с Утятьевым, последний выглядел надутым и озабоченным.

— А где Леонтий Федосеич? — спросил Утятьев у Агафона Игнатыча и почему-то искоса взглянул на меня.

— Только что уехал.

— Вот незадача . . .

Костя сел за свой стол, придвинул машинку и принялся печатать.

Утятьев как-то странно, бочком приблизился ко мне. Казалось, он внутренне напряжился и в любой момент готов отпрыгнуть. Помнится, я подумал, что полученная от жены трепка основательно расшатала его психику.

— Ну что, Левочка, сидишь? — ласково осведомился Утятьев. — Сидишь и скучаешь, да? Может, лучше тебе сходить прогуляться, свежим воздухом подышать, а? Сходи-сходи, посмотри на город, проветри, в магазины зайди . . .

— А магазины все закрыты, — подала голос Гликерия.

— Точно, — поддержал ее Костя. — Они годовой план выполнили и встали на переучет еще на прошлой неделе.

— Ну и что такого, — не смутился Утятцев. — Можно ведь и в кино сходить, и в кафе. У тебя, Левочка, деньги есть? А то я могу рублик дать . . .

— Спасибо, не надо, — ответил я. — Только мне как-то неудобно гулять в рабочее время.

— А что ж тут такого, золотой ты мой? Ты же еще не оформился даже. Вот после двух приходи, мы вместе в дирекцию поедем, оформляться. А пока погуляй, Левочка, погуляй . . . Договорились?

— Хорошо, раз вы просите . . . — я начал одеваться, но вдруг вспомнил. — Погодите, а кто же будет за часами присматривать?

— Ничего страшного, Костя за ними приглядит, — лебезил Утятцев. — Он за ними все это время присматривал, вот и теперь присмотрит, невелика забота, верно, Костя?

— Угу, — промычал Петухов.

— Ладно, — сдался я. — Пойду, действительно, прогуляюсь. А то голова ноет что-то. Значит, вернусь в два часа, хорошо?

— Хорошо, дорогой, очень хорошо, — неизвестно чему обрадовался Утятцев.

Я вышел из особняка и сощурился, так ярко светило солнце, так сильно лучились сугробы радужными спектральными иглами. По тихой, пустынной улице, кое-как прибранной усилиями кооператоров, зашагал я в сторону центра. Чтобы не заблудиться, я решил идти все прямо и прямо, а если сворачивать, то только налево, и тогда непременно найду дорогу обратно.

Однако не прошел я и двух кварталов, как меня догнали те двое. Они словно выросли из-под земли по бокам, и я инстинктивно рванулся бежать, прикрывая руками голову, но меня крепко ухватили за локти.

— Спокойнее, спокойнее, — произнес один из них.

— Лев Григорьевич? — осведомился другой.

— Да.

Сзади подкатила новенькая черная «Волга» и затормозила рядом. Изнутри распахнули дверцу.

— Пожалуйста, пройдемте с нами, — сказали мне.

Меня держали вежливо, но прочно. Почти сразу я сообразил, что на сей раз по голове бить не будут. Иначе они бы не обратились ко мне по имени-отчеству.

— А в чем дело? — спросил я, влезая в машину.

Точнее говоря, я не столько влез, сколько меня захихнули, с энергичной и корректной сноровкой.

— Не прикидывайтесь, — посоветовал один из моих конвоиров.

— Мы из комитета госбезопасности, — полуобернувшись, добавил человек, сидевший на переднем сиденье.

«Волга» живо домчала до здания КГБ и въехала туда с заднего хода. Высокие глухие ворота распахнулись, пропуская машину во внутренний двор. Меня ввели в здание через маленькую железную дверь в стене, с квадратным окошечком и без ручки. Потом меня обыскали, оформили протокол изъятия и хотели, наверно, отобрать галстук и шнурки, но галстука я не ношу, а зимние сапоги у меня югославские, из «Ядрана», на молнии, и молнию отбирать они не стали. Затем меня отвели в полуподвал, в коридор, выстланный заглушающей шаги красной ковровой дорожкой, длинный и со множеством дверей, велели стать лицом к стене, отперли камеру, завели вовнутрь и заперли.

Узкое окно, выложенное стеклблоками, пропускало мало света, и на потолке горела лампочка в решетчатом плафоне. Кроме койки, мурованного в стену столика и параши, никакой мебели в камере не оказалось. Я сел на койку и задумался.

Вот так целый день и просидел, думал-думал, но ничего путного не надумал. С одной стороны, арестовывать меня совершенно не за что. Я не чувствую за собой никаких прегрешений. С другой же стороны, во времена Ягоды, Ежова и Берия миллионы людей в точности так же сидели и недоумевали, и не понимали, что происходит, и полагали, что вышло недоразумение, которое обязательно разъяснится. Обогащенный историческим опытом, я не столь наивен. Нечего тут думать и гадать, вывод очевиден — времена переменялись, теперь мы будем бороться с гнилым либерализмом, недооценкой роли и принижением значения, будем все как один гневно осуждать, а тем временем нас будут брать по одному и объявлять врагами народа, и поступать с нами соответственно. Конечно, окончательная победа нэпа, оттепели и перестройки неизбежна. Жаль только, что теперь она отодвигается на несколько десятилетий. Но рано или поздно на неосталинизм найдется управа в виде неоперестройки. Лично я в этом твердо убежден.

Клацнул дверной замок, и в камеру заглянул надзиратель.

— Который тут на букву «ры»? — спросил он.

— А разве меня тут много? — удивился я.

— Щас вот как врежу по хлебалу . . . — пригрозил вертухай. — Шибко умный выискался. Спрашиваю, который тут на букву «ры»?

— Ну я на эту букву. А что?

— Выходи на допрос. Руки за спину. Давай-давай, шевелись.

Я вышел из камеры. Что ж, допрос так допрос. По крайней мере, это обещает внести в мое положение хоть какую-то ясность.

9.

Мой следователь оказался человеком среднего роста, среднего телосложения, с ровным бесцветным голосом и лицом без особых примет. Он восседал в небольшом, аскетически обставленном кабинете под портретом Дзержинского в скромной никелированной рамочке.

Отчасти меня разочаровало отсутствие каких-либо заметных орудий пыток — ни испанского сапога, ни дыбы, ни даже нагана на столе. И лампу в глаза мне не направили, и стул мой не был намертво привинчен к полу, а просто небрежно придвинут боком к столу.

— Садитесь и давайте знакомиться, — сухо сказал следователь. — Моя фамилия Фядотов, через «я», Фома, Яков, Дмитрий и так далее. Буду вести ваше дело.

— Не знаю никакого Фому, — ответил угрюмо я. — И Якова с Дмитрием тоже. Вы мне горбатого не лепите и туфту не шейте, гражданин начальник.

— Давайте лучше оставим эти игры, — с укоризной в голосе предложил Фядотов. — Блатная музыка тут не к месту. Незачем прикидываться, Лев Григорьевич, мы отлично знаем, что вы за птица.

— Если вы такие хорошие орнитологи, объясните, почему меня арестовали?

— Вы еще спрашиваете. Ай-яй-яй, нехорошо корчить оскорбленную невинность. Вы сами прекрасно понимаете, почему.

— А вот и нет, не понимаю. И никакой вины за мной нет.

— Абсолютно никакой.

В раздумье следователь побарабанил пальцами по столу.

— Все-таки вы нас недооцениваете, — сказал он. — Думаете, мы серые провинциалы, ведь наверняка так думаете, признайтесь.

— Даже если я так думаю, это еще не повод для ареста.

— Допустим. Но мы знаем о вас много, очень много, — гнул свое Фядотов. — Вы и представить не можете, как много на вас накоплено материала.

— Как интересно. Так давайте выкладывайте ваш материал.

— Пожалуйста. К примеру, вы утверждали, что капитализм становится могильщиком пролетариата. Что вскоре повсюду рабочих заменит автоматика, и пролетариат сохранится только в отсталых странах, где имеется диктатура пролетариата. Разве это не ваши слова? — сказал следователь и после паузы добавил: — Отвечайте.

Я смутился. Неужто я действительно мог такое ляпнуть? Да нет, вряд ли.

— Ошибаетесь, — возразил я. — Это не мои слова.

— В самом деле?

— Тогда докажите, где и когда я это говорил, при ком. Назовите свидетелей.

— Заметьте, вы уже начали выкручиваться, — погрозил мне пальцем Фядотов. — Может быть, вы не говорили также, что наша страна доведена до состояния алиментарной дистрофии? Что уже съедены, так сказать, жировые запасы и мускулы, что идет проедание нервных клеток? Хлестко сказано и образно, не спорю. Только боюсь, это вы чересчур. Ну и еще одна ваша метафора, насчет раковой опухоли и метастаз, вы сами помните, что имели в виду . . .

— Нет, не помню, — перебил я. — Ничего такого у меня и в мыслях не было. Вас кто-то неправильно информировал.

Я не мог взять в толк, откуда этот следователь выкопал такую беспардонную ложь обо мне. Никогда я не говорил этого. Да и как я мог говорить то, чего не думал. Тем более теперь, в эпоху гласности. Это раньше, в период застоя, люди говорили не то, что думали, но я никогда не был в их числе, разве что на экзамене по научному коммунизму. И то получил четверку. Не за это же меня арестовали.

Похоже, мне грозит быть осужденным по ложному доносу. Ну что ж, я готов к наихудшему.

— Что же это получается? — неискренне удивился Фядотов. — Чего у вас ни спросишь, вы ничего такого не говорили.

— А доказывать вину должны вы. Этого, между прочим, требует принцип презумпции невиновности. Времена Вышинского, надеюсь, прошли безвозвратно.

— Да, вы и впрямь крепкий орешек, — признал следователь. — Но это все так, лирика. Дело не в болтовне, есть факты посерьезнее.

И он выложил на стол мой паспорт.

— Отличная работа, не правда ли? — сказал он, постукивая по нему пальцем. — Наши эксперты просто в восхищении. Ничего подобного они в жизни не видывали, паспорт совсем как настоящий. Кто вас им снабдил, позвольте узнать?

— Между прочим там написано, кем и когда паспорт выдан, — ответил я. — Вы что, намекаете, что он фальшивый? Так проверьте, чего вам стоит.

— Не беспокойтесь, мы уже телеграфировали запрос в Москву. Так что мы к этому еще вернемся. Меня пока интересует только, почему у вас прописка не представлена? Неужто штампа не нашлось, а?

— Просто у меня нет прописки. Понимаете, нету, и все. Я выписался, можете проверить.

— Да что проверять, — заулыбался Фядотов. — Проживаете вы на Сивцевом Вражке, там же и прописаны. Все удобства, третий этаж, балкон, окна во двор. Или вы теперь от собственной квартиры откажетесь?

— Ну, это уже слишком, — возмутился я. — Прямо бред какой-то. Слушайте, а вы меня, часом, ни с кем не путаете?

— Э, нет, Лев Григорьевич. Мы ничего не путаем, не та у нас профессия.

Тут в моем сердце шевельнулись сразу и надежда, и тревога. Ведь меня явно путают с кем-то другим. Но может быть, они путают нарочно, чтобы меня запутать и впутать. Такое тоже не исключено.

— Скажите пожалуйста, только честно, — попросил я. — Вы меня нарочно с кем-то перепутали или это просто ошибка?

— Я ценю ваш юмор, — усмехнулся следователь.

Сомнений быть не могло. Поднялась новая волна террора, и мне суждено пасть одной из первых невинных жертв. Собравшись с духом, я взглянул следователю Фядотову прямо в глаза. Обыкновенные служебные глаза, такие могли бы принадлежать и бухгалтеру, и домоуправу, и завкадрами. В них не замечалось ни тени inferнальности. Однако сей человек владел ключом от бездны и отверзал печати, и намеревался по долгу службы бросить меня живым в озеро огненное, горящее серою. Пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела. Но я знал, что придет и другое время, судить мертвых и дать возмездие, и выдать справки о реабилитации, и погубить губивших землю. Поэтому, превозмогая головную боль, я задал своему следователю вопрос.

— Хочу одно спросить, неужели вас ничему не учит исторический опыт? Сегодня вы крутите ручку мясорубки, завтра вас туда затынет самого, так ведь бывало, и не раз. Вы же не лапоть, должны понимать, что новая волна террора обернется в итоге и против исполнителей, против лично вас. Опомнитесь, пожалейте хоть себя и свою семью, коли уж вам людей не жалко . . .

Фядотов откинулся на спинку стула и покрутил головой.

— Ага, понимаю, — не сразу ответил он. — Хороший ход, отлично придумано. Вы надеетесь, что я, как дурачок, отправлю вас на психиатрическую экспертизу. И тогда ваша Эмнисти Интернэшнл поднимет очередной скандал насчет карательной психиатрии. Ловко. Но этот номер не пройдет, зря симулируете.

— Позвольте, я не знаю никакой Эмнисти, — растерялся я. — У меня нету знакомых иностранок. Что вы из меня шпиона сделать хотите?

— Браво, — сказал следователь и саркастически похлопал в ладоши. — Это становится занятным. Ну-ну, продолжайте, времени у нас предостаточно.

— Сначала я думал, вы меня с кем-то путаете, — произнес я. — А теперь вижу, что ошибся. Только учтите, я не дам никаких ложных показаний и ничего не подпишу. Можете делать со мной все, что угодно, новую звездочку на погоны на мне вам не заработать.

— Н-да, московские коллеги нас предупреждали, что с вами лучше не связываться. Да что поделать, если вы сами напросились. Мы не могли вам позволить мутить здесь воду и налаживать контакты. У нас такие штучки не проходят, — он выдвинул ящик стола, но извлек оттуда не револьвер, а чистый бланк и взял ручку из подставки. — Что ж, давайте составим протокол. Ваша фамилия, имя, отчество?

— Русских Лев Григорьевич.

— Я имею в виду, настоящая фамилия.

— А у меня одна фамилия, Русских, она же и настоящая.

— Ну что вы запираетесь, Рускин, кого вы хотите обмануть вашим подложным паспортом? Значит, я записываю: Рускин Лев Григорьевич, он же Русских, подпольная кличка Физик. Так или нет?

— Действительно, я физик по образованию, и никакая это не кличка. Русских — моя настоящая фамилия. Я не знаю никакого Рускина. И роду не жил на Сивцевом Вражке. Зря стараетесь, уверяю вас.

Фядотов поднял на меня глаза и в замешательстве поскреб пальцем висок. Я сочувственно подумал, что он, вероятно, как и Костя Петухов, живет на третьем этаже и ходит мыться к знакомым.

— Наверно, закурить хотите? — спросил он.

— Нет, не курю.

— Давно бросили?

— И не начинал никогда.

— Странно, по моим сведениям, вы заядлый курильщик.

Хмыкнув, следователь принялся писать. Споро и без заминки заполнил протокол, он придвинул его ко мне вместе с ручкой.

— Прочтите и распишитесь.

— Не буду, — заявил я.

— Как это не будете?

— А так. Отказываюсь подписывать.

Нахмурившись, следователь поднялся из-за стола, однако бить меня не стал, а прошелся по кабинету.

— Ладно, Рускин, — сказал он, вновь подойдя к столу и нажимая кнопку под столешницей. — Для первого раза хватит. Уведите арестованного.

Последние слова предназначались конвоиру, который и водворил меня обратно в камеру. Не раздеваясь, я лег на койку и, несмотря на боль в голове, почти мгновенно уснул.

Утром надзиратель разбудил меня, согнал с койки и сводил на оправку. Потом принесли завтрак. Свое решение о голодовке я пересмотрел. Впереди у меня этап и лагеря, значит, надо беречь силы, чтобы дотянуть до реабилитации. Поэтому я съел завтрак и стал думать.

В голову лезла всякая чушь. Вот, например. Материя дискретна, время непрерывно. Невозможно представить себе как непрерывную материю, так и дискретное время. В этом что-то есть. В дискретном времени Ахилл никогда не догонит черепаху. Я вообразил, как он гонится за ней, в полной боевой выкладке, запыхавшийся и потный, бречащий амуницией. Ему бы гнаться за Гектором, подвиг совершить, так нет, сдуру погнался за черепахой. Зенон Элейский ухмыляется в бороду, ему-то что, он, знай, апории выдумывает, благо не ему их решать. Еще я подумал, что теперь непонятно стало, то ли перестройка гонится за сталинизмом, то ли сталинизм за перестройкой. Зато ясно одно — кто кого догонит, тот того и разделает как Бог черепаху. Безо всяких там апорий.

Тут пришел надзиратель и повел меня к следователю. Надзиратель оказался новый, а следователь вчерашний — Фядотов.

Внутренне я подготовился к новому туру игры в кошки-мышки, облыжным обвинениям и, возможно, незаконным методам ведения допроса. Однако случилось непредвиденное.

Сегодняшний Фядотов вел себя совсем иначе, нежели вчерашний. Он встал из-за стола, приветствовал меня, подав руку. В ответ я де-

монстративно заложил руки за спину. Тогда следователь неопределенно улыбнулся и попросил присаживаться.

— Извините, Лев Григорьевич, я вижу, вы не в духе, — заговорил он, нервно вертя в руках канцелярскую скрепку. — И я вполне вас понимаю. Должен перед вами извиниться, что я и делаю. Так что примите мои извинения, Лев Григорьевич, очень вас прошу. Произошла ошибка, крайне досадная ошибка, поверьте. Мы приняли вас за другого человека.

— В самом деле? — я не поверил своим ушам.

— Да, как это ни прискорбно для нас. Бывают же такие совпадения...

Нахлынувшую радость я не мог ни скрыть, ни унять, да в том и надобности не было.

— Значит, все в порядке? И перестройка продолжается? Значит, перестройка необратима?

— Ну конечно, — широко улыбнулся Фядотов. — Вот ваш паспорт. Вещи вам отдадут при выходе. Вы свободны.

— А я-то уж вообразил невесть что, — изливался я. — Навыдумывал, знаете ли... Ах, до чего я рад, вы себе представить не можете. И за себя рад, и за страну, и вообще...

— Надеюсь, вы сохраните происшедшее в тайне? Нам бы очень этого хотелось.

— Да-да, понимаю, — закивал я. — Конечно же. Конечно.

— Тогда больше не смею вас задерживать. Всего доброго, — попрощался Фядотов. — Сержант, проводите товарища.

Вот так, неожиданно и счастливо, закончились мои приключения в Кривоградском КГБ. Нет худа без добра, ведь зато я лишний раз убедился в том, что альтернативы у перестройки нет. Ради этого стоило провести сутки под арестом.

Дорогу от КГБ до Службы точного времени я отыскал без труда — троллейбус останавливался как раз напротив, и через две остановки выходить.

— Батюшки, Лева! — как-то кисло обрадовался Утятцев при моем появлении. — Куда ты запропастился?

Он и Петухов сидели в промерзлом, нетопленном помещении отдела, не снимая пальто и шапок. Холод стоял такой, что пар шел изо рта.

— Мы уже и милицию, и морг обзвонили, и больницы... — сообщил Костя.

— А меня в КГБ забрали, — объяснил я.

— Час от часу не легче, — развел руками Утятцев. — Я ж тебя предупреждал, держи язык за зубами. Предупреждал или нет?

— Как забрали, за что? — вздрогнул Петухов.

— Да ни за что. Перепутали меня с кем-то. Продержали сутки, извинились и отпустили. Просили никому не говорить, так что я уж вам по секрету, ладно?

— Ну ты даешь, — восхитился Костя.

Утятцев задумчиво покачал головой.

— Странно, — сказал он. — Просто так они давно уже не забирают.

— Говорю вам, ошибка вышла.

— Ну-ну...

— А что у вас так холодно? — спросил я. — Давайте котел растопим, я помогу...

В ответ Костя выматерился так многоэтажно, что в конце концов сбился, захлебнулся и, не находя больше слов, схватил меня за рукав и потащил к люку, ведущему в подвал.

— Вот! Смотри! Смотри, что случилось! — выкрикивал он, отваливая обитую жестью крышку. — Я так и знал! Я чувствовал, что этим все кончится!

Черная смрадная жижа почти доверху заполняла подвал. Добраться до отопительного котла и до водородных часов теперь мог разве что аквалангист.

— Что ж теперь будет? — ахнул я.

— А ничего! — истерически завопил Костя. — Конец часам, время умерло, времени больше не будет!

И он обматерил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, ибо времени уже не будет.

Потом, отдышавшись, Петухов рассказал мне, что произошло вчера, после моего ухода.

Как и было велено, Костя позвонил в аварийную службу канализационной сети. Там поинтересовались, где именно течет, на улице или в доме. Костя сказал, что в стене. Тогда его спросили, с какой стороны, изнутри или снаружи. Он сказал, изнутри. Тогда ему ответили, что ничем не могут помочь, их служба ремонтирует только ту сеть, что на улице. Костя выругался и бросил трубку.

Потом Костя позвонил в их ЖЭР и попросил прислать сантехника. Тогда его спросили, кем является их учреждение, арендатором или владельцем. Костя позвонил в дирекцию, попросил найти договор о найме помещения. Договор нашли и по нему выяснили, что особняк сдан в аренду. Костя позвонил в ЖЭР, подтвердил, что здание арендуется, и попросил прислать сантехника. Тогда ему ответили, что ЖЭР не занимается арендаторами, поскольку те должны делать текущий ремонт самостоятельно.

Тогда Костя рассвирепел и с горя стал звонить куда попало. В горкоме партии ему сказали, что теперь они занимаются только политическими вопросами, и посоветовали обратиться в горисполком. Горисполком посоветовал обратиться в Минкоммунхоз. Минкоммунхоз посоветовал обратиться в Главремстрой. Главремстрой посоветовал обратиться в Главгорканализацию. А Главгорканализация посоветовала обратиться в ЖЭР.

Костя выругался и бросил трубку.

На всякий случай он решил позвонить в санэпидстанцию, не то пожаловаться, не то посоветоваться. Там спросили, какое здание, он ответил, что двухэтажное. Тогда вопрос уточнили, в смысле, арендованное или свое. Костя сознался, что арендованное. Там сказали, что к арендаторам санэпидстанция не выезжает. Костя спросил, неужто арендаторы могут тонуть в дерьме и ничем таким не заболеть. На другом конце провода выругались и бросили трубку.

Снова начал Костя названивать во все инстанции Кривограда, и наконец кто-то в Совете Министров дал ему дельный совет. Послушайте, сказали ему, попробуйте договориться с вашим ЖЭРом, просто попросите их по-человечески.

Костя позвонил в ЖЭР по-человечески, представился, выяснил, с кем говорит, оказалось, что с инженером Ивановой. Костя рассказал о своих телефонных мытарствах, еще раз обрисовал ситуацию, сказал, что в подвале под угрозой отопительный котел, а также уникальная научная аппаратура, и попросил прислать сантехника. Тогда инженер Иванова сказала, что передаст трубку старшему инженеру.

Пришлось объяснять все сначала, теперь уже старшему инженеру Петровой. В ответ на просьбу прислать сантехника она сказала, что все понимает, что постарается помочь и попробует уговорить сантехника

прийти. Тогда Костя поинтересовался, кто у них в ЖЭРе заправляет делами, старший инженер или сантехник. На что старший инженер Петрова грустно ответила, что, видите ли, сантехник у них один на весь район. Тогда Костя положил трубку и выругался.

Поскольку рабочий день к тому времени заканчивался, Костя напоследок позвонил своему директору, но того на месте не оказалось, он ушел на заседание.

А когда наутро Петухов явился на работу с резиновыми рыбацкими сапогами под мышкой, выяснилось, что сапоги ни к чему. Меньше чем за сутки уровень канализационной жижи поднялся на полтора метра, и все было кончено.

— Представляешь, — заключил он, — такая охеренно большая страна, а сортир починить некому . . .

Я уныло смотрел на разверстый люк, где в смрадной топи беславно погибло замечательное изобретение Хаима Гершензона, словно камень, поверженный в море, подобно Вавилону, городу великому; и думал я о нашей большой, очень большой стране, где так трудно пробивает себе дорогу революционная перестройка.

— Теперь Утятцев меня ругает, — добавил Костя. — Но мне-то по фигу, а вот ему директор теперь большущую клизму вставит. Ведь котел-то не растопить. Как работать будем в такой холодрыге . . .

— Да, нехорошо как-то получилось.

Петухов с грохотом захлопнул крышку люка, и мы вернулись в отдел.

— Снабженец звонил, — сообщил нам Утятцев. — Говорит, завтра нам электрокамин привезет.

— Что с него толку, — откликнулся Петухов.

— Ну, хоть руки погреть.

Я подошел к столу Утятцева, и тот беспокойно заерзал.

— Вишь, Левочка, нехорошо-то как получилось . . . — пробормотал он, отводя в сторону глаза. — Пряма не знаю, как теперь с тобой быть . . . Уж я директора упрашивал, ей-Богу, чуть не в ногах валялся. А он говорит, без прописки не возьмет на работу, мол, не возьмет, и шабаш. Так что ты уж не обессудь . . .

У меня подкосились ноги, и я сел на первый попавшийся стул. От потрясения я не мог вымолвить ни слова.

Тягостное молчание воцарилось в комнате. Костя стоял у окна и задумчиво постукивал ногтями по стеклу. Утятцев, не глядя на меня, суетливо тасовал и перекалывал из стороны в сторону бумаги на своем столе. Вдруг он спохватился:

— Черт подери, двенадцать скоро!

Сняв трубку и набирая номер, Утятцев скомандовал:

— Костя, давай, как будет двенадцать, колоти по трубе.

— Здравсьте, а как я узнаю?

— У тебя что, своих часов нету? На, держи мои, — он отстегнул браслет и, протягивая часы Косте, сказал в трубку. — Але, центральный? Примите сигнал эталона.

Петухов взял со стола канцелярский дырокол и подошел к отопительному стояку в углу.

— Пять, четыре, три, два, один . . . — вполголоса отсчитал он, глядя на циферблат, и с размаху стукнул дыроколом по трубе.

Гулкий, утробный звук разнесся по всему нетопленому дому.

Утятцев кашлянул и раздельно, дикторским тоном сказал:

— Ровно двенадцать.

Январь—июнь 1989

ИЗ ДНЕВНИКОВ (1918—1921 гг.)

Со вчерашнего дня город без воды, а сегодня и без газет. Непонятно, чего этим хочет добиться немецкая армия. Вчера вечером с Юглы доносились звуки канонады, немцев сильно обстреливали с того берега и они понесли большие потери, отчего Железная дивизия не хочет больше сражаться.

Приезжие (немцы) рассказывают, что в Германии всякая нравственность упала до последней степени, то же и в сексуальном отношении — на улицах и в парках можно увидеть скотские сценки. Что немцы превратились в грабителей и дикарей, это мы видим собственными глазами. Ни один народ так не деморализован этой ужасной войной, как немцы. Разве что русские еще могли бы с ними соперничать.

6-го, вечером

Только что с музыкой прошла мимо Железная дивизия, повернула к Даугаве. Значит — heimwärts¹. Ведутся переговоры о предотвращении напрасного кровопролития — пусть Железная дивизия уходит по хорошему, в назначенное время. Они так и сделают, потому что наняты за деньги на борьбу с большевиками. Большевиков уже нет, а военный поход немецких баронов они не признают. Сами немцы, то есть так называемые «либеральные», в своем издании «Baltische Heimat» пишут: «Совершенно ясно, что начаты против Улманиса военные дей-

ствия следует считать неудачей, ибо ни один разумный человек не верит большевистской этикетке, которую навешивают Улманису и эстонцам официальные круги, а без этого большинство латышей на стороне Улманиса. Эта война, которая ведется по инициативе прибалтийских немцев, но от имени, то есть под маской, Латвии, наносит прибалтийским немцам огромный вред. Действия правящих кругов прибалтийских немцев еще углубили давнюю трещину между ними и латышским народом. Именно эти круги в последнее время в страхе бегут из Риги».

Так написано черным по белому в немецкой газете. Тут нашим баронам трудно оправдаться. Этой войной они подписали себе смертный приговор. Латыши-воины прославились на весь мир: 1) в начале войны они одни три года удерживали латвийский фронт против немецкой интервенции; 2) затем, под влиянием ошибочной коммунистической агитации за идею мировой революции, превратились в большевиков, и на них в буквальном смысле слова держалось ленинское правительство; 3) сейчас оставшиеся в Курземе белые латышские солдаты снова своими ничтожными силами справляются с 60-тысячной немецкой армией! Прямо как в Библии Давид убивает Голиафа — так и маленький латышский народ. Поистине можно гордиться тем, что мы латыши.

Понедельник, 30.VI.1919

Ни о чем другом не думаю, как только о том, когда же наконец вернется наше правительство, правитель-

Окончание. Нач. см. «Даугава» № 11.
¹ Домой (нем.)

ство Улманиса. Я с такой любовью слежу за ним. Он мне милее всех из состава правительства: простой, настоящий латыш, сердечный, ясный, бесхитростный, честный. А по образованию и манере поведения — настоящий американец (6 лет провел в Америке). Нет такого дня, даже часа, когда бы я не думала о судьбе Латвии.

Среда, 2.VII.1919

Сегодня с эстонцами — латышами заключено перемирие, по которому Железная дивизия и ландесвер должны сегодня же уйти на левый берег Даугавы, что они и делают сейчас. Так что, может быть, уже завтра Улманис приедет в Ригу. Амнистия всем, кроме большевиков. Прибалтийских немцев, узурпаторов, здорово разбили под Цейсом. Англичане решительно встали на сторону латышей — эстонцев и будут проводить свою политику на Янтарном побережье. Приятно читать в газетах, что латыши работают сейчас за границей на благо Латвии, как информируя о положении в Латвии, так и заботясь о будущих союзниках.

От вчерашней бомбежки Рига сильно пострадала, около 20 мирных жителей погибло, сгорело несколько домов. Дом напротив нас охвачен пламенем и сейчас (в 12 часов ночи) не успевают подвозить бочки с водой. Так он и сгорит до основания, этот каменный пятиэтажный дом.

Четверг, 3.VII.1919

Сегодня подробнее, хоть и не полностью, опубликован договор. Все возмущены, что полная амнистия узурпаторам Ниедре, Ванкину, что немцам предоставляется 3 места в парламенте etc. Улманис и Чаксте тут не виноваты: так приказала «любимая Антанга!» Нас, правда, утешают тем, что это продлится недолго, только до четвертой сессии Народного совета, которая состоится на будущей неделе в Риге. Ну если такой театр нужен и если с его помощью можно утихомирить злобного зубра, прибалтийских немцев, то, по мне, поусай — на недельку. Но не больше, Народный совет настроен решительно против договора. Этому латыши учатся у эстонцев, которые откровенно подчеркивают в печати: с прибалтийско-немецкими баронами у нас никакого компромисса быть не мо-

жет, они должны быть хозяйственно и морально полностью уничтожены как класс. Если в этом кто-нибудь еще сомневался, то последние заговоры в десятый раз доказали и несомненно подтвердили это.

Суббота, 6.VII.1919

Вчера по мосту через Даугаву ушла 700-летняя власть. Сегодня вошла в город Северная армия Земитана, охранять Ригу. Очень плохо одета и обута, ни английских, ни немецких мундиров, кто в чем; внешне захудалая, но вид бодрый, все загорели, как негры, глаза блестят, кажется, так и рвутся в бой парни, хотя стереть в порошок немцев. Ждем с нетерпением Улманиса.

Сегодня в Риге отмечают праздник борцы за свободу Латвии. Они входят в Ригу победителями, после того как немцы, побежденные, неоднократно просили о перемирии.

Вторник, 8.VII.1919

Сегодня день рождения Ивара — 12 лет. Большой день сегодня!

Возвращается правительство Улманиса на историческом судне «Саратов».

Сегодня в официальном правительственном органе «Latvijas sargs» товарищ председателя Народного совета сообщает: договор о перемирии заключен с господином Улманисом, Народный совет ни в коей мере не считает себя связанным. Таким образом, предполагается, что Народный совет, собравшись в конце недели на сессию, окончательно отвергнет навязанный народу союзниками компромисс с заговорщиками — прибалтийскими баронами и Ниедрой. Вероятно, англичане уже не будут на нем настаивать, коль немцы прогнаны.

Но из Елгавы они еще грозятся, что не отступят. Там ночи напролет идут тайные совещания во главе с бароном Мантейфелем (один погиб, когда вошел в Ригу, другой тут как тут!). На одном из заседаний принята резолюция, что немцы Латвию не оставят, а подтянут новые силы из Германии и пойдут в наступление на Ригу. И выбьют оттуда латышей. Что из Германии поступают подкрепления, это факт. 5 июля, как говорят, пришел из Германии огромный эшелон с 12 полевыми пушками. На со-

юзников им наплевать. Часть немцев поспешно еще записывается в ландесвер, другая — в части русского Ливена. Полки русских пленных, что возвращаются из Германии, заключили тайный договор с немцами, по которому Россия обещает всем немецким солдатам землю в Курземе и Видземе. Бароном обещаны старые привилегии. В Елгаве ожидается резня — будут убивать латышей, как в Риге по приходе немцев. Германия официально говорит: «Будет такое, чего не было еще даже в Бельгии».

Четверг, 4.IX.1919

Соц.-демократы никому не хотят уступить этой чести — позаботиться о Райнисе. Хорошо, если только позаботиться. Я уж для этого не гожусь, слишком устала, опустилась. Я буду радоваться их счастью издали. Райнис назначен директором департамента искусств и дал свое согласие.

Суббота, 6.IX.1919

Наш дом — как проходной двор, я не помню дня, когда бы у нас не было чужих. А я так тоскую по одиночеству — быть наедине с собой и со своим искусством. Иногда мне хочется бежать из дому, в пустыню. Мой идеал — монастырская келья. Все равно куда, только бы подальше от мелочей быта, от банального окружения и людей. Я чувствую, что дни моей жизни уходят скорыми шагами, работа остается несделанной, силы тают. Все жизненные источники мелеют.

Вторник, 9.IX.1919

Сейчас в Латвии жизнь закипела, Латвия пробуждается к новой жизни, к созиданию. Готовятся торжества. Ждут возвращения Райниса и Аспазии, назначают распорядительные комитеты, праздничные комиссии, — я в стороне от этого. Эти радости толпы, торжества мне так чужды. Пусть попляшут вокруг них, пусть толпятся, ликуют, я удовольствуюсь их тихими часами отдыха. Когда-то мы хорошо понимали друг друга. Пойдем ли теперь? Аспазия перенесла долгую болезнь, теперь ей как будто лучше. Я ее жду.

Среда, 10.IX.1919

Сегодня большое теплое письмо от Аспазии! Как я рада! Прямо бла-

женствую. Она так умеет обласкать. Р. слаб, кашляет, три раза переболел гриппом. Приедут не раньше весны, врачи не советуют осенью менять климат. А здесь в Риге уже готова праздничная программа! Это будет ужасное разочарование! Может, и лучше, что они еще не едут, а приедут, когда наше международное положение укрепитя.

Воскресенье, 19.IX.1919

Я прихожу в отчаяние, как подумую, сколько у меня набросков, сколько планов. «Янтарная земля» заброшена с прошлой осени, когда Ф. с детьми приехал из России. Я чувствую так много возможностей в своей душе, и все остаются невычерпанными, постепенно погибают. И тут я вспоминаю всегда гениальную Аспазию. Она тоже в таких обстоятельствах останавливалась на полпути, при всем своем неисчерпаемом внутреннем богатстве. Это женская трагедия, вечная, непоправимая при существующем социальном порядке, когда семейная, домашняя жизнь так устроена, что на нее уходят у женщины все силы, и на социальную работу, искусство не остается ничего.

Вторник, 16.IX.1919

Письмо из Копенгагена, от Ф. привез А. Кен., он его там встретил. Ф. был угнетен, больше всего денежным курсом, который сейчас ужасно невыгоден. Тут ему за 105 русских рублей давали один фунт стерлингов, но директор государственного банка посоветовал здесь не менять — там, в Лондоне, он получит 1 фунт за 80 рублей. И вот — там совсем не меняют, а если меняют, то дают 1 фунт за 120—140 рублей. Ф. тогда сказал — если за сто рублей дают один фунт, то он вообще не может ехать за границу. А теперь! Бедняга, что ему делать? Это ужасно! Ведь эти 8 тысяч у него уйдут за месяц.

Позавчера Советское правительство в России предложило «Рижскому правительству» мир, так же, как на днях «Ревельскому правительству» и только что Литве. Предложение серьезно взвешивается, наверное, будет принято. Как слышно, Англия тоже хочет заключить мир с «совдепом». Все это — чтобы оказать встречный нажим на реакционные устремления Колчака — Деникина и главное —

противостоять их замыслам обьединению с немецкой реакцией против союзников.

Те, кто приезжают из Германии, говорят, что там когда-нибудь непременно возьмет верх большевизм; и в Англии есть сильное движение в том же духе. Значит?.. Значит — идея мировой революции еще жива. И что же тогда будет с нами? Ну тогда мы просто сделаем то же самое!

Среда, 18.X.1919

Опять тревожный день для Риги: Курземская русская армия под началом Гольца сегодня, после ночного ультиматума Бермонта (князь Урусов) Улманису идет в наступление на Ригу. Весь день в городе слышны выстрелы. Это, говорят, стреляют наши, из своей плохой артиллерии. Латыши ходят бледные, смотрят друг на друга с немим страхом. Гремят пушечные залпы, летают самолеты, бросают бомбы, трещат пулеметы. А у меня сегодня такой радостный день — начинаю работать в информационном отделе министерства иностранных дел, референтом по французской печати. Весь день работала не поднимая головы, с 9 до 3. Положили мне большую кучу французских газет, я даже испугалась. Но, когда вчиталась, было так интересно, что я даже забылась. Я так радуюсь своей работе, она меня выручит при нашем-то тяжелом положении, не будет больше страха перед голодом. Жалованье мне назначили 600 рублей (латышских) в месяц, и если еще получу, как положено, за каждого из детей 10% доплаты, то выйдет еще 180 руб., итого 780. Этого нам вполне хватит, если жить экономно. Это место прямо-таки создано для меня, не нужно вести разговоров в канцелярии, я ведь не слышу и поэтому боялась таких мест, я стесняюсь людей из-за своего слуха.

Когда мы выходили из министерства, над головами летали самолеты — все разбежались кто куда, пулеметы строчили, моросил дождь.

К вечеру принесли домой хорошие вести: наши отбили немцев от Майори, отогнали в Дубулты. Один немецкий бронепоезд тоже разбит и отогнан или совсем уничтожен — точно неизвестно. Но рижские немцы распространяют слухи, что все не так с этим поездом, а наоборот!

Четверг, 9.X.1919

Весь день непрерывно стреляют. Ведут пленных, некоторые ранены. Вести приходят и худые, и хорошие. Самолеты летают весь день, хотя их энергично обстреливают, три сбиты (?). Наши обстреляли поезд, броневик, две роты ефде. После обеда одноклассник наших мальчиков, сын д-ра Гр., принес известие, что его единственный старший брат был тяжело ранен и умер в больнице. Сколько погибло сынов Латвии! Все латыши записываются в добровольцы, сформированы четыре студенческие роты, они уже на фронте; даже школьники, начиная с 5-го класса, отправляются на фронт — подносить боеприпасы! Уж дети-то могли бы оставаться дома. Если немцу повезет, он уничтожит всю нашу молодежь. Газеты полны ободряющих вестей с фронта, но им нельзя доверять — это все, чтобы вдохновить войско.

Пятница, 10.X.1919

Половина десятого вечера. Только что утихли пушки и пулеметы. С раннего утра гремели весь день. В 10 часов утра уехал Улманис с несколькими министрами. Ожидался днем сильный обстрел, а к вечеру — пополнение. Вчера вечером уже прибыли два бронепоезда и 16 пулеметов. Нынче весь день прибывают наши и эстонские поезда с братьями-эстонцами. Если немцам и удастся войти в город, то, говорят, долго не задержатся, потому что их выбьют. Эстонцы так и рвутся в бой. Полковник Калниньш, начальник штаба, сказал нынче утром, что если латыши до четырех часов продержатся, то Рига будет в безопасности. Сейчас умолкла артиллерия, значит, кризис, наверно, миновал. В душе такая уверенность — немцам не одолеть латышей — эстонцев. Да и как они, этот сброд, могут победить народы, которые идут в бой, воодушевленные любовью к родине, идут защищать свою свободу, новую свободу, обретенную через столетия! Если большие державы нас признают, то мы покажем чудеса. Мы принесем утонченной, утомленной западноевропейской культуре новую земную силу.

Бои, говорят, жестокие, пленников мало — наши бьются буквально не на жизнь, а на смерть. Солдаты ска-

зали, лучше никто из нас не вернется, чем пустят немца в Ригу.

Суббота, 11.X.1919

Ночью опять стреляли в два приема — в 12 и в 3. Утром около 11 заговорила артиллерия. Но город ожил: военные приказали открыть магазины. Это значит, что город уже вне опасности. Пронесся слух, — вроде бы из нашего штаба, — что немцы запросили мира! Сейчас как раз музыка удаляется к Александровским воротам. Говорят — навстречу эстонцам, которые идут по мосту через Юглу! Немцы ушли из Торнякалнса на остров Заку, который сильно обстреливается артиллерией. Задвинье, где немцы, все три дня подвергается обстрелам нашей артиллерии. Несчастное население! Там дома все деревянные, даже нет нормального погребца, где спрятаться. Мне кажется, положение Риги сейчас точно такое же, как в июле, когда немцы отступили в Задвинье и запросили перемирия. Тогда наши хотели их обойти из Икшкиле, окружить оставшихся в Курземе и всех перебить. Может быть, теперь сделают то, чего в тот раз не допустили англичане своим глупым требованием компромисса. Нынче рассчитаемся без их соизволения. Дипломатия, слава Богу, теперь молчит, говорят пушки и наши боевые соколы.

Только что Анна принесла экстренный листок (газеты вчера и сегодня не выходят), в котором говорится, что наши прочно заняли правый берег Даугавы и защищают мосты. И Бермонт-Авалов по радио предлагает главнокомандующему Латвийской армией перемирие. Предложение о перемирии будет обсуждаться, но, как известно из достоверных источников, ответ еще не дан.

Я, несмотря на все тревожения, усердно учу французский, то есть обновляю старые знания.

Воскресенье, 12.X.1919

Послезавтра хороним Велту Трауберг, погибшую от вражеского снаряда, который попал в III городскую гимназию, в квартиру госпожи Трауберг. Т. близка к безумию. Единственный ребенок, муж далеко.

Как оказалось, в пятницу сильно пострадал от обстрела Старый город и бульвары, один снаряд попал в верх-

ний этаж дома Линдберга, один — в Верманский парк и в дом главнокомандующего на Николаевской улице, где убит молодой человек. В тот же день у собора попала под обстрел дочка докт. Жиглевица, ранена в обе ноги, одну придется ампутировать.

В Старом городе убито около 20 человек. Военные на берегу Даугавы пострадали сравнительно мало. Там в пятницу словно бы сражался сам Лачплесис: по одну сторону наши, по другую — прихвостни Черного рыцаря.

У нашего дома не упало ни одной бомбы, поэтому казалось потише, чем в июле, когда 4 упало совсем рядом. Задвинье пострадало очень сильно, много пожаров. И все еще стреляют. Сегодня, правда, меньше, но все же стреляют. Латышские газеты сегодня опять вышли. Все полны горечи и ругают баронов. Им пощады не будет. Пора конфисковать у них имущество и поместья. В Цесисе социал-демократы организуют непримиримую оппозицию, намереваются свергнуть правительство.

Вторник, 14.X.1919

Вчера было сравнительно тихо. Сегодня очень беспокойный день, немцы стреляют в городе. Каждый день несчастья. Сегодня на фронте у Даугавы ранен президент Улманис. Ранение, правда, легкое, в ногу, — он продолжает выполнять свои обязанности. Наши уже перешли в Задвинье и очищают его от немцев.

У нас дома совсем плохо с продуктами. Впервые сидим без молока и картофеля, такой нужды не знали даже при большевиках, тогда картофелем запаслись. На рынке ничего нет в эти тревожные дни. Записалась в женский трудовой корпус. Мужчины все уходят на фронт, даже дети, 14-летние школьники. Иные солдатики отправляются к Даугаве босиком! В этот осенний холод. Сердце надрывается. Эстонцы упорно наступают на большевиков, отняли опять Псков. Наши тоже перешли в наступление. Поэтому у нас тут мало сил, и немцы это знали.

Среда, 15.X.1919

Сегодня утром около 5 всех разбудил сильный грохот канонады. Пушки гремели безостановочно, сыпались

снаряды, строчили пулеметы. Все это наши направляли на врагов в Задвинье и на бедных задвинцев. Последних, правда, немцы вчера отправили в Елгаву. Наверно, и немцы стреляли в ответ, у церкви Александра Невского горит большой каменный дом. Немцы обстреливают город снарядами с удушливым газом.

Четверг, 16.X.1919

Вчера — большая победа, взяли в плен около 500 немцев. И прорвались через мост. Вообще, положение на немецком фронте у нас хорошее. На другом фронте задержано наступление большевиков, там действуют только разведчики. Эстонцы за свою помощь дерут с нас три шкуры, требуют Валку, Айнажи, Руену — исконно латышские земли. Живя плоть Латвии, как говорит Кродер.

Пятница, 17.X.1919

Положение все то же, пушки стреляют с обеих сторон целый день, и ночью тоже, с перерывами. Но мы уже попривыкли и под свист снарядов бегаем по своим повседневным делам, как муравьи. Я работаю с 8 утра до 4 в гимназии Клаустыня в мастерской солдатских шинелей. Тяжело так рано подниматься, когда в комнате такая холодина и вечером я так долго не сплю. Вчера и сегодня ужасно болит голова. На улицах боюсь снарядов. Как раздастся выстрел, все нервы, сколько Бог дал, так и напрягутся, мной раз вскрикиваю. Такое ужасное время!

И. так и рвется помогать. Ходит в школу шить, туда же стирать белье и мальчиком на побегушках. Сегодня не отставал, пока я не написала разрешение в офицерскую роту связным. Весь день его не было, поздно вечером пришел усталый, голодный, но довольный. Х. тоже ходил в школу помогать шить, но теперь привязан к дому: ботинки у сапожника. Учеба у детей опять стоит на месте. Прямо жалко смотреть, что в отношении духовного развития и образования они не продвигаются вперед. Опять стреляют . . .

Воскресенье, 19.X.1919

Немцы стоят, где стояли, захватив несчастное Задвинье. Эстонцы с места не двигаются, пока им не подпишут всех требований. Союзники

опять заняли выжидательную позицию и ничего определенного против Германии не предпринимают. Положение большевиков сильно пошатнулось. Деникин уже под Орлом, то есть недалеко от Москвы. Юденич занял на севере Гатчину, Красное Село. Петербург может пасть со дня на день. И тогда русская реакция, опираясь на монархистов и капиталистов, победит. Тогда союзникам придется приноравливаться к этой новой политической конъюнктуре, и их симпатии к окраинам и Прибалтийским государствам уже не смогут уберечь эти государства от засилия реакции. Их правительства были за активную интервенцию в Россию, а народы были против и теперь вынуждены смотреть, как разворачивается российский трагедия. Поступив так, они сделали грубую ошибку. Ибо, не вмешиваясь в дела России, не избавляя бедный измученный русский народ от большевистского насилия и террора, они затягивают мировую войну, провоцируют перманентную революцию. Они думают, что с русскими реакционерами, Колчаком, Деникиным, которых поддерживают оружием и продовольствием, они в конце концов найдут общий язык. Но они ошибаются. Колчак и Деникин уже нашли общий язык с Германией и не простят союзникам их «симпатий» к окраинным государствам. Когда русские реакционеры-генералы с триумфом войдут в столицы России и будут там справлять победные кровавые оргии, освобожденные мученики, вздохнув, возликуют на время, но только на время. Потом против этих правителей восстанет демократия, будет опять смута, бунт. Окраины тоже не успокоятся, не сдадутся русской реакции без борьбы. Невозможно предугадать, какой порядок установится в Европе, во всем мире. У Англии много хлопот в своем собственном доме и в Индии, где все готово к революции и где ведется подпольная работа в союзе с русскими большевиками. Япония в любой момент готова повернуть рога против Америки и Англии, протянув руку Германии и России. Так может возникнуть новая коалиция, вновь угрожающая миру во всем мире. Зарев новых войн, волнений, революций у мирового горизонта.

Политика нашей собственной стра-

ны оставляет желать многого, и я очень сочувствую нашему левому крылу социалистов, теперешнему — не большевикам! Сохрани Бог — большевики были и есть извращение социализма. Но главное — это наша физическая слабость. Мы, латыши, потеряли столько крови за годы войны и совсем обессилены . . .

Среда, 22.X.1919

Договор с эстонцами расстроился, правительством сочло их условия неприемлемыми для достоинства латышского народа, и другого выхода нет, как защищаться от немцев самим. Единственная надежда на поляков, которые, как предполагается, через несколько недель пойдут в наступление на немцев. Если поляки направятся в Латвию — они сдерут не меньше эстонцев, даже, наверно, еще больше. И сядут на шею вместо немцев. Оборони нас Бог от польской чумы! Мы знаем, как они обходятся с литовцами и белорусами, живущими в их пределах.

Вторник, 4.XI.1919

Наши вчера перешли в наступление на немцев — и успешно. По слухам, появились надежды, что вскоре восстановится нормальная жизнь, тогда я опять смогу работать в своем министерстве.

И. вернулся домой в новых американских ботинках, перчатках, носках, с противогазом, который должен носить при себе, немцы каждый день забрасывают город снарядами с удушливыми газами. Сегодня глава американской миссии д-р Орбисон отравился газом.

Среда, 5.XI.1919

31/X написала призыв к латышским женщинам о создании Золотого фонда. Призываю жертвовать весь свой недвижимый капитал, украшения и серебро. Сегодня он опубликован в «Латвис саргс». Ровно 7 лет назад, 31/X я напечатала призыв к латышским женщинам о пожертвованиях для Аспазии в честь ее 25-летнего юбилея — и с большим успехом. Собрали около 4 ¹/₂ тысяч, в то время это были большие деньги. Посмотрим, что получится на сей раз! Я давно подумывала о таком призыве, но опасалась с ним выступить, не вышло бы конфуза. Но сейчас положение

Латвии и народа настолько критическое, что все же рискнула в надежде, что латышская женщина не откажется принести такую ничтожную мирскую жертву, когда вся живая плоть Латвии кровотоцит тысячами ран. Если этими золотыми лохмотьями удастся прикрыть хоть одну маленькую рану, то, можно считать, цель достигнута.

В субботу объявлены предателями Латвийского государства: священник Андриевс Ниедра, д-р Теод. Ванкин, князь Н. Д. Крапоткин (сигулдский, наверно), барон А. Пилар фон Пилхаус, прис. адв. Фридрих Албертс, прис. адв. Янис Ансбергс, барон Гаральд фон Рокуе, журналист Вальтер Краузе, граф Николай Федорович Борх, Георг Сесков, священник Юлиус Купче и инженер Янис Кампе, которые участвуют в преступном нападении Бермонта-Авалова на Латвию. Их собственности и движимое имущество подлежат секвестрации.

Таким образом, семейство А. наконец-то попадет в общество прибалтийских баронов! Идеал, к которому она так горячо стремилась всю жизнь.

Четверг, 6.XI.1919

Женщины откликнулись! Уже вчера перед обедом матери Чаксте в Дом латышского общества (пункт питания военных) девушки несли свои драгоценности, говоря: «Больше у меня ничего нет». Мать Чаксте еще не читала призыв и только подвинулась, что ей несут золото. И сегодня несут пригоршнями. Мать Чаксте с госпожой Галиндом, возглавляющей Корпус женской помощи, пошли к президенту Улманису переговорить, что нужно делать. Улманис сказал: «Честь и слава Иванде Кайе, что она выступила с таким призывом»; он сам уже не осмеливался собирать Золотой фонд, ведь и так уже всех граждан безжалостно обирают: одежду, обувь, белье, а сейчас еще пальто и шубы для армии. Улманис меня просил взять это дело в свои руки. Не могу отказаться, так как вижу по рассказам, что иначе все это мероприятие сорвется.

Суббота, 8.XI.1919

Дела Золотого фонда идут! Золото и серебро несут, мужчины тоже отдают все золотые цепочки от часов, один принес 3 фунта серебра. Сегодня утром я была на приеме у

президента Улманиса. Не виделись с ним со времени оккупации зимой. Все тот же милый человек, душевный, простой. Он обещал всяческую поддержку великолепному женскому начинанию, велит отпечатать красивые художественные вивтанциси со своей и моей подписью, даст солдат для охраны.

Суббота, 22.XI.1919

В понедельник ожидается кризис кабинета. Кабинет Улманиса добровольно подаст в отставку, сложит свои полномочия. Вероятно, Улманису поручат составить новый кабинет — без немцев.

Воскресенье, 30.XII.1919

Произошло невероятное: я выступала сегодня на городском собрании избирателей! Пригласили выступить от женщин, находящихся вне партий. Женщин — $\frac{3}{4}$ избирателей, и большинство, конечно, беспартийные. Женщинам оставаться в стороне никак нельзя — и я пошла. Я сказала, что лучшая партия — соц.-демократическая, и закончила тем, что будущая дума должна быть общественно- (то есть социал-) демократической, и за такую в любое время проголосуют и женщины. Часть была недовольна восхвалением социал-демократов, но последнее предложение как-то не заметили, а может, не поняли, аплодировали. Я посмеялась про себя.

Четверг, 15.I.1920

Я такая странная! Не могу веселиться. На крестинах все были так веселы, танцевали, даже Улманис, все министры, я же только смотрела и грустила, в сущности, сама не зная о чем. Мне вся эта роскошь причиняет боль. Я не могла ни куска проглотить из множества лакомых блюд, перед глазами все стояли скелеты заключенных, о которых мне рассказывали накануне. Говорила о них с Ар. Б., он сказал, что такие они все, перебежчики из России, и такими их помещают в концентрационные лагеря, посоветовал посмотреть на немецких граждан — те же скелеты всюду — такое у нас время. Все свои украшения, золотые вещицы, я сдала — почти единственная из всех «дура». На всех вечерах дамы без украшений, с обнаженными шеями... Все упря-

тано. Пожертвования в Золотой фонд поступают по 2—3 в день, иной раз — ни одного!

Воскресенье, 8.II.1920

1 февраля и сегодня провели учредительное собрание Союза латышских женщин.

Суббота, 14.II.1920

Все труднее справляться с работой. На этой неделе взялась — сама предложила — написать для информационного департамента брошюру «Роль немецких баронов в истории Балтии». Дали мне на это целый месяц. Это огромный труд. Вчера наш Союз латышских женщин зарегистрировало министерство внутренних дел. Министр и канцелярское начальство в восторге и ожидают от женщин великих дел: уверены, что мы будем поддерживать консерваторов. Господа великолепно заблуждаются! Както я, рассердившись, «задала жару» социал-демократам за политизацию детей, и вот теперь они прониклись ко мне превеликим уважением, думают, я ненавижу социал-демократов.

Воскресенье, 22.II.1920

Триумф! Никакого провала, напротив. Людей собралось много, почти полный зал, несмотря на то, что у нас не было, можно сказать, никакой рекламы. Боевое крещение я выдержала блестяще! Заслужила первые аплодисменты своим финалом: «Мы как женщины призваны любить, нам чужда ненависть; мы зовем к всеобщему братанию, а не к классовой вражде! Таков наш лозунг. Кто чувствует так же, да последует за нами!»

Суббота, 28.II.1920

Вчера получила письмо от Аспазии, привез парижский курьер. Это была для меня большая радость. Как будто меня навестила милая сестрица. Я так ее жду. И Райниса. Райнис приписал несколько строчек с приветами и поцелуями всем, кто их примет. Мои дорогие! Слишком тяжело мне теперь. Я так исхудала, кожа да кости, и сплошные нервы. Завтра в 3 опять собрание, о женском движении в Западной Европе.

Вчера была на приеме у президента министров Улманиса по делам фонда. Говорили о выборах. Он не советует выходить со своим списком

кандидатов. Чувствуется, он недоволен, что женщины образовали свою партию. Разве не могли присоединиться к другим? Там же есть женские секции, наверно, опасаемся, как бы не подавили мужчины? Я сказала, что да, что мы не могли бы сохранить свою особенность, претворить в жизнь наши права. Я потребовала для женщин около 10 мест. Он смеется — не много ли? А как же у эстонцев шесть, мы же более крупное государство? А у англичан в нижнюю палату прошла всего одна, миссис Астор. Мы — более современное, демократическое государство. Обещал посветоваться с кабинетом. Сегодня была у президента Народного совета Чаксте. Он ничего не имеет против нашего отдельного списка, где будет примерно 20 кандидатов. Улманис, кажется, боится, как бы женские голоса не потерял Крестьянский союз.

Четверг, 4.III.1920

Пришла телеграмма от Аспазии, из которой мы поняли, что она согласна выставить свою кандидатуру, если это совпадает с идеями социал-демократов. Видимо, это опять нажим Райниса. Она же только демократка. Когда у нее был былей, все социал-демократки категорически отказались собирать ей пожертвования. Мне это очень больно.

Суббота, 10.IV.1920

Приехали Аспазия и Райнис! В роде воскресный покой, покой и в душе у народа. Но останется ли так в дальнейшем? Недеемся на лучшее: на их внутренний покой и согласие.

В 9 вечера

Вернулась с собрания избирателей. Так легко на сердце. Наши министры были очень довольны, благодарили. Я говорила о деятельности Временного правительства.

Аспазия не изменилась, только очень постарела. Райнис седой, худощавый, приветлив с детьми, берет их на руки и ласкает.

Среда, 14.IV.1920

Вчера была в гостях у Райниса и Аспазии. Долго говорили. Райнис такой, как я и думала. Он сказал: «Я приехал примирить народ и призвать к совместной государственной работе. У нас есть то, за что боролись

революционеры,— свое государство. Теперь всем классам надо работать вместе над государственным устройством; мы должны вести культурную классовую борьбу, мы же не дикари».

Суббота, 17.IV.1920

Учредительное собрание. Теплый облачный весенний день. Вчера вечером на последнем собрании нашего 11-го списка в Доме латышского общества народу было поменьше, люди устали от всех собраний, да и решили уже. Похоже, что большинство голосов разделятся между 2-м и 3-м (соц.-дем.) списками, так как мы больше агитировали.

15.IV. на Улманиса было покушение. К счастью, никто не ранен. У. плохо кончит, так или иначе.

Вечером

Навестила Улманиса... Говорила о Райнисе. Я сказала, что Р. приехал с целью примирения. Улм. сомневается, добьется ли он чего-нибудь, поскольку сам глубоко ушел в догму. У. намеревался первый к нему поехать поздравить с возвращением, но, прочитав о собрании социал-демократов в прошлое воскресенье, решил не ходить, пусть Райнис сам приходит сюда. На соц.-демократов он все еще зол, это, говорит, счастье, что в начале образования государства они не вошли в правительство, можно было спокойно заниматься государственной работой.

Понедельник, 19.IV.1920

Райнис не разрешает напечатать интервью в «Латвияс саргс». Аспазия сказала, что оно полностью выражает мысли Р., пусть печатают скорее, под ее ответственность (Р. не было дома). Встретила его по дороге и дала прочитать. Но он потом не прислал. В социал-демократической партии большие споры: партия раскалывается на два крыла — правое и левое. Социал-демократы получили $\frac{1}{3}$ голосов, столько же Крестьянский союз, последняя треть пришлась на другие латышские партии и около 20 мест — на меньшинство. Значит, определяющим опять будет Крестьянский союз, то есть ведущим, к нему ведь примкнут гражданские партии и частично меньшинство. По справедливости 3 министра должны быть социал-демо-

краты. Но они думают, что этим оппозиция еще не исключается и что партийная дисциплина будет только мешать государственной работе. А я так не думаю.

26.V.1920

Сегодня была у Аспазии. Говорили о политике. Я побранила, почему они опять не вошли в правительство, не хотят сотрудничать. Райнис, по ее словам, говорил в партии о вхождении в правительство, но большинство было против. Он готов войти, если Улманис составит кабинет и сам будет президентом министров. Он У. очень доверяет, уверен, что тот самый способный. Р., очевидно, очень хочет сотрудничать на благо народа, но его связывает партийная дисциплина. Он к тому же очень обижен, что его не избрали президентом Учредительного собрания. Ему, правда, предлагали зная Иманты, но когда пришло время давать — не дают. Он — первый носитель идеи государственности, взрастил ее своими произведениями, и вот, когда дом построен на его фундаменте, тогда хозяева другие, ему дают место «дворника». Он думает, что если правительство составится без социал-демократов, то оно будет недееспособным, социал-демократы устроят obstruction. Надо, он считает, уступить. Но уступить — значит образовать правительство из социал-демократов, Трудовой партии и других мелких центральных партий и без Крестьянского союза, — таково категорическое требование социал-демократов. А это совершенно невозможно!

Высокоцитимый господин президент!

От всего сердца поздравляю Вас и желаю успешно продолжать начатую работу...

Но на сей раз хочу сказать несколько слов о Райнисе. Вы глубоко уважаете друг друга. Вам следует вместе вершить большую работу. Вы сказали: если фракция не согласна и если его не поддерживают, то нет смысла. Хорошо — пусть фракция не соглашается и не поддерживает, но если Вы ему предложите место министра просвещения, которое он, надеюсь, принял бы, как я Вам однажды говорила, то 1) ему остается удовлетворение, что его пригласили, но он вынужден

был отказаться, 2) он, может быть, все-таки согласится, не считаясь с фракцией. Тогда это для нас большое моральное приобретение.

Я все же думаю, что скорее он откажется под нажимом партии. Но мы к нему, как нашему величайшему поэту и честнейшему человеку, страдальцу за свободу Латвии, должны подойти с известной долей вежливости и смирения, с глубоким уважением. Как бы там ни было, но он всю жизнь посвятил идее свободной Латвии. Нам нечего стыдиться смирения перед ним. Это было бы для него большим моральным удовлетворением, если бы обратились к нему письменно как к человеку, с признанием его заслуг и сожалением, если он не найдет возможным принять участие в нашей национальной государственной работе. Этим обретете друга в стане противника и в известной мере обезоружите оппозицию.

Ив. Кайя

Суббота, 5.VI.1920

Была у президента по делу Райниса. У. так мотивирует возражения: я его глубоко уважаю как поэта — человека, но... Долго говорили. Наконец У. сказал: я охотно сделал бы по вашему, но дело такое важное, к тому же я не сумею убедить фракции, гражданские, а без этого я не могу. Не хочет ли Райнис отправиться куда-нибудь послом? Я рассмеялась — это был бы материал для фельетона: сослать его. Он согласился. Сказал, что подумает, какой найти пост, достойный Райниса.

2.VII.1920

Аспазия и Райнис очень недовольны и на будущий год хотят уехать обратно в Кастаньолу. Райнис не может найти общего языка с партией, его не слушают, решения центрального комитета от него скрывают. С его национальной идеей не соглашались. Р. сказал — пусть вступают в кабинет, пусть сотрудничают, — они — нет. Фракция им не доверяет, не поручает даже выступать в Учредительном собрании. Их положение трудное. Райнис переживает глубокий неразрешимый душевный конфликт: внутренне у него с этой партией ничего нет общего, но выйти нельзя, когда всю жизнь числился в ее рядах. И так уже боль-

шевистское «Утро» в Америке пишет, что Райнис продан буржуазии.

Понедельник, 5.VII.1920

Сегодня утром приехала Аспазия. А. понравилась квартирка в нашем доме с видом на Лиелупе, и она хочет жить рядом со мной. Значит, все мои планы работать срываются. Но пусть хоть синим огнем горит моя «Янтарная земля», лишь бы я могла ослабить их связи с политической партией. Я радуюсь и совместной жизни с А., мы как женщины хорошо понимаем друг друга и близки душевно.

Вторник, 6.VII.1920

По всей Латвии забастовки: бастуют железнодорожники, моряки, наборщики и др. Все требуют двойного жалования. Разумеется, на другой же день в два-три раза подорожают продукты. И так цены будут взвинчивать все выше, как в большевистской России.

Майори, воскресенье, 11.VII.1920

Райнис очень недоволен своим положением. Он сдержаннее, чем Аспазия, но все же не скрывает от меня своего недовольства. Он теперь ни то ни се, ни политик (кем был бы, будь избран президентом), ни поэт, потому что должен напрасно сидеть в Учредительном собрании и департаменте искусств. Я сказала, пусть он предложит государству купить его произведения и платить ему пенсию. Это его идеал, но сам он никогда не предложит. Я поговорю с Улманисом. Но это напрасно, на культуру у него денег «нет». В Учредительном собрании у Р. по крайней мере 4000 руб. жалования и 3000 руб. — как директору департамента.

Майори, среда, 14.VII.1920

Райнис и Аспазия жалуются, что спасу нет от вымогателей, наседающих со всякими просьбами. Например, вчера — Аспазия наконец приехала, отдыхает, счастлива. И что же? Является какая-то женщина в черном. Приехала из Бауски, искала А. в Риге, оттуда — сюда. Муж ее оставил, армейский офицер в Риге, у нее самой ни одежды, ни денег, ни места, ни знакомых в Риге. Она бывшая учительница, но диплома нет. Работать в Бауске или физически в деревне

не хочет. Аспазия поехала с ней в Ригу — покормить, дать денег и с тем отпустить. Только они уехали — приехал Райнис. В пять часов ждем поезда. Не приехала. Ждем следующий. Не приехала. Последний — не приехала. И Р. места себе не находит от беспокойства. Ранним утром с первым поездом уезжает в Ригу. Таким образом, я опять увидела, как он к ней привязан. Это вечная любовь. И между тем это не мешает ему приходить в восторг от кого-то другого, флиртовать. Это у него такая натура. Любить он любит только А. И поэтому не позволяет ей взглянуть на кого-нибудь, ни письмо написать, ни словом перекинуться, ибо это значит, что она недостаточно любит. Он забывает, что сам-то при всей своей единственной любви и заглядывается на других, и письма пишет.

Это как проклятие — что они, и он, и она, пророки. Одни молятся на них, другие — вымаливают, и в конце концов они сами опустошены, измучены, затасканы на арене славы.

Понедельник, 19.VII.1920

Я сейчас много наблюдаю А. и Р. и постепенно прихожу к выводу, что их жизненный путь предопределен и неотвратим. А. такая странная, поиному, чем Р., но она связала с ним свою судьбу и следует за ним — против воли. Я уже и раньше наблюдала их характеры. Как у каждого человека, и у них есть свои большие «но» — как М. говорит: где много света — много и тени. К тевемым сторонам в характере Р. относится то, что он без похвалы, чрезмерного возвеличивания не может жить, и он сам это сознает, это и есть один из главных мотивов, почему он не может выйти из партии, с которой у него настолько мало общего, что бежал бы назад в одиночество, в пустыню... Второе — он хочет и внешнего блеска — быть первым в своем народе. Он, возможно, и согласился бы порвать со своей партией и внять требованию народа — быть только поэтом, не политиком, да не может из-за слабости характера. Слабый он несомненно, тут А. совершенно права; она говорит также, что он весьма не уверен в себе, никогда бы он без ее поддержки не осмелился начать свою великую поэтическую карьеру. Он боится оборвать эти связи, ибо что скажут

те люди, с которыми он всю жизнь был близок — философ Залите, проф. Балодис? К тому же он так вжилась в свою роль пророка социализма, что иначе не видит своего места ни в жизни, ни в поэзии. Тогда его поэзия и жизнь лишатся смысла. Так он и будет продолжать писать как пророк далекого будущего, а не как борец за близкую действительность и созидатель в нынешних трудностях государственного строительства. Третья его слабость — что он при всем своем давнем недостатке уверенности в себе считает себя единственно великим и настоящим, на других смотрит свысока, хотя и старается этого не показывать и даже, напротив, — льстит тем, кого презирает. Так, например, я помню разговоры в Кастаньоле и то же теперь — он говорит, что в художественном смысле труднейшая и ценнейшая работа — драма, поэзия, затем новелла и самая легкая — роман. Первые требуют концентрации, последний можно-де как бы мелевать. Он примется за это, лишь когда будет совсем старый, разбитый, трясущийся! Я смолчала. Да, и даже эту более концентрированную художественную форму! Ну в таком случае латышская литература чрезвычайно богата художественностью, у нас ведь прямо потопаы этюдов, а романов — так мало.

Майори, 20.VII.1920

Аспазия вчера между прочим сказала — Р. признает, что ошибся, вернувшись политиком; ему следовало остаться нейтральным. Однажды утром она видела, как он плачет. Для него это чистейшая мука — сидеть в Учредительном собрании, вставать и садиться с фракцией. И потом — если б Улманис пригласил его министром просвещения, то у него была бы причина выйти из фракции, что он бы с удовольствием сделал. Почему У. не позвал его переговорить перед тем, как составлять кабинет?

Но когда я говорила с У. и Кливе о привлечении Р. в кабинет, то они сказали, что невозможно при всем желании, пока он во фракции, ибо фракция тогда ему будет предписывать, как действовать в качестве министра просвещения, и, может быть, Р. пойдет еще на Эспланаду и будет

взбираться на столы и выступать на митингах, как 1 мая.

Мои заверения в обратном были напрасны. Я настаивала также, чтоб пригласили Р. поговорить. Но, очевидно, большинство будет против вступления Р. в кабинет. Улманис еще сказал, что Р. будет мешать в работе кабинету, то есть тормозить всякими возражениями, как это бывает в Учредительном собрании. Глупо, что гражданские круги сердятся на Р., будто это благодаря ему социал-демократы получили в Учредительном собрании на 10—15 мест больше. Аспазия говорит и Райнис тоже, что они там долго сидеть не будут, только до тех пор, пока не обеспечат себе старость. Я понимаю, они так напуганы нуждой и горем за годы изгнания, что дрожат из-за спокойной старости. Они хотят купить в Юрмале какую-нибудь дачу и писать, по возможности оторвавшись от внешнего мира. А. такая слабая и нервная, и я даже не представляю, как она может работать в какой-нибудь комиссии Учредительного собрания. Она — в комиссии искусства. Вот и теперь: вчера приехала такая усталая, что сразу в постель. Не купается, потому что ветер. Что же, в самом деле, — уже за 50. Р. бодрее, даже шаловлив по-мальчишески.

Майори, среда, 21.VII.1920

А. совсем не спала ночью и сегодня в час уехала отсыпаться в Ригу. Тридцать три с половиной несчастья: и кровать непривычная, чужое место, беспокойство. Р. сегодня утром уехал и вечером обещал вернуться. У меня немало хлопот с ними. Живу так, как будто всегда гости. Но я все это делаю с радостью, потому что люблю их. Это для меня глубокое внутреннее переживание; это и новые психологические наблюдения. До чего же и великие люди бывают мелки в будничной жизни и в своих интересах! Но это так по-человечески, я все понимаю и прощаю. Ведь все мы такие.

Четверг, 12.VIII.1920

Исторические события в последние дни, а я не успеваю ничего отметить. Вчера подписан латышско-русский мирный договор: Иоффе от русских, Весманис от латышей. Нигде ни радости, ни восторга. Скорее наоборот: хлеб с 2.30 поднялся в цене за два

дня до 6 руб. фунт. Соответственно все остальное. Спекулянты все припрятали, чтоб вывезти в Россию. Портовики бастуют, суда не пристают, уходят.

Вчера на пленарном заседании Учредительного собрания ратифицировали германо-латышский мирный договор, который в рейхстаге ратифицирован уже 2 августа. С 1 августа возобновляется почтовая связь с Германией.

Среда, 18.VIII.1920

Вчера была у президента Улманиса по поводу вручения счетов Золотого фонда в Учредительном собрании. Заодно поговорили о скандале вокруг пособия латышским писателям. Государственный контроль вычеркнул присужденные Художественным фондом четырем писателям 2000 руб. в месяц и юбилейные награды Акуратеру и Плудонису, по 5000 руб. каждому, из-за чего разволновались писатели и подняли на ноги все газеты. Улманис очень огорчен. Латвийское государство уже совершило большое культурное дело, приняв на свои плечи в первый год существования содержание Национальной оперы и Национального театра.

Средств нет и взять неоткуда, а нужд так много... У Улманиса давно готов проект: ввести государственный бюджетный ежегодный культурный фонд, примерно в 1 миллион рублей, из которого все смогут брать — писатели, художники, музыканты, ученые, артисты. Из этого фонда можно ежегодно присуждать премии за лучший роман, пьесу, музыкальное сочинение, оперу, картину; устраивать выставки, концерты etc. У. всегда с теплым сочувствием относился к духовным нуждам, и я могу понять, как его задел этот скандал недовольных.

Воскресенье, 10.X.1920

Сегодня были похороны Яниса Розенталя на Лесном кладбище. Проводили прекрасно, около 85 делегаций.

Воскресенье, 31.X.1920

Сейчас у нас развернулась война между латышскими художниками-классиками, Тилбергом, Зариньшем, — и экспрессионистами. Я на стороне первых. В субботу, неделю

назад, Тилбергс и К^о организовали в зале Латышского общества чтения по актуальным вопросам искусства, где осудили все направления футуризма (в том числе экспрессионизм); Зариньш открыл, что организованная только что Каспарсоном выставка — фиктивная, что коллективная выставка их группы — вроде карикатуры на экспрессионистов, а публика и критика ее приняли всерьез. Публика была чрезвычайно удивлена и аплодировала Тилбергу. Но его выступление было шокирующим, он обружал экспрессионистов «апашами», «хулиганами», а писателей, их признающих, «гиенами» и «шакалами». Мне очень не понравилась форма выступления, но по существу я целиком на его стороне.

Воскресенье, 14.IX.1920

Сегодня открылась выставка, посвященная памяти Розенталя. Так приятно опять наслаждаться настоящим искусством. Сегодня напечатана чудесная статья Дауге об импрессионистах. Дауге прекрасный человек, я им восторгаюсь от всей души.

Четверг, 18. XI. 1920

Празднуем годовщину республики. Вчера была на польско-русской мирной конференции, оттуда пошла в национальный театр на премьеру «Иосифа и его братьев» Райниса, которая кончилась в 12 ч. ночи; после этого отправилась на бал Национального молодежного союза. «Иосиф и его братья» оставляет грандиозное впечатление.

На вечере наблюдала с балкона, какое влияние оказало на молодежь демократическое — совместное — воспитание. Флирт расцветает пышным цветом, весь вечер оставляет впечатление первой любви. А она, как известно, чиста и возвышенна. Совместное воспитание, конечно, скорее развивает половые инстинкты, но оно же и снимает их таинственный соблазн. Вместе взрослея, девушки и юноши учатся с ранних лет узнавать и уважать друг друга.

Все газеты полны праздничных поздравлений, в городе торжественные шествия на Братское кладбище. А «Социал-демократс» пишет о борьбе 1905 года и призывает сегодня на митинги или народные сходки, где будет выступать и Райнис. Значит,

и ему сегодня придется защищать не государство, а партию.

6.1.1921

Письмо Райнису и Аспазии

Сердечно поздравляю с Новым годом! Обращаюсь к вам в этих строках с другого берега... Мы так давно уже стоим на разных берегах и не имеем возможности перекликаться. Два раза была я у ваших дверей, гонимая логикой сердца, но уходила — рассудок пересиливал. И сколько раз, проходя мимо, я поворачивалась в сторону вашего дома и снова отворачивалась... У меня впечатление, — и не только у меня, — что вы поддерживаете все то, что происходит на вашем берегу. Поэтому сердце так болело и наполнилось горечью. Но порой, однако, сердце говорит: у вас не может быть ничего общего с этими волками пустыни, у вас, которые так горячо любили Латвию и латышский народ. И теперь я радуюсь, что сердце оказалось право. С удовлетворением я читала поздравление Р., взвешивая каждое слово, и с неподдельным восторгом — стенограмму выступления А. на съезде. Так может говорить человечность и подлинная любовь к народу. Как много вы можете сделать с вашими талантами для раздвинутой души народа! С каким глубоким пониманием и любовью воспринимает весь народ каждое ваше слово — обращенное ко всему народу! Тогда мы вас любим и боготворим. Но, когда вы говорите от узкого круга одного класса, поддерживая стремление меньшинства к главенствующей роли, тогда вы наши противники. И тогда — зуб за зуб! — вы не можете не видеть, что происходит у нас на сессии... С идейным социализмом, согласованным с действительностью и интересами Латвии и нашего народа, мы готовы в любое время найти общий язык и работать плечом к плечу. Но когда вы оказываетесь в одном строю с теми, против кого мы должны вооружиться до зубов, тогда — как народу (не толпе) вас понять? Если б вы знали о той горечи, которую накопили против себя после своего приезда! Если б возможно было

хоть раз прокричать об этом — вы ужаснулись бы. Только держа себя в жесткой узде, терпит народ из-за глубокого почтения к вашему величию, к вашим страданиям, из боязни вас огорчить на родине. Как часто мы обрываем друг друга — надо молчать, терпеть... А мы надеялись, что вы принесете нам свет, солнце, великую любовь. Но мы разочарованы. Первое же слово А. о «меньшем брате» как острый нож вонзается в сердце... когда у нас не было ни старшего, ни младшего, все были трудовым людом. И — когда Р., сойдя с поезда, поцеловал красный флаг, а не национальный... Это мелочи, но они нам причиняют боль. И все это копилось, и на месте любви у многих возникало все более прохладное отношение, а у иных, может быть, и более того.

Когда я смотрю на Иосифа, то мне кажется, что эти братья — ученики пророка и близкие, товарищи. И тогда я боюсь, что может наступить момент, когда наш пророк вынужден будет покинуть народ и уехать на чужбину. И это жестоко, как поступает Иосиф. Наш пророк не смеет этого делать, народ его любит и ищет его великой любви, которая скрывается за человечески понятной гордостью и упрямством. Неужели же пророк не найдет общего языка со своим народом?

И. К.

С каким наслаждением я читаю новеллы Упита (три последние — лучшее, что в этом году появилось в латышской прозе, особенно «Угли под пеплом»). После долгих заблуждений, опьянения пролетарской диктатурой Упит, кажется, нашел себя. Теперь он снова человек.

Суббота, 15.1.1921

Кабинет министров хочет признать коммунистов легальной партией в Латвии на том основании, что в местной социал-демократической фракции 38 коммунистов и только 10 человек — социал-демократы. Рассчитывают на то, что таким образом произойдет раскол у социал-демократов и к следующему выборам будет ясность. Я, однако, побаиваюсь, что с этим можно здорово влипнуть, ибо тогда ведь придется допустить и про-

паганду. Они думают, что она латышам не может повредить. В России-де коммунистов совсем мало, их нечего бояться! Тогда Стучка и Данишевский смогут свободно вернуться и сравнивать людей! Я этого не понимаю.

Ни А., ни Р. мне не отвечают, как я и думала. Писать же они не могут — скомпрометируют себя!

Воскресенье, 16.1.1921

На Украине восстание против советской власти.

Франция решила признать Балтийские государства и Грузию, так сообщает ЛТА из Хельсинки. Итальянский посол сообщил, что инициатива исходит от итальянцев, поэтому и французы теперь согласились. В дипломатических кругах не скрывают: это Англия намекнула Италии, что пора проявить инициативу.

Четверг, 27.1.1921

De jure!

Латвию признали Англия, Франция, Италия, Бельгия, Япония и Финляндия! Мы все будто пьяные от радости. Встречаясь, все приветствуют друг друга, как братья, забыта всякая вражда. Только социал-демократы мрачные, обособляются. На манифестации среди национальных флагов красного не было.

Итак, Латвия — государство, признанное равным среди других европейских стран. Теперь русские патриоты уже не могут претендовать на ключи к Балтийскому морю с позиции превосходящей силы, теперь им следует быть вежливыми с нами, если они захотят использовать наш выход к морю. И Германии тоже. Да, мировая война с ее ужасными жертвами, а не революция нам принесла свободу. Могу представить себе душевные муки Райниса, что он не может, не смеет сегодня радоваться вместе с Латвией, ибо его партия не может радоваться тому, что достигнуто без нее, против ее воли. Она все время презирала державы и высмеивала Мейеровица, Улманиса за их напрасные просьбы о de jure. Ну что ж, если пала европейская стена сомнений и предвзятости, тогда и сомневающиеся в нашем собственном стане признают Латвию. Проснется предприимчивость, появится вера.

Суббота, 29.1.1921

Вчера была на торжественном заседании Учредительного собрания, где Чаксте объявил о de jure, приветствовал представителей союзников, все пели «Боже, благослови Латвию». Я сидела на сей раз в публике, видела, что у социал-демократов уста сомкнуты, мое сердце сжалось. В редакции Асарс рассказал, что Аспазия прослезилась и тоже пела. Это меня так взволновало, что я тут же отправилась к Аспазии. Да, это так. И она, и Райнис согласны со мной, что «Боже, благослови Латвию» могут петь и социал-демократы. С какой сердечностью А. говорила о Латвии, как горячо она ее любит: когда идет по улице и солдатики проходят мимо и поют по-латышски, она невольно плачет. Я говорю — ей бы сочинить другой гимн, этот такой наивный. Нет, говорит, — он возник в тяжелые времена, у него свои традиции — пусть таким и остается. Это она сказала с такой задумчивостью.

И А., и Р. радовались, что я пришла, — как я могу так говорить: мы на разных берегах... Р. хочет уехать опять в Кастаньюлу, и вернется — уже не как политик. А. в социал-демократический центральный комитет избрана от села, чем горожане не очень-то довольны etc., etc. Приглашали заходить почаще, сердце изболелось, хочется поговорить. Но времени так мало. Р. поправился, это у него скорее дипломатическая болезнь: он не выносит враждебности партии, ему больно от непризнания со стороны граждан. Что ж, если сам, всплыв, отказался от должности директора департамента искусства, остался без всякой государственной должности, не состоит ни в одной из комиссий Учредительного собрания; и на заседания не ходит по болезни. Не переносит-де здешний климат! Да, в социал-демократической партии, наверно, отделятся крайние левые, то есть коммунисты. Они все делают, чтобы сгладить противоречия. Р. упрекает, что наши борются некультурными средствами, как, например, в Лиепае на выборах только что до крови избит стулом городской голова Бушевиц, и многие другие пострадали.

А. сказала: хорошо бы Иванде Кайе быть на их берегу! Это было бы де-

ло! — Я думаю! тогда их критик не знаю как меня бы превозносил.

Я люблю ее со всеми слабостями как поистине гениальную женщину!

Четверг, 10.III.1921

Мейеровиц полностью со мной согласен. Относительно писателей, что с ними надо находить общий язык, ибо они «соль земли», и они не должны чувствовать, что их отталкивают, сердиться стоя в стороне. Он-де отправит Скалбе в Рим, пусть посмотрит мир и привезет домой что-нибудь хорошее; «маленького» Вирзу в Париж бы, который он так любит (...). И относительно Райниса он согласен, что можно пригласить министром просвещения.

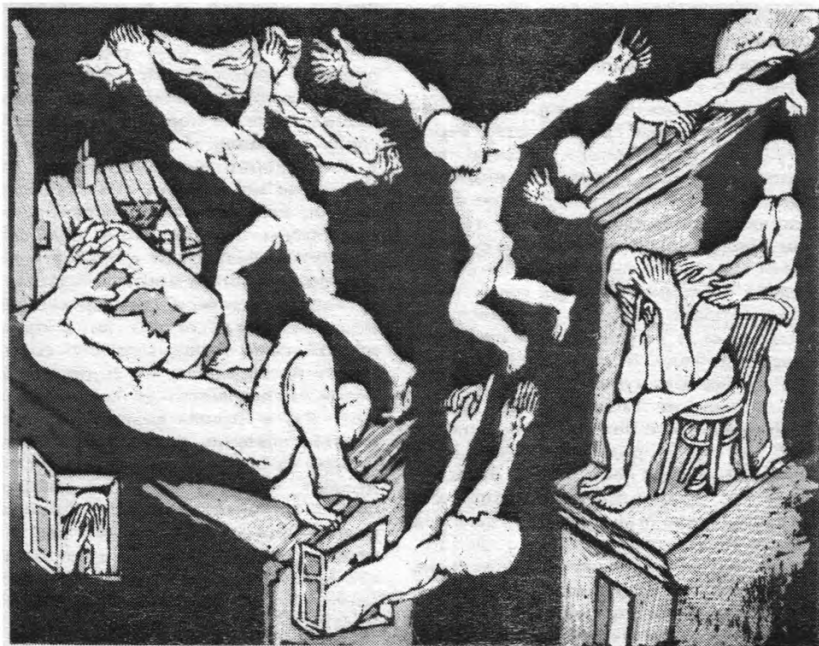
Пятница, 11.III.1921

Идя мимо, поднялась к Р. и А. Он скоро едет за границу, улаживать дела в Кастаньоле и посетить большие театры, — хочет как директор Национального театра сам привезти самое новое. А. сказала важную вещь — что осенью на парламентских выборах они не будут агитировать в пользу социал-демократической партии и свои кандидаты не выставят. Они этой партией сыты по горло. Они хотят себя так обеспечить, чтобы не сидеть в парламенте.

Вторник, 5.IV.1921

Завтра еду в Валмиеру читать обещанный доклад «Общественные и нравственные вопросы».

Перевела Ирина ЦЫГАЛЬСКАЯ

Семен Шегельман. Что-то происходит.

ЛАРЕЦ

* * *

То, что в тебе увидела,
Самого дна не выдало.
Было бы дно без ила —
В дело глядеть, не в идола.

Дальше иду. Видна
Донная даль без дна.

ЛЕБЕДА И ВОЛКОЗУБ

Вырван из рва.
Но беда ли — беда?
Он — волкозуб, а она — лебеда.

Беды избыть или спрятать под спуд?
Встав из компоста, они прорастут.
Бедные беды! — скоро им тлеть.
Вереск и мак с коноплей — пожалеть?
В ступку им, в тигель, в спирт и в котел.
Чарками чары ставят на стол.

Черную надо вырвать траву.
Что ж она в сердце росла, как во рву,
Буйством своим заглушала цветы?
Перед дождем в ней катались коты.
Сорных корней ощутив острие,
Сердце на шабаш летело мое.

Там ли беда, где была лебеда?
В ночь от нее не осталось следа.
Где она все заглушала окрест,
Там на груди — кипарисовый крест.

Дикие песни, ночные огни.
Сами себя опоили они.
Холмик в груди безболезненно пуст.
Может, привьется розовый куст?

Русская поэтесса Ольга НИКОЛАЕВА родилась в Ленинграде. С 1965 г. живет и работает в Латвии. Училась на филологическом факультете Тартуского, затем — Латвийского государственного университета. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Сельская молодежь», «Даугава», «Таллин», в альманахе «Поэзия», «Литературной газете» и других изданиях. Выпустила три сборника стихов: «Немеркнувший сад» (1976), «Живые искры» (1980), «Высокая горница» (1986). Пишет литературно-критические статьи о латышской и русской поэзии. Переводила стихи Аспазии, О. Вацетиса, Д. Авотыни, К. Скуеникса, В. Люденса, Я. Рокпелниса, Д. Дрейки, А. Айзпурнете и других латышских поэтов.

* * *

Нам угрожает русский лес.
Брусничный запад. Русый блеск
Ржаной руды и синь овса,
Земель под паром полоса.
Зарядов зланный арсенал —
Стога и ток, и сеновал.
В полях пшеницы — блеск парчи.
В них плотно сотканы лучи.
И косы — колос к колоску
До блеска стянуты к виску.

Я — желтый жнец, склоненный в рис
И жнущий вплавь, — священных риз
Чужой земли, зари светлей,
Славянских жаждущих полей
Не должен жать. Но при луне
Я часто видел их во сне.
На разоренный двор, шурша,
Их златотканная душа
Рвалась, цепляя пыльный зной
Соломой желто-золотой.

ЛАРЕЦ

*

Заранее трепещу:
Я жемчуг в себе ращу.
С искателями сокровищ
Я близости не ищу.

А выращу — забирай,
Мытарь и самурай,
Оправленных перламутром,
Ограбленных мидий — в рай.

Если тот дальний риф
Истина, а не миф,
В рифмы его, в кораллы
Лягу на грунт костями.

*

О, Устрица, твой живот,
Может быть, заживет.
А если раздвинуть ребра,
Сердце сквозь них пройдет,

Как жемчуг? — За благодать
Большого не отдать.
Разрубят и за рубины
Друзу, чтобы продать.

*

А с жемчугом нужно жить.
Чтоб радугой окружить,
В устрицу миокарда
Камень должны вложить.

Мучается жестоко,
Кто с камнем в груди — живет.
Но там оно поволокой
Опаловой оплывет

Радости и добра.
Раковина ребра
Мидии сердца — словно
Доспехи из серебра.

*

Сердце, ты так люби
Пламенно, как рубин,
Если бы и губили
И ангел бы протрубил.

И — как бесценный клад —
Вправят твой свет в оклад.
Пусть тебе сам Спаситель
В вечности будет рад.

*

Зернами, как гранат,
Рифмы в раю гранат.
Из ран, а не из царапин —
Отборные в рай манят.

А в жизни — живого нет.
Жемчуг — возвращенный свет.
Крещенской воды кристаллы —
Двери в нездешний свет.

*

Каждый, кто здесь рыдал,
Знает, что жизнь — страда.
Блещут слезами их
Ризы на всех святых.

Горька или коротка,
Но каждый, кто вздохи ткал,
Знает, что те ж одежды
У каждого есть цветка.

*

Только к стихам, как к шлюзу,
Полному крови грузу
Русло, чтоб хлынуть, дай!
Сердце взрастив, как другу.

Равно и Сим и Хам —
Овцы у пастуха.
Кто иссыхал от крика,
Только в стихах стихал.

Рифма моя — ты бич.
Чтобы спасти, постичь,
Надо пасти, поститься
И златорунных стричь.

От пятки и до лица,
От хижины и до дворца —
Все это — от Творца.

Сами откроем створцы
Лал или перл ларца.

БАРЬЕР

Почему в одном случае — «темное» (а на самом деле — к свету), незакономерное стремление к слиянию, физическому растворению — но при этом боязнь нанести ущерб, разрушить, упростить, привести к энтропии. . . (то есть «таяние», «роза», «ангел»). . . а в другом — гармоническое состояние дружбы, то есть духовной не близости, а именно любви в ответ на любовь. Со всем вытекающим отсюда бескорытием и свободой пользования часом, днем, гостеприимством. Желание устроить в мире чужую судьбу. Что, конечно, глупость и утопия, но это и последовательное перенесение в жизнь утопии сердца. Отдать в мир направленную из мира любовь. «Птичье» и «муравьиное» стремление к «пользе».

Первое — с поэтом. К поэту прикоснуться — как к амулету. Экзальтированное, молитвенное горение о чужой душе. (Не судьбе.) К душе — таким же горящим поцелуем. Книги — мощи. Книжный человек (в отличие от книжного червя), как и поэт, — в нимбе. Читатель равен сочинителю. Он сотворец, сочувственник и соучастник.

А второе — счастливым.

За грешной душой безгрешного поэта приходит черный человек. На счастливого охотятся раздраженный царь и иностранец.

ПОЭТ

Из болотных топей, сквозь леса дремучие, несет он тысячелетнюю пыльцу, падая и спотыкаясь, выкапывая корни, колдуя над кострами, то завязнув, то взлетая, то птица, то крокодил, то питается акридами, то к кисельным припадает берегам, то зверь, то отшельник; его лицо бывает страшно. В эпоху патрициев и рабов он воспекает все виды излишеств и подстегивает фортуны, суеверный и циничный. Дианы, русалки и одалиски его прельщают. Он завидует Диогену. В России раскола он поручает духовный подвиг неистовому протопопу, а сам, в миру и келейно, пробует на выживание свой род скоморохов и грамотеев.

И гибнет по дорогам, странный и убогий. Подневальный и свободный. Во все дикие и самодержавные времена он — низшая каста гриотов и советник царей. По мере развития от шаманизма к цивилизованным формам сознания отношение к поэту выстраивается в двух основных состояниях. С точки зрения буржуазных свобод — он чудак и выскочка, живущий за счет чужой роскоши. «Во дни торжеств и бед народных» и в свете наших установлений, сегодня он всенародно чтимый трибун. Но. . . поэзия, в ее змеящейся и мерцающе-изменчивой форме, то камерно-личной, то взрывчато-непримиримой, и в мирные, относительно благополучные времена никакого не терпит чиновничества и с жадным купечеством враждует. Для развлечения существуют цыгане. Для охраны леса — птицы, муравьи и хищники. Мы — природное явление, подавляющее гниль. Более природное, чем дикие племена. Мы — цветение и осенняя прель. Да сохранится двойное целебное жало многоязыкого слова. Да несет пыльцу от души к душе, да оплодотворяет явления жизни для ископаемого грядущего. И восплачем, братие, над матерью-пчелой, которая умирает, ужалив. И каждый почтительный сын поэзии поднесет к губам ладонь, ожженную ее хворостинкой.

М. РОЗИН, Д. ДАВИДОВ

«ТРИ КИТА» СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастичными и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Понять миф означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу

Э. КАССИРЕП

Страна пришла в движение. Изменились люди. Осмелились противопоставить свою волю воле правительства и потребовать учета их интересов. Важнейшее событие горбачевской перестройки — возникновение мощных политических движений, которые подхватили революцию, начатую сверху, и повлекли страну в океан плюрализма, невзирая на недовольные окрики Кормчего.

Сила политических движений — в их идеологии. Идеология собирает людей, объясняет, как устроен мир, указывает друзей, врагов, путь к благоденствию. Сильная идеология — это не сухое древо познания, а спичка, поджигающая эмоции.

За счет чего идеологии удастся полонить массы? В чем сила идей, которыми одержимо общественное сознание в Советском Союзе? Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели в январе-феврале 1990 года социально-психологическое исследование: проанализировали содержание документов основных политических движений в стране и взяли интервью

(по специальной схеме) у некоторых лидеров и рядовых членов активных неформальных групп. Результатами исследования, достаточно неожиданными для нас самих, мы и хотим поделиться.

Вначале представим действующих лиц на арене современной политической борьбы. Среди всего многообразия движений можно, с определенной долей условности, выделить четыре направления: «демократы», «социалисты», «патриоты» и «националы».

Главные идеалы демократов — политические свободы, права человека и рынок. Они требуют радикальной реформы (радикальнее тех, что сегодня проводятся правительством) и возглавляют борьбу против аппарата.

Большинство националов, стремящихся к культурному и/или политическому возрождению своей нации, также исповедуют общедемократическую идеологию.

Иные лозунги выдвигают социалисты, для них главное — обновление, развитие социализма, социальная

справедливость и защита интересов беднейших слоев населения.

Патриотическое движение провозглашает своей целью возрождение сильного русского (российского) государства, в котором обездоленный ныне русский народ займет подающее место.

Существует взаимное тяготение политических групп. Националы, как уже было сказано, симпатизируют демократам, патриоты — социалистам. Вероятно, это связано с глубинным сходством их идеологий. Идеология демократов и националов, если вспомнить традиционный русский спор, может быть обозначена как «западническая», поскольку предлагается, не проводя новых экспериментов, позаимствовать у Запада проверенную временем экономическую и политическую систему. Напротив, патриоты и социалисты, в этой терминологии, являются «славянофилами», «почвенниками». Россия, с их точки зрения, должна следовать особым, самобытным путем, не похожим на путь западных стран, — тут смыкаются сторонники русского монархизма и русского социализма.

Два полюса — две идеологии. Можно ожидать, что перед нами и два типа сознания.

Вероятно, трезвомыслящие читатели, знакомые с программными документами патриотов, согласятся, что эти тексты напоминают сказку или, вернее, миф. Разница тут вот в чем: сказочник осознает, что его истории полны вымысла; когда же сказители верят в истинность своих баек, их повествование является мифом. Члены «Памяти» верят в существование левитов, сионских мудрецов, всемирного жидомасонского заговора. Им известна дата захвата власти сионистами, они уверены в мессианской роли русского народа, призванного спасти от порабощения нации всего мира. Мало кто усомнится, что перед нами мифология новейшего времени, о которой писал Э. Кассирер (он анализировал идеологию фашизма).

На этом фоне намного разумнее выглядят идеи западников. Таково, между прочим, мнение избирателей, отдавших за них голоса на выборах. Так думали и мы, приступая к нашему исследованию. Но, как оказалось, идеология западников также основывается на мифологических

идеях — мифологических по сути, хотя и подаваемых в рациональной форме. Более того, глубинная структура мифа (о ней чуть ниже) у демократов и почвенников полностью совпадает.

В чем причина подобного единства? В том ли, что все мы советские люди? Или любая притягательная идеология всегда мифологична? Мы склоняемся ко второму ответу. Настоящий миф — не просто произведение искусства, а функциональное средство, позволяющее путем упорядочивания картины мира организовывать деятельность людей. Миф, подобный современному политическому мифу, появляется там, где нужно влияние, где необходимо поднять людей на активные действия. Миф не выдумывается сознательно с этой целью, но интуитивно выстраивается по вполне определенным законам: он — целенаправлен, каждая его часть имеет особую функцию. Он — коллективное бессознательное творение народа, создающего миф как обоснование законности и современности его, народа, стремлений, желаний и ненависти.

Какова же глубинная структура современных политических мифов в СССР? Они основываются на трех постулатах: «мы — гонимые», «тайный враг» и «мир на краю пропасти».

«ГОНИМЫЕ»

Кому на Руси жить хуже: русским или евреям? Этот вопрос вполне серьезно обсуждается защитниками первых и идеологами вторых («Нас дискриминируют». — «А мы зато на вас пашем!») — «Но нас оскорбляют!» — «А у нас разрушена культура!»). В этот спор стремятся включиться и другие силы: «Хуже всего рабочему человеку» (Объединенный фронт трудящихся), «Ничто не может сравниться с горькой участью интеллигенции» (Московский народный фронт), «Наиболее несвободны и зависимы военнослужащие» («Щит»). Ну и конечно, все так называемые национальные меньшинства, так же, как и евреи, готовы поучаствовать в конкурсе за последнее место в шеренге. Возникает впечатление, что самосознание любой нации и любого класса просыпается одновременно с мыслью: «Нам плохо — нам хуже, чем другим!»

Вот для примера типичные высказывания патриотов: «Положение России более трагично, чем положение всех других регионов нашей страны. Российский рабочий, инженер и интеллигент производят больше всех и, между прочим, наиболее важную и нужную всем продукцию, мы потребляем меньше всех, а отбирают у нас в казну максимальное количество средств, и никто за это перед народом не в ответе. Наш крестьянин трудится по крайней мере не меньше любого другого крестьянина, но живет и получает, и потребляет меньше всех других. . .» «Из больших народов действительно хуже всего приходится именно русским. Средняя продолжительность жизни мужчин в деревне в РСФСР составляет 40—50 лет, в то время как, например, американский негр живет в среднем 66 лет». Любимое сравнение «Памяти»: русские подобны американским индейцам, загнанным в резервации. И наконец: «Нам некуда отступать. Иначе нас ждет трагедия национального вырождения».

Любопытно, что представители одного и того же народа могут обосновывать свою гонимость с помощью взаимоисключающих аргументов. К примеру, евреи. Общеизвестно мнение о дискриминации евреев, то есть выделении их из общей массы по национальному признаку, чтобы не пускать в вузы, унижать, оскорблять и т. д. В интервью же с членами Еврейской культурной ассоциации мы узнали, что стоит вопрос о «выживании» еврейского народа, но не в связи с дискриминацией, а потому что его «насильственно ассимилируют», то есть... не дают выделиться из других народов. О чем свидетельствует возможность столь противоречивых трактовок? О том, что для лидеров группировок главное — утверждение как «нам плохо», конкретные же обстоятельства имеют смысл лишь в качестве доказательств этого «бесспорного» тезиса.

Важной частью структуры «мы — гонимые» является и представление о несправедливом положении той группы населения, к которой обращена пропагандируемая идеология. В грубом виде это выглядит примерно так: «Кому-то живется лучше и причем за наш счет». Или: «Даже сейчас, при объявленной гласности, печать

в основном умалчивает о тяжелом положении русских и о привилегированном положении евреев». Любимый лозунг самых разных политических групп — «восстановление социальной справедливости». О важности понятия «несправедливости» в любой идеологии свидетельствует и такой далекий от наших дней факт, как открытие Марксом «закона прибавочной стоимости». Рассуждение о прибавочной стоимости — это не что иное, как научное экономическое доказательство того, что капиталисты берут себе продукт, принадлежащий рабочим, то есть творят несправедливость. О действительности же коммунистической идеологии все мы прекрасно знаем.

Теперь задумаемся о психологическом смысле утверждения «мы — гонимые». Чем оно усиливает идеологию? Несомненно, подобный образ мира дает мощный стимул к действию. Из психологии известно, что в основе всякого действия лежит потребность, иными словами, некоторая «плохость» — голод, холод, сексуальная неудовлетворенность и т. д. Сказать «вам плохо» — значит заложить основу для призыва к действию. Более того, постулат о несправедливости, осуществляемой по отношению к народу (классу), дает последнему особые права — прежде всего это право на восстановление справедливости, право чего-то требовать для себя, право брать (вернее — возвращать отобранное) и в конечном итоге — право на ответную несправедливость («раз с нами так поступали, то и мы теперь все можем»). Или по-ленински: «Грабь награбленное». Представление о гонимости не только мотивирует действия, но и «развязывает руки» при выборе средств, позволяет воевать: раз действительность несправедлива, то ее разрушение — благо.

Конечно, не все движения призывают к ответной несправедливости и разрушению. Но потенциал этой структуры именно таков.

«ТАЙНЫЕ ВРАГИ»

Представление «мы — гонимые» требует для своей полноты наличия гонителей. Рассуждения про «образ врага» стали уже общим местом в нашей науке и публицистике. Смысл

этого однозначен — если все дело во врагах, то нужно заниматься не созданием, а борьбой. Более интересно проанализировать конкретные особенности образа врага. Обратимся сначала к интервью с членом почвеннического объединения «Отечество». Речь пойдет о «еврейском клане».

— Как тебе кажется, насколько высоко этот клан распространяется? Вроде бы в Политбюро у нас евреев нет. Насколько велика власть этого клана в нашей стране?

— Ну, в Политбюро у нас, скажем, евреев нет. Ну, не скажем, пусть их там нет. Это не страшно. Отменили 4-е управление при ЦК КПСС, медицинское — я точно знаю, что там евреев очень много. Если член Политбюро находится на излечении у своего лечащего врача-еврея, естественно, тот на него может влиять. Я не думаю, что они, конечно, вершат судьбами. Во всяком случае, распространен он очень и очень высоко. Причем обычно, судя по истории, и государством правят, и экономикой страны заведуют не те лица, которые находятся на виду у всех и чьи имена на устах, а те, что в тени и конкретно занимаются делами. Я думаю, что там процент евреев тоже довольно-таки высок.

В этом ответе просматривается очень важное качество «врага»: он — тайный, невидимый, на него нельзя указать пальцем. Вспомним слова, которые употребляются для обозначения врага: «жидомасоны» («Память»), «теневая экономика» («Отечество», Объединенный фронт трудящихся), «партократия», «аппарат» (все демократические группы). Трудно найти конкретного жидомасона — тем более главного. Спекулянт с Рижского рынка в Москве — отнюдь не «генерал» теневой экономики. Враг — нигде, и враг — везде. Ну а как же партократия? Ведь тут, на первый взгляд, ситуация иная — верхний эшелон партии всем известен. Тем не менее идеология демократов также включает в себя пункты, которые привносят в образ врага некую таинственность. Во-первых, неизвестны «их планы», «замыслы» — они остаются в тайне; во-вторых, планируются «вражьи козни» не Горбачевым, а «теневыми фигурами». Например, В. Новодворская

(Демсоюз) говорит о «грамотной референтуре» — вот где мозговой центр врага! Но кто ее видел, эту референтуру? Никто! Значит, мозговой центр законспирирован, он остается в тайне.

Психологический смысл этой характеристики заключается, по всей видимости, в том, что врагу тайному намного легче приписать силу, могущество, ум, нежели персонафицированному. Кроме того, идеология, говорящая о тайном враге, не подвержена влиянию конкретных событий (опасно концентрировать внимание, допустим, на одной фигуре — а вдруг человека снимут, и придется спешно изыскивать новые сюжеты). Особенно повышается ценность размытого образа врага в эпоху гласности. Лидеры нашего государства стали выступать по телевизору, мы видим их естественное поведение — замешательство, раздражение, нам трудно поверить, что они и есть авторы тех хитроумных проектов, которые приписываются врагу.

Таинственность — важнейшая характеристика образа врага, без которой была бы невозможна настоящая мифология.

С другой стороны, в идеологии всех современных политических групп враг, как мы уже упомянули, отличается умом, правильнее было бы даже сказать, «хитроумием». В чем его хитроумие? В том, что он вынашивает очень сложные, глобальные планы, где каждое действие призвано обеспечить результат прямо противоположный тому, который мог бы заподозрить и предположить наивный обыватель. Скажем, в чем цель еврейских погромов? Думаете, в том, чтобы нанести вред евреям? О, нет! Д. Васильев («Память») объясняет: «Хотели здесь раздуть пожар антисемитских погромов. То есть, тогда бы малой кровью справились. Русских натравили бы на евреев, перебили бы там какую-то часть евреев. Затем перебили бы какую-то часть русских патриотов, добились бы основной костяк нации, и все. И уже русские больше бы никогда не восстали». А. Кузьмин же («Отечество») сообщил нам, что вся «Память» организована сионистами для «раздувания еврейского вопроса».

Точно такую же логику мы находим

в трактовке действий аппарата, предлагаемой западниками. «Зачем они открыли границу? И кооперативы? И гласность? — спрашивает член еврейской партии «Иргун Циони» и сам себе отвечает: — Они пытаются выяснить в новых условиях... кто является их основным врагом. И с этим врагом сделать три простые вещи: либо его физически уничтожить, либо привлечь его на свою сторону, либо позволить ему покинуть страну». Подобным образом переосмысляются все события, которые несут в себе хотя бы что-то позитивное.

Идеологи всех движений, как будет показано ниже, утверждают, что мы стоим на краю пропасти, на грани катастрофы и, значит, все, что может поставить под сомнение этот тезис, вызвать оптимизм, должно быть переосмыслено по логике «хитроумного плана врага». Так, например, та же Новодворская сообщила нам, что Горбачев (по совету своих референтов!) специально толкает демократов в местные Советы, а поскольку реально ничего не изменится, то «у народа может возникнуть стойкое ощущение, что демократия еще хуже, чем тирания. И что, извините, правы те, кто говорит о необходимости твердой руки... И тогда народ может потребовать введения железной дисциплины и открытой диктатуры уже просто из-за того, что демократия окажется скомпрометированной в его глазах... Это план гениальный по своему коварству...»

Кажется, что уж более дестабилизирует обстановку в стране, чем дефицит товаров и национальные конфликты? Тем не менее это не мешает демократам ничтожно сумняшся утверждать, — и то и другое организовано аппаратом. Т. Гдлян заявляет: «Мы не должны забывать, что власть, а точнее говоря, реакционная часть аппарата толкает в пучину хаоса, беззакония, диктатуры. Все делается сознательно с той целью, чтобы дестабилизировать обстановку во всех областях... Я спрашиваю, почему сотни тысяч вагонов, эшелонов с продуктами, на которые ушли миллиарды валюты, стоят на подъездных путях, гниют и портятся?.. Разве это не делается умышленно? Обратите внимание, что во всех областях все сводится к тому, чтобы расшатать, создать искусственно очаги напря-

женности, чтобы иметь повод ввести чрезвычайное положение».

Фактически мы уже обозначили и третью характеристику образа врага: он всепроникающий, он имеет отношение ко всем событиям, происходящим в стране, — по выражению А. Бабушкина (Московский народный фронт), везде прослеживается его «анонимная рука». По-другому эту особенность идеологии можно назвать «антропоморфностью» — не допускается и мысли о естественном, стихийном характере какого-либо события. Не могут сами по себе (без «центрального манипулирования») возникнуть национальные конфликты, экономические трудности, крупные аварии — за всем этим стоит чья-то воля, причем обязательно злая воля, осознанно ввергающая страну в «пучину хаоса».

Враг как абсолютное зло (в отличие от представления, что он вредит по незнанию) — четвертая важная характеристика этого феномена.

Третья и четвертая характеристики позволяют упростить картину мира. Вместо множества разнообразных причин тяжелого положения страны выдвигается в качестве объяснения всего и вся одна причина — злая воля врага, к которой все и сводится. Кроме того, в столь просто устроенном мире и способ его улучшения однозначен — достаточно поменять злую волю на добрую, и все будет в порядке. («Уберите из Кремля аппарат и посадите туда нас, желающих добра, и тут же страна двинется к изобилию»). Была бы рисуемая картина намного сложнее, например, если представить, что власть стремится улучшить положение в стране, но ей это не удастся, то и путь спасения не столь очевиден: пойдут ли дела лучше, если заменить правительство, имеющее опыт управления государством, молодыми и неопытными неформалами?

Итак, враг в идеологии политических движений является тайным (он не персонафицирован), хитроумным (способен строить сложнейшие планы), всепроникающим (им организованы все важные события), носителем злой воли. Введение этой структуры в идеологию позволяет: 1) упростить картину мира; 2) указать на смену власти как очевидный путь спасения;

3) переосмыслить все события, дающие основания для оптимизма, в негативном ключе; 4) подменить вопрос «как строить?» вопросом «как бороться с теми, кто мешает строить?»

Если обратиться к оппозиции «гонимые — враги» (или «гонимые — гонители»), то можно заметить, что себя лидеры политических групп выносят за скобки. Они, понятно, не гонители, но они также и не гонимые. Они — спасители: спасители гонимых и борцы с гонителями, выступающие от имени несправедливо обиженных.

Что ж, в идеологии выделяются классические психологические роли, описанные еще Э. Берном. Идеология не только дает возможность человеку почувствовать свою слабость и униженность, но и освободиться от этого чувства путем активного действия, в процессе борьбы (в телеологической логике можно проследить обратный ход: поскольку идеология должна поднимать людей на активные выступления и борьбу, она приходит к утверждению о гонимости и униженности тех, к кому она обращена).

«МИР НА КРАЮ ПРОПАСТИ»

Существование описанного выше треугольника (гонители — гонимые — спасители) в принципе может быть сколь угодно долгим. «Враг» угнетает «гонимых», а «спасители» делают попытки их спасти. Однако идеология всех современных политических движений представляет будущее иначе. Нам постоянно твердят, что страна подошла к краю пропасти. Мы еще не в пропасти (сказать, что уже наступила катастрофа, — это значит парадоксальным образом людей успокоить: хуже того, что есть, уже не будет). Идеология не успокаивает — нет, катастрофа впереди, она разразится, стоит лишь сделать один неверный шаг или даже «немного подождать».

Как мыслится катастрофа? Это не кризис, приводящий к возрождению, а своего рода апокалипсис, затрагивающий судьбы всего мира: «Если ответить примитивно и высоким стилем, то спасать надо Россию, потому что без спасения этого организма, как мне представляется, не может быть не только других социальных организмов, которые проживают на территории Советского Союза, но и, по всей вероятности, жизнь на нашем шарике, скорее всего, станет невоз-

можна. Сейчас это понимание дошло до всей мало-мальски серьезной западной интеллигенции, они даже, на мой взгляд, излишне заинтересованы в сохранении стабильности нашего режима, потому что опасаются, что его более или менее конвульсивный крах превзойдет по своим катастрофическим масштабам для человечества крах, который в свое время пережила Римская империя» (М. Малютин, Московский народный фронт). «Проблема гражданской войны — это не проблема России. Это проблема всего мира. Потому что в России очень мало здравого смысла осталось. . . И нужно всему миру сейчас стараться не допустить развязывания этой войны в России. Потому что не одна ракета и не один камень упадет даже на ту же Америку. Пойдет очень большая цепная реакция. И мир просто еще раз умоется кровью. Может быть, в последний раз. . .» (член клуба «афганцев» «Бандамир»).

В сознании людей катастрофа предстает как нечто иррациональное, выходящее за рамки здравого смысла и исторически нормального развития страны: «Гражданская война будет. И она будет жестокая, кровавая. И она будет яростнее и кровавей, чем были когда-то войны в России или, допустим, в той же Румынии. Это так. При чем найдутся маньяки, которые просто будут выходить на улицу и просто будут косить людей. Для них уже не будет никакой разницы, потому что они уже дошли до абсурда. Для них уже нет той грани, за которой отделен человек от животного. Для них уже нет. Они практически слиты с этой гранью. Они будут просто выходить на улицу и косить. . .» (член клуба «Бандамир»).

Однако, в отличие от религиозной идеологии, отнюдь не утверждается, что в конце апокалипсиса восторжествует справедливость и пропасть равно поглотит всех — правых и виноватых, гонимых, гонителей и спасителей, а заодно и весь мир. Спасение видится не в том, чтобы пройти сквозь катастрофу и через смерть возродиться, а в том, чтобы в последний момент принципиально изменить все, что может быть изменено, разоружить врага и не оказаться в пропасти. Таким образом, идеологическая структура «на краю» оказывается мощнейшим стимулом для начала активных действий: еще не

поздно, но завтра. . . — и следовательно, действовать нужно сегодня, немедленно, сейчас, причем шаги в этой ситуации могут быть только сверхрешительными.

Можно предположить и еще одну функцию «апокалиптического сознания» — оно повышает субъективную значимость активного действия, поскольку человек начинает ощущать, что от него зависит судьба мира. Члены политических групп чувствуют себя причастными к кардинальным историческим событиям, и это удовлетворяет, вероятно, одну из самых могущественных потребностей — в повышении значимости своего «я» через прикосновение к чему-то большему, чем ты сам. Другими словами, «счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые». О том, что описываемый механизм срабатывает, свидетельствуют и наши интервью. Многие лидеры политических групп сравнивали себя и своих «соратников» с великими деятелями прошлого. Один все время сопоставляет свою жизнь с жизнью Христа, другой боится оказаться в положении больного Ленина, третья — это Жанна д'Арк и т. д.

Формально в идеологии каждой группы присутствует и еще один элемент: представление об идеальном будущем и путях, ведущих к нему. Однако правильнее было бы сказать, что этот элемент лишь обозначен — упоминается о возможности возрождения русского народа, установления

западной демократии или «ленинского социализма», но все же основной акцент в идеологии всех политических движений сделан на разоблачении врага, доказательстве коренной несправедливости положения гонимых и правильности мрачных пророчеств. По-видимому, идеология «трех китов» («гонимые» — «враг» — «на краю») сильнее возбуждает, будоражит людей, имеет большие шансы на «овладение массами», нежели идеология с изложением конструктивной программы.

Быть может, сила мифологической идеологии — в ее простоте. Людей легко подразделить на друзей и врагов. Друзья полны благородства и ума, враги готовят нам погибель. Причины событий исчерпываются желаниями действующих лиц. В таком мире легко сориентироваться, выбрать себе ведущего и объект для ненависти. Хотя, конечно, мифы массовой идеологии не исчерпывают политических представлений входящих в движение конкретных людей, многие из них видят все совсем иначе, чем мы описали.

И последнее. Необходимой почвой для возникновения таких мифов является общая напряженная ситуация в стране, когда легко поверить в гонимых, врагов и катастрофу и когда хочется верить. Вероятно, смена мифов, возникновение конструктивной идеологии будет свидетельствовать о выходе страны из кризиса и начале нормального развития.

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С 1917 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Глава 3

ПОИСКИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ*

Шаг назад

М. Покровский писал М. Горькому о предполагаемой «Истории гражданской войны»: «Хронологические рамки изложения мы ставим так: Февральская революция — Кронштадт и Антоновщина». Ликвидация Кронштадтского мятежа и подавление крестьянского движения в Тамбовской губернии были — в «хронологической рамке» лидера советских историков — заключительными главами гражданской войны. В 1920 году советская власть устанавливается в Сибири, Туркестане, на Украине. Там, где по разным обстоятельствам установление советской власти прямо невозможно, создаются ее промежуточные формы: Дальневосточная республика, просуществовавшая с апреля 1920 года до осени 1922 года, когда японцы окончательно покидают Дальний Восток; Хорезмская народная республика (февраль 1920 года), Бухарская народная республика (сентябрь 1920 года). Созданию Бухарской народной республики предшествовало создание в рядах младобухарской партии левого прокоммунистического крыла. Затем младобухарцы подняли восстание в Чарджоу и попросили помощи Красной армии, находившейся неподалеку. Части Красной армии, под командованием М. Фрунзе, немедленно протянули руку братской помощи. Несмотря на упорное сопротивление верных эмиру войск, Бухара была взята. Эмир бежал, была провозглашена Народная республика. По схожему сценарию разыграна была советизация Кавказа.

В апреле 1920 года ЦК РКП(б) сформировал специальное Кавказское бюро (Кавбюро), придав его штабу Одиннадцатой армии, действовавшей на Северном Кавказе. Кавбюро формулировало идею, Одиннадцатая армия осуществляла ее. В конце января наркоминдел Чичерин направляет ноту азербайджанскому правительству, требуя сотрудничества в борьбе с Деникиным и обещая взамен признание независимости. Но уже 17 апреля Ленин секретным постановлением назначает своего представителя директором будущей советской бакинской нефтяной промышленности. Кавбюро предлагает бакинским коммунистам поднять 27 апреля восстание. Азербайджанские коммунисты, которые формально находились в подполье, но с которыми мусаватисты вели переговоры, ставят правительству ультиматум: передать власть Советам. Еще до истечения 12-часового срока ультиматума, 28 апреля, в Баку на бронепоезде въезжают Орджоникидзе и Киров. На бронепоезде въезжает в Азербайджан советская власть. Председатель Кавбюро Орджоникидзе руководит массовыми репрессиями, направленными в первую очередь против деятелей национального движения. Азербайджанская коммунистическая партия первой объявляет о появлении новой звезды на горизонте мировой революции. Бакинский «Коммунист» приветствует в ноябре 1920 года приезд гостя словами: «С визитом в Баку приехал тов. Сталин — рабочий руководитель исключительной самоотверженности, энергии и твердости, единственный признанный авторитет по вопросам революционной тактики и вожь пролетарской революции на Востоке и Кавказе».

Отсутствие коммунистических ор-

* Печатаются два параграфа из гл. 11. Фрагмент гл. 1-й см. в № 11.

ганизаций на территории Армении, вызванное протурецкой политикой коммунистической партии, задержало советизацию республики. Попытка армянских коммунистов, живших за пределами Армении, организовать переворот не удалась. Начавшаяся в сентябре 1920 года война с Турцией быстро закончилась поражением армянской армии.

27 ноября Сталин, прибывший в Баку, приказывает Орджоникидзе начать операцию против Армении. В этот же день Орджоникидзе получает инструкцию от Ленина, в соответствии с которой армянскому правительству высылается ультиматум: передать власть «Революционному комитету Советской Социалистической Республики», находящемуся в ожидании где-то в Азербайджане. Не дожидаясь истечения срока ультиматума, Одиннадцатая армия вступила на территорию Армении. 6 декабря Ревком прибыл в Ереван. Было создано коалиционное правительство, в которое вошли коммунисты и дашнаки. 21 декабря 1920 года все законы РСФСР были объявлены обязательными для Армении. Начались репрессии против дашнаков, выброшенных из правительства.

Грузия, самая крупная из закавказских республик, с правительством, пользовавшимся поддержкой населения, с достаточно сильной армией, казалась Ленину серьезным противником. Когда опыненный бакинский успехом Орджоникидзе попросил разрешения вторгнуться в Грузию, он получил отказ. Началась война с Польшей, и Москва не хотела иметь войны на два фронта. 7 мая 1920 года в Москве был подписан договор с представителем Грузии, в первом параграфе которого РСФСР признавала независимость и суверенитет грузинского государства и отказывалась от всех суверенных прав, которыми обладала Россия в Грузии. В секретной статье Грузия обязалась легализовать коммунистическую партию и разрешить ей свободную деятельность. Советским послом в Тифлисе был назначен Киров — заместитель председателя Кавбюро. «Не было ни для кого секретом, — вспоминал руководитель грузинских коммунистов Ф. Махарадзе, — что деятельность коммунистической пар-

тии при тогдашних обстоятельствах (1920 год) состояла исключительно в подготовке вооруженного восстания против существующего правительства».

После установления советской власти в Азербайджане и Армении Грузия была окружена с трех сторон. Но Ленин по-прежнему считал захват Грузии преждевременным: главным С. Каменев трижды докладыывал Ленину о том, что наступление на Грузию может привести к длительной войне на Кавказе; захват Грузии мог, казалось, сорвать переговоры с Великобританией. Сообщение советского представителя в Лондоне Л. Б. Красина о том, что Ллойд-Джордж заявил о признании Англией Кавказа, входящим в советскую сферу влияния, не рассеяло опасений Ленина. Глава грузинского правительства Ной Жордания писал в 1939 году в своих воспоминаниях, что в Москве «обрисовались две тенденции. Одна — политическая, соседская; вторая — империалистическая. Последнюю тенденцию возглавляли Троцкий — военный министр и Сталин — министр национальностей. Первую же тенденцию возглавлял Ленин». Тенденция, на самом деле, была одна — советизация Кавказа, необходимая по экономическим и стратегическим соображениям. Разногласия же носили чисто тактический характер. В январе 1921 года Политбюро принимает решение о свержении грузинского правительства, но Ленин требует, чтобы оно имело вид восстания, которому приходит на помощь Красная армия. Грузинские коммунисты получили директиву: организовать восстание. 16 февраля Одиннадцатая армия переходит границу, чтобы помочь созданному двумя днями раньше в деревушке Шулавери Военно-революционному комитету, попросившему братскую руку помощи. Грузинская армия нуждалась в оружии: «Самое главное было достать ружья и патроны. Послали всюду телеграммы — никто нам не обещал. Только из Лондона получили категорический отказ» (Н. Жордания).

18 марта грузинское правительство капитулировало. Ленин, опасаясь народного сопротивления в случае повторения в Грузии методов, применявшихся в Азербайджане, требо-

вал от Орджоникидзе тактической мягкости. Он предупреждал об опасности повторения русской модели и настаивал на разработке особой тактики, основанной на значительных уступках мелкобуржуазным элементам. Ленин утверждал, что на Кавказе необходим более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — в отличие от РСФСР.

Орджоникидзе пренебрег рекомендациями Ленина и приступил к советизации Грузии методами, испытанными в других кавказских республиках. Методами, проверенными в течение трех лет в РСФСР.

Восстание в Кронштадте вынуждает наконец Ленина пересмотреть свою политику по отношению к крестьянству. Еще в начале 1921 года он отвергает все предложения о смягчении продразверстки, об изменении ее характера. Кронштадт убеждает Ленина в том, что положение оккупанта в завоеванной стране, население которой в подавляющем своем большинстве выступает против политики власти, удержать дольше нельзя.

Ленин признает, что он ошибся. В разговоре с Кларой Цеткин в конце 1920 года он признался, что ошибся в расчете, настаивая на вторжении в Польшу, которое должно было стать началом революции. Когда Ленин говорил, вспоминала немецкая коммунистка, на его лице было выражение невыразимого страдания. Любительнице искусства Кларе Цеткин вспомнился при виде страдавшего вождя Октября распятый Христос с картины Грюнвальда. Никто не нарисовал лица Ленина, признавшегося, что он ошибся в расчете на немедленное строительство коммунизма в России: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение». Не совсем искренне Ленин добавляет: «Но весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения».

Опыт этот длился 4 года, с 25 октября 1917 г. по 17 октября 1921 г., когда Ленин покаялся в «ошибке». Опыт был длинный и обошелся очень дорого в человеческих жиз-

нях. Ленин, однако, своим «признанием ошибки» делает важный вклад в науку политического руководства страной: признание вождем ошибки делает эту ошибку как бы небывшей, зачеркивает ее, вождь остается непогрешимым.

15 марта 1921 года Ленин на X съезде партии предлагает программу экономической политики. Съезд принимает ее. Начинается эпоха НЭП.

Новая экономическая политика была прежде всего политикой аграрной. «Крестьянство формой отношений, которые у нас с ним установились, — объяснял Ленин на X съезде, — недоволено, оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадной массы трудового населения». Съезд по предложению Ленина меняет форму отношений, которые установились «у нас с ними». Продразверстка заменяется продналогом.

На 1921/22 год продналог был установлен в размере 240 миллионов пудов, что было почти в два раза меньше, чем намеченная на этот год ранее продразверстка. Можно было бы говорить о значительном облегчении подати, если бы не тот факт, что в 1920/21 году было фактически собрано по продразверстке около 240 миллионов пудов. О размерах «облегченного» — продналога можно судить по тому, что он составлял 339% довоенного прямого налога. Значение замены разверстки налогом было не в облегчении подати, а в ограничении государственного произвола. 8 марта 1921 года крестьяне Панфиловской волости Грязевецкого уезда Вологодской области в письме «нашему уважаемому вождю и великому гению тов. Ленину» сообщали: «В настоящее время у крестьян нашей волости взято почти все: хлеб, скот, сено, сырье... В 1920 г. ввиду засухи урожай был только местами сам-4. Но агенты продкома брали из расчета сам-6...» Вологодские крестьяне, прося «не считать нас зловредными элементами для советской власти, а наоборот, желающими плодотворной работы, дабы укрепить свободу за рабочими и крестьянами», предлагали ввести вместо разверстки продналог, чтобы

крестьянин «знал свою норму налога и время его сдачи». Декрет устанавливал норму и время сдачи налога.

Новая аграрная политика не могла ограничиваться только заменой разверстки налогом. Такая замена подразумевала, что крестьяне смогут, не опасаясь конфискации, увеличить производство сельскохозяйственных продуктов. Увеличение это могло, однако, иметь смысл лишь в том случае, если излишки можно законно продавать. Ленин до последней минуты не хотел расставаться со своей мечтой о немедленном прыжке в коммунизм. Троцкий вспомнил на X съезде, что он еще год назад, в феврале 1920 года, предложил ввести налог вместо разверстки. На VIII съезде Советов в декабре 1920 года, в последний раз выступая свободно, меньшевики и эсеры требовали отмены продразверстки. Ленин отметил все эти предложения как «возвращение к капитализму». Капитализм — это торговля, следовательно, «свобода торговли, значит назад к капитализму». В конце 1920 года был издан Декрет о бесплатности всех отпускаемых государством продуктов. Продуктов почти не было, но коммунизм казался за углом. Отказавшись от продразверстки, Ленин судорожно держится за надежду не допустить торговлю, не позволить рынку замутить чистоту коммунистических отношений. По его проекту обмен между крестьянскими хозяйствами должен был носить лишь местный характер (при условии перевозки продуктов лошадьми, а не железной дорогой), нося скорее характер даже не купли-продажи, а натурального обмена. Утопия умирала тяжко. Реальность оказалась сильнее. Осенью 1921 г. вождь революции должен был признать: «Товарооборот сорвался... С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарооборота получилась обыкновенная купля-продажа, торговля».

Новая экономическая политика означала поворот на 180° и в промышленности. Были разрешены мелкие частные предприятия, частные лица получили право брать в аренду крупные предприятия, иностранцам предоставлялось право брать в кон-

цессию предприятия, добычу полезных ископаемых. Еще более важным было изменение отношения к труду. Рабочие принимали участие во всех выступлениях против коммунистической власти, но главной формой, в которой выражалось их недовольство результатами революции, было резкое снижение производительности труда. «В 1919—1920 гг. средняя выработка одного рабочего за год составляла только 45% того количества всяких предметов, какие являлись результатом его работы до войны» (Ю. Ларин). Программа «большого прыжка» в коммунизм исходила из необходимости заставить рабочего работать. Дзержинский объявил концентрационные лагеря «школой труда», Троцкий выдвинул программу «милитаризации труда», создания «трудовых армий». Наркомвоенмор подверг сомнению представление о непродуктивности рабочего труда: «Верно ли, что принудительный труд всегда непродуктивен? Мой ответ: это наиболее жалкий и наиболее вульгарный предрассудок либерализма». Человек не хочет работать, рассуждал Троцкий, но социальная организация заставляет и подхлестывает его в этом направлении. Вывод — необходимо заставлять и подхлестывать рабочего. Если же окажется, что принудительный труд непроизводителен, то «все социалистическое хозяйство обречено на слом, ибо других путей к социализму, кроме властного распределения хозяйственным центром всей рабочей силы соответственно потребности общегосударственного плана, быть не может...»

НЭП был признанием непроизводительности принудительного труда и попыткой найти другой «путь к социализму». Реабилитируется понятие «материального стимула», требование равной заработной платы для всех рабочих объявляется мелкобуржуазным предрассудком, вводится принцип концентрации, объединения предприятий в «тресты» и принцип «хозрасчета», требующий самокупаемости предприятий. С 1 января 1922 года были переведены на «принцип самокупаемости» даже «лагерь принудительного труда». Как писала «Правда»: «Опыт первых месяцев существования лагерей принудительного труда на

хозрасчете дал положительные результаты...»

Так быстро новая экономическая политика оказалась положительно лишь на лагерях. После мировой войны, революции, гражданской войны на страну обрушилось новое тяжелейшее испытание: голод, которого она еще не знала в своей истории.

Прежде всего правительство хочет уменьшить размеры бедствия. Опасность голода стала очевидной в начале лета. 6 августа в обращении к мировому пролетариату Ленин говорит о том, что «несколько губерний» России поражены голодом не менее страшным, чем голод 1891 года. Число голодающего населения в Поволжье в 1891 году было определено в 964 627 человек. В 1921 году счет велся уже на миллионы: голодало не менее 20% населения страны и более 25% сельского населения. Голод был смертным. Писатель Михаил Осоргин, редактор бюллетеня «Помощь», органа Всероссийского комитета помощи голодающим, знавший по сотням посемье положение в голодающих областях, пишет о том, что людоедство стало «обыденным явлением»: «Ели преимущественно родных, в порядке умирания, кормя детей постарше, но не жалея грудных младенцев, жизни еще не знавших, хотя в них проку было мало. Ели по отдельности, не за общим столом, и разговоров об этом не было».

Голод был испытанием возможностей нового строя: впервые перед ним была задача, которую нельзя было решить силой. Успех Октябрьского переворота, победа в гражданской войне выработали у большевиков менталитет победителей, убеждение, что все решается винтовкой солдата или наганом чекиста. Екатерина Кускова вспоминала рассказ Бонч-Бруевича о визите Горького в Кремль в 1919 году. «Мы вошли в кабинет, где сосредоточенно сидел Ленин за какими-то документами. „Что вы делаете?“ — спросил его Горький. — „Думаю над тем, как бы получше перерезать кулаков, не дающих хлеб народу“. — „Вот это оригинальное занятие!“ — воскликнул Горький“. — „Да, мы вплотную подходим к борьбе за хлеб, за самое простое человеческое существование“».

Борьба за человеческое существование одних была для Ленина неразрывно связана с истреблением других, и лучшим способом получить хлеб для народа казалась ему «резня кулаков». В 1921 году никакая резня помочь не могла: запасов у крестьян не осталось. Был конфискован даже семенной хлеб. «Правильный расчет крестьянина этих местностей (Поволжья), подверженных столь ужасным засухам, — иметь хлеб на прокорм и засев не менее как на два, а то и на три года, — нарушен беспощадным нашим временем», — меланхолически отмечал Бонч-Бруевич. Вину за голод он, как и все другие руководители государства, сваливал на засуху. «В 1891 г. Владимир Ильич утверждал только одно... правительство — единственный виновник голода и „версоссийского разорения“». В 1921 году голод был результатом гражданской войны. На IX съезде партии Троцкий коротко подытожил итоги войны: «Мы разорили страну, чтобы разбить белых». Главной, однако, причиной голода была политика продрозверстки, политика немедленного прыжка в коммунизм.

Отсутствие резервов, голод и в годах (в отличие от 1891 года), разрушенный транспорт, крестьянские восстания, недовольство рабочих создавали критическое положение. Непосредственную помощь могли оказать капиталистические страны, по существу только США, ибо истощенная войной Западная Европа была едва в состоянии прокормить себя. Но советское правительство не решалось обратиться за помощью к капиталистам, опасаясь получить решительный отказ. Отказ капиталистических стран помочь государству, которое открыто ставило своей целью мировую революцию, казался Ленину в первой половине 1921 года поведением как нельзя более естественным. Безвыходное положение вынуждает Ленина, после долгих колебаний, согласиться на создание общественного Всероссийского комитета помощи голодающим. 21 июля 1921 года М. Калинин подписывает декрет ВЦИК о создании Комитета. В него входят виднейшие представители русской науки, литературы, культуры, дореволюционные

общественные и политические деятели. Многие из них долго колебались, прежде чем пойти на сотрудничество с советской властью. Желание помочь умирающим с голоду побороло сомнения.

Ленин точно определяет границы неповторившегося более никогда равноправного сотрудничества советской власти и интеллигенции: «Директива сегодня в Политбюро строго обезвредить Кускову. Вы в «ячейке коммунистов» не зевайте, блюдите строго (подчеркнуто Лениным). От Кусковой возьмите имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и таким) сочувствует. Больше ни-че-го».

Екатерина Кускова, публицистка, общественная деятельница, придерживавшаяся социал-демократических, а потом либеральных взглядов, была одним из инициаторов создания Комитета. Она объясняла Каменеву: «Помочь может только за граница. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим». Необходима была гарантия. Такую гарантию дает Всероссийский комитет помощи голодающим. М. Горький, член Комитета, обращается к мировой общественности за помощью. Обращается Комитет.

Главная забота Ленина в этот период — обеспечить продовольствие рабочим центра, прежде всего Москве и Петрограду. Ежедневно рассылает он телеграммы на юг и на восток, требуя хлеба. «Ввиду крайне тяжелого положения центра полагаю, — телеграфирует Ленин председателю Совнаркома Украины Раковскому, — три четверти взять сюда, четверть оставить городам и рабочим Украины... Помните, что у нас продкризис отчаянный и опасный». От Сибревкома он требует: в течение мая отправить в центр три миллиона пудов хлеба. Телеграмма в Туркестан: «В порядке боевой срочности, имеющей политическое значение, немедленно погрузить маршруты и отправить в Москву... 250 тысяч пудов хлеба». Уроки Февраля были еще свежи в памяти. Для предотвращения голодных бунтов в рабочих центрах хлеб конфискуется всюду, где это только возможно. Заключается «похабный» мир с интеллигенцией. Ленин ждет ре-

зультатов новой экономической политики. Прежде, однако, чем эти результаты дали о себе знать, на помощь приходят империалисты.

21 августа 1921 года представитель советского правительства М. Литвинов подписывает в Риге соглашение с представителем филантропической Американской организации помощи (АРА), возглавляемой Гербертом Гувером. Узнав о подписании соглашения, член Комитета помощи голодающим Н. Кутлер резюмировал: «Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35% населения голодающих районов, а не все 50 или 70...» Кутлер был прав лишь частично: действительно помощь из-за границы помогла спасти миллионы людей, но члены Комитета «по домам» не разошлись. Они были арестованы сразу же после заключения соглашения с АРА, сразу же как миновала в них потребность.

31 августа «Правда» сообщала об экстренном заседании пленума Моссовета, на котором председатель Каменев «с удовлетворением констатировал заключение договора между советским правительством и организацией Гувера. Этот договор имеет уже реальные последствия». Л. Каменев сообщал о прибытии «уже сегодня» в Петроград первого парохода с продовольствием для детей, а затем о дальнейших регулярных поставках продовольствия.

Итоги деятельности АРА и других организаций, помогавших голодающим, подвел А. Эйдук, старый чекист, представлявший советское правительство при АРА. В мае 1922 года АРА кормила 6 099 574 человек, американское общество квакеров — 265 тысяч, Международный союз помощи детям — 259751 человека, Нансеновский комитет — 138 тысяч, шведский Красный крест — 87 тысяч, германский Красный крест — 7 тысяч, английские профсоюзы — 92 тысячи, Международная рабочая помощь — 78011 человек. Статья «АРА» в Большой Советской Энциклопедии (1926) дает дополнительные сведения: АРА работала в РСФСР в голодные годы с 1.10.1921 по 1.06.1923 г. В период максимального развития своей деятельности она кормила приблизительно 10 миллионов человек. За время своей

деятельности израсходовала около 137 миллионов золотых рублей. Советское правительство израсходовало на обслуживание АРА приблизительно 15 миллионов золотых рублей. Малая Советская Энциклопедия (1930) меняет тон: «под видом благотворительности» АРА «имела возможность содействовать ослаблению в Америке кризиса сбыта товаров». В 1950 году Большая Советская Энциклопедия (второе издание) информирует: «Предоставленную ей возможность создания своего аппарата в Советской России АРА использовала для шпионско-подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Контрреволюционные действия АРА вызвали решительный протест широких масс трудящихся». Энциклопедия не объясняет, почему АРА появилась в Советской России, и не сообщает, что она там кроме «шпионско-подрывной деятельности» делала. Очередное издание БСЭ (1970) признает, что АРА «оказала определенную помощь в борьбе с голодом», но «в то же время правящие круги США пытались использовать ее для поддержки контрреволюционных элементов и шпионско-подрывной деятельности, для борьбы с революционным движением и укреплением позиции американского империализма в европейских странах».

По данным Центрального статистического управления, в результате голода 1921—1922 годов страна потеряла 5 053 000 человек. Потери от голода следует прибавить к потерям гражданской войны. В 1918—1920 годах страна потеряла 10 180 000 человек. Следовательно, за период гражданской войны 1918—1922 гг. потери составили более 15 миллионов человек. Это примерно 10% населения. Советский демограф Б. Ц. Урланис подсчитал, что потери в гражданских войнах в отношении к численности населения составили: в Испании 1936—1939 годов — 1,8%, в США (война Севера с Югом) — 1,6%. Эти цифры позволяют понять чудовищность гражданской войны. Сюда следует добавить около 2 миллионов человек, погибших на фронтах первой мировой войны, и не менее миллиона эмигрантов, чтобы составить представление о потерях страны в 1914—1922 годах.

Голод был великим испытанием молодой советской власти. Она продемонстрировала все свои особенности: жестокость, мстительность, устойчивость. Ленин готов был жертвовать значительной частью крестьянства, лишь бы прокормить рабочие центры. М. Горький, вынужденный под давлением Ленина покинуть Советскую Республику, выразил свое отношение к крестьянству в интервью зарубежным журналистам. Точка зрения Горького в этом отношении несомненно отражала взгляды Ленина и других большевиков. «Я полагаю, — заявил Горький в Берлине, — что из 35 миллионов голодных большинство умрет». Великий гуманист смотрел на будущее оптимистически: «...вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей». Мечта, во всяком случае первая ее половина, осуществилась десять лет спустя. Те, кто помешал ее немедленной реализации, прежде всего деятели Всероссийского комитета помощи голодающим, заплатили за это арестами, ссылкой, многие из них в 1922 году были изгнаны из Советской Республики. В истории Комитета, в истории отношения к АРА выработалась модель поведения советской власти по отношению к тем, кто приходил ей на помощь, стремясь при этом сохранить некоторую самостоятельность: 1) уступки, если нет иного выхода, 2) отказ от уступок, едва необходимость миновала, 3) месть.

Голод засвидетельствовал устойчивость новой власти. Эта устойчивость определялась наличием партии, сплоченной сознанием изолированности в стране, сознанием своей элитарности и чувством абсолютного всемогущества. Если партия была скелетом государственной машины, то ее мускулами были чрезвычайные комиссии. Партия давала Идею: все дозволено, ибо мы работаем на историю; ЧК давала руки, практически осуществлявшие вседозволенность. Максим Горький, категорически заявивший: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа», и назвавший «ложью и клеветой» обвинения в «зверстве» воз-

дей революции, выражал непонимание многими современниками революции характера рождавшейся системы, в которой карательные органы играют жизненно важную роль. Их вседесушность и всемогущество создавали в обществе парализующую атмосферу страха. Наряду со страхом важнейшим элементом устойчивости советской власти был соблазн надеждой. Новая экономическая политика обещала улучшение положения. С этого времени и впредь советские граждане — в самые страшные годы своей истории — будут считать, что поскольку хуже быть не может, следует надеяться, что будет лучше.

Обескровленному войнами, умирающему от голода народу оставалось надеяться на будущее. Или — на «индейского царя». «А индейский-то царь наших накормит?» — спрашивала Танька Ваньку. — «Знамо накормит, ежели наши в его веру перейдут». — «А наши перейдут?» — «Знамо перейдут. Потому им: либо с голоду дохни, либо переходи...» («Правда», 5.08.1921).

«Индейский царь» был далеко. «Кремлевский» — рядом. И требовал он в это время примирения с его существованием. Еще не требовалось даже «переходить в его веру», нужно было подчиниться ему.

Л. Красин, приглашенный Ллойд-Джорджем в Лондон для ведения переговоров о нормализации советско-британских отношений, дает журналу «Обсервер» интервью, озаглавленное «Как голод помогает советской власти». Отношение Запада к голодающей России как бы открыло Ленину глаза: он увидел, что капиталистический мир не понимает целей революции, не видит ее опасности.

Снятие союзниками в январе 1920 года блокады означало прекращение с их стороны войны с Советской Россией. За этим актом последовало заключение мирных договоров с соседними странами: Эстонией, Литвой, Латвией. Прибывший в Лондон Красин начал в мае 1920 года переговоры о заключении торгового договора. В июле советское правительство приняло три английских условия — прекращение враждебных действий и враждебной пропаганды, возвращение военно-

пленных, признание, в принципе, долгов частным лицам. В разгар советско-польской войны договор был подписан. Л. Б. Красин рассказывал, вернувшись на родину, коммунистам Петрограда о том, как он давил на правительство Великобритании: «Мы всеми силами стремились заинтересовать английский деловой мир. Когда уклонялось добросовестное купечество, мы обращались к полуспекулятивным элементам. С пущем заводом Армстронга мы заключили соглашение о ремонте 1500 паровозов. Армстронг подвигивал своих рабочих, те давили на Ллойд-Джорджа, указывая, что русские заказы сокращают число безработных. Английская буржуазия испугалась конкуренции Германии, и договор был заключен». Красин сообщил далее о предстоящем подписании договора с Норвегией, с Италией. Швеция к этому времени — первой — согласилась принять советское золото. «В настоящее время, — продолжал нарком внешней торговли, — мы очень недалеки от большого денежного займа, и этот большой заем даст нам не кто иной, как Франция». Когда летом 1921 года Ленина предупреждали противники его резкого курса по отношению к Комитету помощи голодающим, аресту его членов, считая, что это может отразиться на отношениях с Францией, бывшей в годы гражданской войны опорой белого движения, он, уже уверенный в себе, отвечал: «Наша политика не сорвет сношений /торговых/ с Францией, а ускорит их... Пути к торговым переговорам с Францией есть». Соглашение с АРА окончательно убеждает Ленина в возможности установить нормальные торговые и дипломатические отношения с капиталистическим миром, используя при этом корыстные интересы промышленников и торговцев. Главное же, советские политические деятели убеждаются, что возможно установить нормальные отношения с капиталистическим миром, не отказываясь от второй внешнеполитической линии — разжигания мировой революции. Закладываются основы двухэтажной внешней политики.

(Продолжение следует)

КАК НЕ СЛЕДУЕТ «ЗАЩИЩАТЬ» В. И. ЛЕНИНА

Под флагом защиты В. И. Ленина от клеветы некоторые авторы по-прежнему стремятся отрицать или искажать очевидные факты, например: личную причастность Ленина к окончательному разгону и запрету партий меньшевиков и эсеров в начале 20-х годов, к выдвиганию в их адрес ультимативных требований, угроз, вплоть до применения смертной казни. Характерной в этом отношении является обширная публикация Н. Морозовой и В. Шлеева под названием «Вариации на пулеметную тему» в номере «Правды» за 11 августа 1990 г. Заявив о том, что среди молодежи распространяется точка зрения, будто бы Ленин грозил меньшевикам и эсерам пулеметами, что источником подобной точки зрения являются «нынешние литераторы», авторы статьи избрали объектом критики очерк Ю. Гуреева «Размышления о Ленине и ленинизме», опубликованный в журнале «Даугава» (1990, № 5). «О таком вот патологическом пристрастии Владимира Ильича — палить из пулемета по всем несогласным — поведал нам, — пишут Н. Морозова и В. Шлеев, — например, Юрий Гуреев («Даугава» № 5). Еле сдерживая свои гроздыя гнева, он рассказывает, что на XI съезде партии Ленин живописал, «как большевики будут расправляться с меньшевиками и эсерами»».

Обрушившись на Гуреева с критикой, авторы статьи обвиняют его в искажении ленинских позиций путем использования «проверенного средства — передегеривания цитат»: «По сути вся его статья — это букет пе-

редегериваний. . . Нас особенно умилил, — продолжают авторы статьи, — этот цирковой номер с пулеметами. Как-то уж очень наглядно, прямо-таки художественно все рассказано: так и видится мрачная, демоническая фигура вождя, то ли уже стреляющего, то ли еще только размахивающего пулеметом. . . И что за дело, если в ленинском томе картина совсем иная. Кто сегодня раскрывает ленинские тома? Куда интереснее читать страшные сказки».

Классический пример, прямо-таки захватский пример передегеривания ленинских цитат и мыслей действительно продемонстрирован, но только не Ю. Гуреевым, а публицистами «Правды». Прodelано это ими походя, весело, с легкостью необыкновенной, с уверенностью, что никто не заглянет в том ленинских Сочинений, никто не разберется в том, что одни меры воздействия Ленин предлагал для борьбы с оппозицией внутри партии, другие — для политических противников.

В докладе и завершающем слове Ленина на XI съезде (март—апрель 1922 г.) одно из центральных положений — борьба с эсерами, меньшевиками и их сторонниками в лице социалистических партий европейских стран по проблеме «отступления» к нэпу, к которому вынуждены были перейти после забеганий и форсирования военного коммунизма. Еще один объект критики по тому же вопросу — оппозиция внутри РКП(б), в частности А. Г. Шляпников.

Скажем, что не со всеми суждения-

ми Ю. Гуреева можно согласиться. По поводу же ленинских угроз в адрес меньшевиков и эсеров Ю. Гуреев не погрешил. Содержание ленинских высказываний именно таково.

Откроем 45-й том Сочинений (с. 88—90): «Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!». И правильно». Назвав далее видного социал-демократа Отто Бауэра (как и Карла Каутского) «жалким мещанином», Ленин отождествил с ними меньшевиков и эсеров в оценке «отступления», заявив, что они не должны удивляться, «когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать», еще раз пригрозил, что «за публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое». И еще раз, обращаясь к меньшевикам и эсерам: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо если желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении. . . то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины».

В создании паники при отступлении Ленин обвинил и существовавшую внутри партии «рабочую оппозицию», как бы поставив ее на одну плоскость с противостоящими большевикам социалистическими партиями. В связи с этим А. Г. Шляпников потребовал от Ленина объяснений. В ту эпоху полемика внутри партии еще была возможна, определенный иронический тон еще был позволен и Шляпникову: «Вчера тут же Владимир Ильич сказал, что мы распространяем панику и что с паникерами нужно бороться пулеметным огнем. . . Но будем относиться серьезно к своим словам. . . Я думаю, что лучше, если мы пулеметами друг

с другом говорить не будем» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М.: 1961, с. 102).

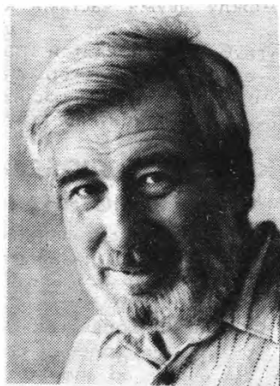
Приведем ответ Ленина Шляпникову. Тот самый, в передергивании которого Н. Морозова и В. Шлеев обвинили Ю. Гуреева. Обвинили, но привести искомую цитату не осмелились, сославшись на то, что «цитата длинная», хотя для критики статьи в «Даугаве» места не пожалели. Вот часть этой цитаты (т. 45, с. 120): «Бедный Шляпников! Ленин собирався на него пулеметы выставить. Речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах. О пулеметах речь идет для людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эсерами. . .»

Граждане Н. Морозова и В. Шлеев, так угрожал В. И. Ленин меньшевикам и эсерам пулеметами за публичное высказывание их взглядов или не угрожал? Прав был Ю. Гуреев в своем анализе ленинской позиции или фальсифицировал ее?

Конечно же, слова Ленина относительно применения их анакомыслящим эсерам и меньшевикам пулеметов не следует воспринимать как установку для немедленной и повальной реализации. Но они не являлись и пустой угрозой. Ясно, что В. И. Ленин не склонен был на XI съезде бросать слова на ветер, шутить попусту на этот счет. Речь шла о принципиальной политике РКП(б) во главе с Лениным. Там, в той эпохе, истоки многих (если не всех) наших и позитивных и негативных сторон, и проявлений идеологического, политического, хозяйственного, культурного и нравственного бытия. Отрицать, а тем более исказить и фальсифицировать источники, позиции такой сложной фигуры, как В. И. Ленин, — недопустимо. Полагаю, что в такой «защите», в «защите» подобными средствами В. И. Ленин не нуждается.

И. Ф. Плотников,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, г. Свердловск.

Александр ЖОЛКОВСКИЙ

МОРФОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ РАССКАЗА Л. ТОЛСТОГО «ПОСЛЕ БАЛА»

Александр Константинович ЖОЛКОВСКИЙ (1937, Москва) — русский филолог; лингвист, литературовед, прозаик; специалист по семантике и поэтике. Окончил Московский государственный университет. В 1960—1970 гг. возглавлял наиболее радикальное крыло русских структуралистов. Вместе с Ю. К. Щегловым разработал оригинальную теорию порождающей поэтики, опирающуюся на лингвистические идеи Н. Хомского, И. А. Мельчика и самого Жолковского. Это была модель, призванная показать, как из абстрактно формулируемой темы при помощи риторических инструментов, при этом в выразительности и синтезируется художественный текст (или, напротив, как путем анализа из текста вычленяются приемы выразительности и тем самым реконструируется абстрактная тема). Генеративная поэтика была характерной для периода «бури и натиска» «жесткой» моделью. В дальнейшем авторы перешли к более «мягким» схемам анализа, оставив созданную модель в качестве общей стратегии.

После подписания петиции в защиту инакомыслящих А. Гинзбурга и Ю. Галанскова был уволен в 1973 г. с работы. В 1979 г. эмигрировал в США. Работал в Амстердамском и Корнеллском университетах. С 1983 г. профессор славистики и сравнительного литературоведения университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). Печатается в профессиональных научных журналах и в эмигрантской периодике. Автор книг «Синтаксис Сомали: Глубинные и поверхностные структуры» (М., 1971), «Поэтика выразительности» (Вена, 1980), «Художественный мир автора и структура текста» (Париж, 1988; две последние книги написаны в соавторстве с Ю. К. Щегловым) и других. Публикуемые ниже статьи представляют собой две главы из новой книги А. К. Жолковского «Блуждающие сны: Из истории русского модернизма», подготовленной автором к печати в издательстве «Советский писатель».

Рассказ «После бала» (ПБ) был написан Толстым в 1903 г. и опубликован посмертно в 1911 г. Принятая в критике интерпретация акцентирует разоблачение николаевского строя, основанного на лицемерии и насилии¹. Стержень рассказа усматривается в контрасте между сценами на балу и после бала² — антитезе с элементами параллелизма (лицемерие есть уже на балу), но любовь героя обычно остается вне подозрений, хотя по сюжету героине и приходится отвечать

за своего жестокого отца. Подобное прочтение оставляет открытым целый ряд вопросов, вытекающих из анализа ПБ в более широком контексте. Как в рассказе о любви, которая «с этого дня пошла на убыль», отразились взгляды позднего Толстого не только на телесные наказания и официальную культуру, но и на проблемы любви и брака? Как в сюжете, развертывающемся в ночь с масленицы на Великий пост, преломилась религиозная тематика?

Ответ на эти и другие вопросы затронет два разных плана рассказа. Сначала мы попытаемся описать и интерпретировать все **явные связи** между двумя частями композиции, что подведет нас к существенному углублению принятой трактовки рассказа в свете некоторых архаических моделей, присутствующих в ПБ в виде сугубо **имплицитных структур**.

КУЛЬТУРА, ЛЮБОВЬ, ТЕЛО, ИСТИНА

Симметричное членение отражает ориентацию рассказа на топос любви и смерти, причем Толстой радикально демифологизирует традицию, подрывая миф о любви как орудии культурного преодоления смерти. В ПБ *argumentum ad mortuum* — так сказать, «доказательство от покойного» — работает диаметрально противоположным образом, нежели во всей предшествующей литературе, начиная с «Матроны из Эфеса» Петрония³ и кончая эротическим возбуждением, охватывающим пушкинских героев «при мертвом». Соответственно Толстой меняет эпизоды местами: если у Петрониуса сюжет открывается картинами смерти и аскезы, а кончается любовным экстазом, то ПБ начинается с любви, а в сильную финальную позицию выносит испытание и опровержение этой любви столкновением с грубой реальностью в виде истязаемого тела. Хотя по объему второй эпизод чуть ли не вдвое короче первого, именно он дает название рассказу, напрямую объявляется решающим⁴ и выделяется повествовательными средствами⁵. Толстой разработал, таким образом, собственную композиционную формулу, сопоставляющую состояния героя до и после лицезрения тела⁶. Последуем этому порядку.

1. ДО

На балу герой-рассказчик, Иван Васильевич, средний молодой аристократ 40-х годов⁷, танцует с Варенькой, и описание нарастающего увлечения изобилует упоминаниями о «законах» бала. «По закону . . . мазурку я танцевал не с нею», ибо соперник «пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал . . . за перчатками и опоздал».

Другая условность касается выбора партнера путем угадывания условленного «качества». Сувенирами «культурной» любви героев становятся атрибуты бального этикета: «. . . (она) оторвала перышко от веера и дала мне . . . Я спрятал перышко в перчатку . . . когда я приехал домой . . . у меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка».

«Законнические» коннотации мотива перчаток⁸ развиты далее в сцене танца Вареньки с отцом: он «вынул шпагу из портупеи, отдал ее . . . и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо все по закону», — улыбаясь, сказал он».

«Культурная» символика провинциального бала идет и дальше, захватывая самые высокие сферы.

Хозяйка, губернская предводительница, напоминает портреты императрицы Елизаветы Петровны, а отец героини — «с белыми и la Nicolas I подвитыми усами . . . николаевской выправки» — похож на здравствующего императора. Осанке полковника вторит высокий рост его «величественной» дочери: «царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая . . . улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз . . .»⁹

Это «если бы не» очень знаменательно. Культурная атмосфера бала подчеркнута «благодарна». Все восхищаются Варенькой и ее отцом и любят молодую четой. Все веселятся и сияют. Лейтмотивной «императорской» чертой хозяйки являются ее открытые плечи и грудь, связывающие ее с царицей, знаменитой своими балами и любовными похождениями. Герой и Варенька в основном танцуют друг с другом, но и в остальных случаях она улыбается только ему. Даже «законы» бала иной раз отступают перед влюбленными: «Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения . . .»; протанцевав с Варенькой, отец подводит ее к герою, хотя «я сказал, что не я ее кавалер».

Любовь, соединяющая героев в «культурных» объятиях благосклонного общества, разрастается и постепенно охватывает «весь мир».

Прежде всего, любовное умиление Варенькой переносится на ее отца, связанного с ней как по сходству — во внешности и особенно в улыбке («та

же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах», так и по смежности — совместным танцем¹⁰.

Затем доброе чувство распространяется на остальных гостей, в том числе на соперника: «Я любил и хозяйку... с ее елизаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова». «Я обнимал в то время весь мир моей любовью... и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло»¹¹.

В чрезмерной переоценке героем его любви к героине кроется его трагическая вина, еще одним аспектом которой является «неземная идеальность» его чувств: «Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то нежное неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро».

Его страсть совершенно «бестелесна»¹²: «Я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела. — Ну, как же... я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, — сказал один из гостей... — Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она... Вы раздеваете женщин... для меня же... на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу».

«Бронзовые одежды» символизировать не только платонизм героя, но и полное и добровольное принятие им светских условностей, служа метафорическим обобщением всех тех лайковых и замшевых перчаток (героя, Вареньки, полковника), атласных башмачков (Вареньки) и трогательно дешевых опойковых сапог (полковника)¹³, которым в ПБ уделено столько внимания. Согласно Толстому назначение этих предметов одежды (читай — культуры) в том и состоит, чтобы скрывать от Человека грубую, голую, свободную от условностей Истину.

2. ПОСЛЕ

Занесаясь в своей «культурной» любви слишком высоко, герой справедливо «боялся... чтобы что-нибудь не испортило моего счастья». Меха-

низм чрезмерного нарастания любви¹⁴ не дает ему заснуть, гонит на улицу и приводит к дому Вареньки и ее отца — на роковой плац. Сцена экзекуции, заставляющая героя разлюбить героиню и духовно переродиться (оставив мысли о военной и иной официальной карьере)¹⁵, образует почти точный негатив бального эпизода¹⁶.

Прогон сквозь строй, как и бал, представляет собой массовое, «культурное», «законническое» мероприятие (наказание за побег) под соответствующую музыку. Контрапункт двух музыкальных аккомпанементов подчеркнут в рассказе: подхода к плацу, герой «услыхал... звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка».

Сходство эпизодов усилено аналогичной позицией наблюдателя (и его рассказом в 1-м лице) и присутствием полковника, с его знакомой внешностью и «рук(ой) в замшевой перчатке», которой он теперь бьет по лицу солдата за неточное исполнение «закона» экзекуции.

Еще одна композиционная рифма состоит в сосредоточении внимания (рассказчика и всех собравшихся) на полковнике и его партнере по «танцу»: на балу это Варенька, на плацу — истязаемый татарин, которого полковник тоже как бы подводит к герою в ходе общего *danse macabre*, исполняемого полковником, татаринком и конвоирами.

Но сходства оборачиваются контрастами. Музыка оказывается «нехорошей»; отклонения от буквы «закона» сурово наказываются (в случае как беглого татарина, так и мажущего экзекутора); выправка и перчатки полковника предстают как символы его высокомерной жестокости; его румяное лицо больше не улыбается, а увидев героя, он «делает вид, что не знает» его.

Метаморфозу претерпевает и мотив «(бес)телесности». Если тело прекрасной Вареньки оставалось скрытым и даже намеренно игнорировалось героем, то жуткое тело истязаемого с самого начала предстает (полу)обнаженным: «что-то страшное, приближающееся ко мне... оголенный по пояс человек». Это дергающееся тело приковывает внима-

ние рассказчика, который одновременно узнает в офицере отца Вареньки. Узнавание наступает вопреки характерному для героя (нацеленного на все бестелесное и прикрытое одеждой) «нежеланию видеть», чем мотивируется типично толстовский эффект остранения: «... я ... увидел... спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека».

В довершение происходящего в горе переворота ему дается «почувствовать» не только тело другого человека, но и свое собственное: в отличие от блаженного состояния по возвращении с бала теперь «всю дорогу (домой)... на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска... казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом...»

Так столкновение лицом к лицу с «голым фактом» жестокости полковника и жестокости вообще, символом которой становится истязаемое обнаженное тело татарина, приводит к крушению бестелесной, условной, светской любви, обнаружившей свою неспособность обнять действительно «весь мир», включая его теневые стороны. Выводы рассказчика далеки от морального максимализма («Что же, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть»). Он ограничивается личным выбором, допуская, что полковник знает что-то такое, что оправдывает жестокость¹⁷.

Духовное прозрение героя отмечено характерными толстовскими чертами, существенно связанными с проблематикой «тела». Бал происходит «в последний день масленицы»; соответственно порка совершается в первый день Великого поста. Приороченность событий к языческо-христианскому календарю сама по себе уже свидетельствует о важности культурных аспектов рассказа¹⁸. Для Толстого масленичный бал является манифестацией не карнавальнoй стихии (в смысле Бахтина), а, напротив, фальшивого веселья и в случае «бестелесного» героя — игнорирования плоти¹⁹. И наоборот, откровение об истине, явленной во плоти наказываемого солдата, приходится на время поста, то есть умерщвления плоти, а в широком смысле — время стра-

стей Господних, так что телесное начало носит опять-таки не карнавальнoй, а аскетически христианский характер.

Этим христианские мотивы эпизода не ограничиваются. Истязаемый все время повторял какие-то слова, которые герой разобрал, лишь когда процессия подошла ближе: «Братцы, помилосердуйте»²⁰. В этот момент спутник героя, кузнец²¹, проговорил: «О, Господи». И именно за «милосердное битье» набросился полковник с кулаками на мазавшего солдата²².

Тем самым в сцене, варьирующей Голгофу, полковник демонстрирует свои императорские — кесареви и николаевские — установки, противопоставленные божескому телу жертвы и состраданию, проявляемому героем, кузнецом и слабосильным солдатом. А поскольку татарин в этой конфигурации выступает своего рода заместителем Вареньки, то сцена в целом символизирует вытеснение светской любви любовью к страдающему телу Христову²³.

Упор, делаемый Толстым на «естественной, антикультурной обнаженности» истязаемого тела, разумеется, и сам не находится по ту сторону знаковости²⁴. Физически обнаженное, семиотически это тело обложено в культурные одежды христианского мифа. Подобно Пьеру Безухову и герою ПБ, Толстому суждено было разрывать «бронзовые одежды» одной культурной конвенции за другой, чтобы принимать чередующую расписную матрешку за безусловную и окончательную истину.

Такое замыкание сюжета, вполне в духе позднего Толстого²⁵, тонко (и, возможно, с некоторой иронией) подхватывает мотив наивного «идеализма» героя — его платонизм, неземную доброту и любовь ко всему миру (в том числе к его «врагу» — инженеру Анисимову). Этот идеализм, подорванный, казалось бы, ходом событий, придает психологическую достоверность финальному обращению героя²⁶. Толстой как бы говорит, что неземная доброта и любовь, эксплуатируемые языческо-фарисейской официальной культурой, вовсе не бессмысленны и находят естественное место в рамках подлинного христианства.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ «ПОСЛЕ БАЛА»

Проведенным анализом броской двухчастной композиции ПБ и вытекающей из него интерпретацией можно было бы удовлетвориться, если бы не оставшееся ими ощущение черно-белой плакатности, тогда как в этом маленьком шедевре о любви и смерти интуитивно чувствуется более глубокая архетипическая подоплека²⁷. Неужели вся изощренная сюжетная рифмовка имеет целью чисто техническое взаимоналожение эпизодов «войны» и «мира»? Любовь и насилие — естественная пара, но почему они соотношены здесь столь косвенным, риторическим образом? Если тело татарина замещает и обнажает перед героем Варенькино, то такое разрешение любовного (и сюжетного) напряжения по меньшей мере странно и наталкивает на размышления во фрейдистском или ином архетипическом духе. (И обратно, если насилие над татаринцом спроецировать на эпизод бала, то в какие отношения это ставит полковника к дочери?)

Поучительную параллель к ПБ образует «Святочная ночь» (см. Прим. 8...). Там за бальной сценой влюбленности в молодую графиню следует поездка к цыганам, а затем в публичный дом, где герой теряет невинность с проституткой, как две капли воды похожей на графиню. «[Alexandre]... был поражен не столько красотой этой женщины... сколько необыкновенным сходством ее с Графиней. Те же глаза, та же улыбка, только выражение ее было неровное, то слишком робкое, то слишком дерзкое...» набросок кончается резонерским рассуждением о том, что герой и состоящая в бессмысленном светском браке героиня «погибли (для) любви... Лучше им век раскаиваться, чем... преступной любовью заменить ту, которую они вкусили хоть на одно мгновение» (Толстой 3: 265).

Сюжетная схема рассказа напоминает ПБ, с той разницей, что посвящение юного героя в таинства плоти проходит целиком в одном и том же плане — любовная завязка разрешается эротической развязкой.

Слово «посвящение» здесь вполне уместно²⁸, и оно применимо также

к ПБ, с его акцентом на познании «чего-то такого», что «они знали», а «я не знал», освоением/осуждением культурных стереотипов, вниманием к культовым праздникам и остранным подачей ритуала экзекции. Атмосфере сказочной нереальности и приобщения к обрядовым таинствам способствуют в ПБ также мотивы опьянения любовью и фигура кузнеца, служащего герою проводником по незнакомому месту.

Приняв аналогию со сказкой всерьез, попробуем в ее свете и с соответствующими фольклористическими источниками (и в первую очередь, классической книгой Проппа [1946]) в руках прочесть ПБ заново, — чтобы перейти, так сказать, от «морфологии» рассказа к его «историческим корням»²⁹.

1. ПБ КАК ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Сходство полковника с Николаем I и подчеркнутая «величественность» и «царственность» Вареньки задают классическую сказочную ситуацию царя и царской дочери на выданье³⁰. Претендентом на ее руку выступает герой по имени Иван (Васильевич), причем из двух типов сказочного героя — Ивана-царевича и Иванушки-дурачка³¹ — он ближе ко второму. Прежде чем исчезнуть, героиня оставляет ему свою перчатку и перо, в сказочных терминах перо жар-птицы³². Оно не дает ему ни сна, ни покоя, и он отправляется на поиски царевны.

Для этого герою предстоит получить волшебное средство или помощника и перенестись в иное царство. Подобный перенос часто совершается в сказках путем полета, причем иногда с превращением в птицу; наш герой, вдобавок к обладанию пером, чувствует себя «неземным существом». В некоторых сказках и более поздних сюжетах с мифологической основой перенос может происходить во сне³³, чему в ПБ соответствует ночное время и состояние зачарованности и бессонницы. Распространенный способ переноса — зашивание в шкуру животного (соответствующее мотиву проглатывания змеем и обрядам погребения)³⁴, ср. мотив перчаток, объединяющий героя с героиней и ее отцом. Переpravке на тот свет обычно способствует помощник (он

же иногда — даритель), знающий дорогу и способный на дальнейшие услуги, в частности лесное существо по имени «медный лоб»³⁵, промежуточное между жар-птицей и кузнецом, а нередко и просто кузнец, как в ПБ.

Тридцатое царство представляет потусторонний мир и в то же время владения племени невесты. Это открытое пространство³⁶, среди которого располагается дворец царя, ср. плац около дома полковника. Оно также соотнесено с солнечным мифом³⁷, что может проявляться в сиянии глаз (таковы Варенька и ее отец) и в дневном освещении (во время экзекции «уже было светло»). Подвиги героя часто совершаются при магических звуках флейт и барабанов; то же в ПБ.

В тридцатом царстве герою предстоит жениться на царской дочери, и его действия, являющиеся отражением свадебных обрядов, направлены на завоевание невесты. Герой должен пройти испытания, задаваемые царем или царевной, причем существуют царевны двух типов — действующие заодно с героем и такие, которые держат сторону своего отца и стараются погубить героя. В ПБ в скрытой форме имеет место второй случай, когда невеста оказывается богатырь-девицей, с которой герою приходится вступить в состязание, а то и в прямой поединок³⁸.

Что же делает Вареньку царевной типа amazonки?

Прежде всего, ее внешность — сходство с отцом-воином, высокий рост, худоба, вплоть до костлявости и острых локтей³⁹. Ее «отпугивающая» величественность перекликается с «отпугиванием» героя богатырь-девицей⁴⁰, а еще одним роковым атрибутом Вареньки является белизна ее платья, перчаток и башмачков — цвет смерти⁴¹. Далее, перышко соотносит Вареньку с жар-птицей, то есть невестой-вредителем. Наконец, на Вареньке, по крайней мере в глазах героя, были «бронзовые одежды», прекрасно идущие деве-воительнице. С «бронзовым» мотивом согласуется и облик кузнеца, которого фольклор наделяет разнообразными магическими способностями⁴². Для ПБ особенно существенны связи кузнеца со свадебными обычаями, «где славится кузнец, которого просят сковать ве-

нец, перстень, булаву для свадьбы и самое свадьбу», а также с сакральными, жреческо-шаманскими функциями (выковыванием языка и голоса)⁴³.

Герой должен пройти до- и после-свадебные испытания⁴⁴, в которых для него характерна пассивность — за него действуют магические помощники⁴⁵; в ПБ это кузнец и экзекуторы, оставляющие герою лишь эмоциональную реакцию на происходящее. Досвадебные испытания включают клеймение героя невестой или иные формы смешения крови вступающих в брак представителей двух разных родов, а также различные трудные задачи, часто представляющие собой вторичную инициацию⁴⁶. Одна из них — задача на способность становиться невидимым (связанная с приобретением героем свойств представителя мертвого царства)⁴⁷; ср. кульминационное неузнавание героя полковником.

С другой стороны, герой должен проявить способность к опознанию невесты под любыми личинами: она может быть превращена в животное (например, лягушку или птицу) или облечена в его шкуру (например, в ослиную шкуру или свиной кожушок⁴⁸); ср. тж. характерные для свадебных обрядов мотивы ряжения и «мнимых невест», от которых надо отличить настоящую⁴⁹. Здесь возможны параллели с мотивом перчаток и проч. вплоть до бронзовых одежд в ПБ, а также с подменой Вареньки татаринком⁵⁰.

Послесвадебное испытание⁵¹ — это двойная проверка способностей героя к сексуальному и социальному укрощению невесты. Он должен преодолеть физическое сопротивление женщины (например, попытки задуть его), символизирующее вызов его мужской силе, в частности преодолеть страх *vagina dentata*. Символическая дефлорация производится не героем, а его помощником, обычно путем истязания царевны тремя сортами прутьев; ср. в ПБ истязание татарина — двойника героини, вплоть до приказа «подать свежих шпицрутенгов».

Социальный аспект укрощения невесты состоит в том, что герой, вступающий в ее род, утверждает свою власть над ней, чем предвещается его воцарение на месте отца невесты,

часто сопровождающееся умерщвлением последнего.

Мотивы свадебного насилия⁵² близки к фольклорным мотивам битвы. Согласно Левинтону (1975а: 85) в одном из вариантов германского мифа о Сигурде/Зигфриде (и в параллельном русском сюжете о женьтибе Святогора) первая встреча героев включает рассечение груди невесты мечом. «Удар мечом является эвфемизмом овладения... дефлорации... субституирует брак». В «Саре о Волсунгах» Сигурд «встречает в лесу стуну из щитов (ср. дом с оградой в лесу в русской сказке) и видит за оградой человека в полном вооружении. Сняв с него шлем, Сигурд обнаруживает, что перед ним — женщина. «Она была в броне, а броня сидела так плотно, точно приросла к телу. И вспорол он броню от шейного отверстия книзу...» Разбудив женщину, «Сигурд сказал ей, что слишком долго она спала...» (там же: 84). Ср. в ПБ: военный строй, бронзовые одежды и — метафорически — их насильственное рассечение при истязании татарина⁵³.

Описание обращения с невестой в свадебном обряде может напоминать и иные приемы фольклорного боя, например «былинное разрывание [противника] на-полы... Такое разрывание пополам вполне естественно, если учесть известный сказочный мотив: помощник разрезает невесту героя пополам, очищает ее внутренность от «гадов» и снова составляет и оживляет ее»⁵⁴.

Что касается взаимоотношений невесты с царем, то они могут находиться на грани инцеста. В некоторых сюжетах встречается отец (или брат), пытающийся жениться на дочери, т. н. lecherous father⁵⁵. Часто отец царевны выступает соперником героя в испытаниях. В других случаях именно он или родственник ему тотемный предок невесты берет на себя дефлорацию (ср. право первой ночи). Эта фигура предка принимает в сказках облик колдуна, змея, Кошеля, с которым первоначально сожигательствует царевна, и который убивается в ходе испытаний⁵⁶.

Один из вариантов инцестуального сожительства царевны с тотемным предком представлен в сюжете «распаянанных туфель» (No. 306): Девуш-

ка исчезает по ночам, а возвращается в разбитых от танцев туфлях; герой выслеживает ее, убивает змея, к которому она ходит, и получает ее в жены. Параллели в ПБ очевидны, подчеркнем лишь малозаметное обещание кадрили после ужина, «если меня не увезут»⁵⁷.

Как отмечал сам Пропп и его последователи, не следует преувеличивать различия между конфронтациями героя с вредителем, царевной и царем тридцатого царства и предшествующими им испытаниями инициационного типа, связанными с приобретением волшебных средств; они могут так или иначе комбинироваться, накладываться друг на друга, обмениваться мотивами и атрибутами и т. д.⁵⁸ Тем более это относится к литературным текстам и, в частности, к ПБ, бинарная композиция которого не соотносится напрямую с последовательностью стандартного сказочного архисюжета. Некоторые из инициационных мотивов ПБ уже упоминались; назовем еще ряд таких элементов.

Процесс инициации⁵⁹, происходящий во владениях Бабы Яги костянойноги (ср. костлявость героини) и дающий герою право на вступление в брак, состоит в овладении тайным знанием — посвящением в мифы и обычаи племени (ср. настоятельные попытки героя узнать то, что знает полковник и подобные ему). Такое узнавание обычно совершается при звуках магической музыки, часто флейт; содержит в качестве одного из испытаний запрет сна (ср. бессоницу в ПБ); включает отравление и сопровождается временным безумием (ср. тошноту и опьянение героя в ходе попыток осмыслить порку). Испытуемые подвергаются мучениям и переживают состояния временной смерти (ср. героя и истязаемого солдата в ПБ).⁶⁰ Одно из орудий ритуального умерщвления — «рубашка на смерть»⁶¹, ср. рубашку Левина, чуть не срывающую венчание и в более широком смысле являющуюся аналогом перчаток в ПБ. После возвращения в обыденную жизнь посвященный мог забывать свое имя, не узнавать родителей и т. п.⁶² Посвящение производится дарителем, представляющим в сказке отцов и колдунов племени, чему в ПБ соответствует последовательная пассивность героя

в обоих эпизодах, где действует отец Вареньки⁶³.

Параллели между ПБ и волшебной сказкой, аккумулировавшей реликты древних обрядов и мифов, отнюдь не прочтываются однозначно. Для их интерпретации необходимо проанализировать сложные сплетения выявленных архаических ролей в свете структуры данного рассказа и аналогий с другими произведениями Толстого, особенно позднего.

2. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО

Архетипическое прочтение зависит от того, как трактовать роли его участников.

При свадебной интерпретации получают полное разъяснение вопросы о связи двух частей рассказа и о разрешении любовного импульса первой части во второй. ПБ предстает как скрытое, но интенсивное воплощение страха перед чувственным телом, дефлорацией, *vagina dentata*.

Осуждение пола, даже в браке, было характерно для позднего Толстого, ср. мнения героя «Крейцеровой сонаты» о браке как институализованном разврате, об идеальном и свином началах в любви, о необходимости воздержания от секса в браке и вообще о желательности отбить молодым людям охоту от женщин и научить последних «считать... высшим положением положение девственницы». Герой вступает в полемику с воззрениями, принятыми в обществе и восходящими к куртуазному рыцарству, и называет современных теоретиков брака «жрецами науки» и «волхвами» [!]. Развивая эту языческую метафору, он говорит: «... толкуют о свободе, правах женщин. Это все равно, что людоеды откармливали бы людей пленных на еду и вместе с тем уверяли бы, что они заботятся об их правах и свободе» (гл. 13).

Животная природа пола и условия брака делают супружескую жизнь адом, полным взаимной ненависти и стремления к убийству. Убийством разрешаются коллизии в «Крейцеровой сонате», самоубийством в «Дьяволе» и «Анне Карениной», символическим самоосколпением — отрубанием пальца в «Отце Сергии»⁶⁴.

Приравнивание плотской любви к убийству (опирающееся на универсальную метафору «брак-бой»⁶⁵)

есть уже в «Анне Карениной», в описании «падения» героини: «(Вронский) чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви... Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством. И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело и тащит, и режет его; так он покрывал поцелуями ее лицо и плечи» (II, 11, 160).

Правда, здесь убийство любви усматривается в адюльтере, но уже в «Святочной ночи» развратом был объявлен и брак, не основанный на чистой любви, а в «Крейцеровой сонате» брачная любовь представлена добровольным взаимным самообманом. Неудивительно поэтому, если глубинный смысл ПБ состоит в отвержении брака и насилия, на котором он основан. Гиперболой брачного насилия (в сказочных терминах — укрощения невесты) и служит жестокий ритуал порки. Его языческая жестокость (ср. слова Позднышева о людоедах) имеет своими обрядовыми соответствиями подлинный каннибализм и ритуальные увечья, наносившиеся в ходе инициации⁶⁶.

В рамках свадебного прочтения полковник играет роль помощника, осуществляющего за героя укрощение невесты, и в то же время особо враждебного герою инцестуального предка-дефлоратора героини типа змея, чем подчеркивается чуждость героя тотемной «культуре» того николаевского «племени», в которое ему предстоит вступить⁶⁷. Инцестуальный мотив подкреплен танцем полковника с Варенькой, а его императорский аспект имеет интересные параллели. Так, в «Отце Сергии» герой разрывает помолвку, когда выясняется, что высокопоставленная невеста была любовницей императора Николая, который, как полковник на балу, продолжает ласково улыбаться герою и как бы покровительствует браку⁶⁸. Кстати, производя истязание не собственноручно, а через солдат, полковник и сам годится в «женихи»⁶⁹.

При другом возможном прочтении ПБ — инициационном (более соответствующем непосредственному психологическому содержанию рассказа), истязаемый татарин замещал бы самого героя⁷⁵, а полковник играл роль колдуна или много старшего предка, руководящего инициацией, в терминах сказки — волшебного испытателя/дарителя.

Связь героя с татаринцом задана в ПБ на эмоциональном уровне как сострадание, а на сюжетном общим мотивом уклонения от военной службы. Сочувствуя татарину, герой как бы постепенно переходит из класса мучителей (куда его помещает связь с полковником и его дочерью) в класс жертв. Медиатором между ними выступает солдат, который неумело бьет жертву, за что и сам подвергается избиению⁷¹.

При любом прочтении герой не проходит теста. Как посвящаемый в женихи он отказывается одобрить уклонение и воспользоваться его плодами, т. е. жениться на «царевне». Как посвящаемый в воины племени он не отождествляет себя с жестоким обрядом, ничему не научается (знание о том, что «они знают», остается для него непостижимым) и потому не вступает в военную службу. Подобного рода разрыв с общественными институтами характерен и для других героев позднего Толстого — отца Сергея, Позднышева (переживающего при виде трупа убитой им жены [!] «нравственный переворот»), кн. Нехлюдова, Александра I. Поэтому провал инициации/укрощения для рассказчика — вовсе не поражение; он по-своему выдерживает испытание и торжествует над полковником и его дочерью. Каким образом?

Интересный свет на этот вопрос проливают мотивы ухода в монастырь будущего отца Сергея: «[П]ривзвание бога выше всех других соображений... Поступая в монахи, он показывал, что презирает все то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал», т. е. на круг своей бывшей невесты и на самого императора.

Герою ПБ Толстой не приписывает столь тщеславных мотивов, но он дает ему одержать верх над царевной и

ее отцом как повествователю. В фабульном же плане основой обращения к богу становится **НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ** используемых мотивов, особенно сцены истязания. На этом стержневом для всякой структуры моменте стоит задержаться поподробнее.

Во-первых, по-новому, «по-толстовски», реинтерпретирована типичная для архаических сюжетов пассивность героя — как нежелание поддерживать жестокость и насилие, в частности укрощение невесты⁷².

Во-вторых, христианский пересмотр жестокого обычая в какой-то мере опирается на высказываемое в рамках традиционного свадебного обряда восприятие жениха невестой как «погубителя»⁷³.

В третьих, имеются фольклорные, т. е. языческие, прецеденты и для толстовского уклонения от брака: часто герой, уже пройдя свадебные испытания, скрывается, избегает женитьбы и подлежит розыску и опознанию, каковые, впрочем, осуществляются с успехом и приводят к свадьбе⁷⁴; а в некоторых фольклорных сюжетах — эпических (т. е. допускающих трагический исход) — брак может и полностью расстраиваться, что сопровождается утратой сакрального знания⁷⁵.

В-четвертых, в христианском ключе прочитан в ПБ и самый элемент мучительства⁷⁶, чем осуществляется характерная для истории культов реформа ритуальных кодов (типа замены человеческих жертвоприношений животными, животных — символическими и т. п.).

В-пятых, эта трансформация опирается на наличные фольклорно-языческие мотивы: так, произнесение ключевого слова «Господи» возложено на фигуру кузнеца, традиционно облеченную в фольклоре функциями борьбы со змеем (здесь — отцом невесты), а также сакральными и даже поэтическими функциями, что позволяет кузнецу выступить как бы носителем авторской точки зрения⁷⁷.

Можно указать типологически сходные случаи христианского переосмысления элементов насилия, входящих в состав свадебных и родственных им обрядов. Так, известны славянские обряды битья веткой (розгой, палкой), совершаемые до или после Пасхи (в том числе в последнее во-

скресенье Великого поста, что ближе к ПБ). Битье парнями девушек (и наоборот) сопровождается словесными формулами, акцентирующими мотивы здоровья и плодородия и употребляемыми также «в свадебном обряде... в той его части, когда ведутся приготовления к венчанию (гесп. к первой брачной ночи)... иногда добавляя «Нехай тебе Бог благословить!»... [О]бращает на себя внимание устойчивость языческого смысла обряда и архаичность этого смысла... [В] редких случаях наблюдается его утрата под влиянием христианских евангельских представлений...»⁷⁸.

* * *

Такова, в общих чертах, стратегия (вероятнее всего, бессознательная),

с помощью которой Толстой на протяжении небольшого рассказа символически разыгрывает свой вариант перехода от язычества к христианству. На фоне Серебряного века, с его интересом к пряному синтезу культурных моделей, в особенности языческих и христианских, толстовский «ход» читается как христианский в самом аскетическом смысле слова. Правда, учет декадентского контекста, с одной стороны, и возможных подспудных мотивов, характерных для позднего Толстого, с другой, позволяет предположить менее благочестивую подоплеку — вынесение на свет и разыгрывание, хотя бы и в ключе морального осуждения, противоречивого комплекса страха перед сексом и насилием и одновременного притяжения к ним⁷⁹. Но ограничимся сказанным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПБ обычно ставится в связь с толстовским памфлетом «Николай Палкин», рассказом «За что?» и т. п.

2. Ср. одно из черновых заглавий: «рассказ о бале и сквозь строй» (Толстой 34: 550). Образцы традиционного анализа рассказа см. у Жданова (1971) и Тростникова (1965).

3. См. о ней Щеглов 1970.

4. «Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра».

5. Как показал Одинцов, сцена экзекуции а) дана более прямо и как бы крупным планом — без возвращений к композиционному обрамлению (рассказу престарелого героя о его юности в наидание теперешней молодежи); б) представлена как однократное действие, развертывающееся перед наблюдателем (в отличие от типовых зарисовок бала в несовершенном виде со значением многократности); и в) написана более энергичным, «глагольным», стилем.

6. Эта схема варьируется в рассказе Зоценко «Дама с цветами» и главе из «Крутого маршрута» Е. Гинзбург («Рай под микроскопом») ср. тж. Прим. 72 о новаторском характере открытой композиции ПБ.

7. «Не было... в нашем университете никаких кружков, никаких теорий».

8. Он появляется уже в «Детстве» (1852), в гл. 21, «До мазурки», где отсутствие у Николаеньки порядочных лайковых перчаток и публичное осмеяние бабушкой его старой рваной перчатки

кончаются его сближением с Сонечкой, в которую он влюблен, и с обществом в гостиниой, в которое он так хочет войти. В последующих главах, «Мазурка» и «После мазурки» [1], тема «перчаток» продолжается, также фигурируют мотивы угадывания качества партнера, любовного ослепления и увоза героини с бала (существенные для ПБ).

Еще большее сходство с ПБ обнаруживает неоконченный рассказ «Святая ночь» (1853; Толстой 3: 241—265; отмечено в Жданов 1971: 100), где молодой герой также влюблен в красавицу на балу, танцует с ней, как во сне, мазурку и оставляет себе аналогичный сувенир: «Делая одну из фигур, она дала ему свой букет. Сережа вырвал из него веточку и спрятал в перчатку... Он остановился на лестнице, вынул оторванную ветку из-за перчатки и... прижал ее к губам». Центральное место в рассказе занимает мотив вхождения в светское общество взрослых.

9. Работая над рассказом, Толстой то опускал, то восстанавливал эпитет «величественная». Интересно, что Жданов (1971: 101), отмечая роль этого слова в сближении двух образов, полагает, что «портрет Вареньки дан однопланово, без теней».

10. Это, конечно, одна из толстовских семей (типа Ростовых, Болконских, Курагиных), объединенных физическими и психологическими сходствами; Толстой даже думал назвать рассказ «Дочь и отец» или «Отец и дочь» (3: 550). Танец

отца с дочерью может читаться как ироническая переработка пары Наташа/старый граф Ростов; ср. Наташино возбуждение в сцене, когда граф танцует Данилу Купора с Марьей Дмитриевной, а также ее пляску с дякшишкой в Отрадном.

11. Ср. то же в «Святочной ночи»: «Вызванное в его юной душе... чувство любви не могло остановиться на одном предмете, оно разливалось на всех и все. Все казалось ему такими добрыми, любящими и достойными любви» (Толстой 3: 253; Жданов 1971: 100). Ср. феномен «опьяненного сознания», о котором пишет Гастафсон (1986: 362), в частности, сопоставляя ПБ с чувствами Наташи на ее первом балу и Николая Ростова на смотре войск императором Александром. Особенно интересную параллель к ПБ образует начало «Отца Сергия» (1898 г., опубли. 1912 г.), где влюбленность в невесту вырастает из сознательного желания через нее сделаться «своим» в высшем кругу и параллельно его влюбленности в «отцовскую фигуру» императора Николая I.

12. Ср. в «Отце Сергии»: «Он был особенно влюблен в этот день и не испытывал ни малейшей чувственности к невесте, напротив, с умилением смотрел на нее как на нечто недостижимое» (...).

13. Зависимость достоинства человека от покая сапог занимает героя «Юности» в гл. 31, озаглавленной «Comme il faut».

14. О сюжетных поворотах типа «Перегибание палки» («Overdoing») см. Щеглов и Жолковский 1987: 137.

15. Очевидно сходство с «Отцом Сергием» и в этом отношении.

16. Фотографическая метафора тем более уместна, что белое платье героини и другие «белые» мотивы сменяются здесь черными мундирами солдат.

17. Это приятие превосходящей силы загадочных условностей напоминает позицию Пьера Безухова в эпизоде с мозаиковым портфелем («это так нужно»; «Война и мир» ...).

18. Действие «Святочной ночи» тоже привязано к церковной дате, а также к жанру рождественского рассказа.

19. Единственное сколько-нибудь чувственное тело на балу — это тело хозяйки с ее «открытыми старыми [sic!], пухлыми, белыми плечами и грудью». Тема чувственной подоплеку светских ритуалов в ПБ явно снята — в отличие, скажем, от «Крейцеровой сонаты».

20. Эта не совсем правильная форма сродни таким ключевым толстовским выражениям, как «сопрягать/запрягать» Пьера, «пелестрадал» Каренина и «пусти/пропусти» Ивана Ильича. В черновиках Толстой колебался между явным татарским акцентом («бацы мисер») и полной грамматичностью («помилосердствуйте») (Жданов 1971: 106, 250), прежде чем выбрать лишь слегка остранный вариант.

21. В традиционной трактовке — «человек из народа», см. Тростников 1965: 257.

22. Он назван «слабосильным» и бьет не так, как другие, которые «не милосердствовали»; руководствуется ли он при этом жалостью, остается неизвестным.

Отметим внутреннюю симметрию всей этой сцены, вносящую бинарности других структур рассказа. В центре располагается истязаемый; с каждой стороны — по солдату, волочащему его за ружье; проход образован двумя шеренгами солдат; герой наблюдает извне — полковник движется по проходу; рядом с героем выделен сочувствующий кузнец, рядом с полковником — мажущий солдат.

23. Толстой сначала хотел индивидуализировать жертву («Дрябленький, худощавенький человечек с серым лицом, черными короткими волосами и вздернутым птичьим носиком и серыми почти черными губами...»), но остановился на обобщенном образе «оголенного по пояс человека» (Жданов 1971: 104—105) — в соответствии с общегуманистической и специфически христианской темой рассказа (в духе евангельского «Се человек!»).

24. О семиотических позициях Толстого см. Поморска 1982.

25. Т. е. писателя и человека, конфликт которого с официальной культурой включал и отвержение института брака, в частности, его собственного.

26. В «Отце Сергии» уход героя от света и военной карьеры в монастырь (когда он узнает о связи, в которой его невеста была с императором Николаем; ср. танец Вареньки с отцом) получает сходную, но более развернутую мотивировку. Будущий отец Сергей хочет везде быть первым, для чего ему сначала нужно жениться, но затем оказывается предпочтительнее постричься в монахи.

27. В отличие от текстов позднего Толстого, специально посвященных проблеме телесных наказаний («Николай Паликин», «За что?»), а также от аналогичных разоблачительных сюжетов других авторов, например «Человека на часах» Н. С. Лескова (1887).

28. В «Святочной ночи» элемент посвящения подчеркнут тем, что, как на балу, так и в борделе юный герой действует под руководством старших, сознательно «развращающих» его, а также общей установкой героя на вхождение в свет (см. Прим. 8).

29. Ср. прочтение эдиповских трагедий Софокла в свете данных фольклора самим Проппом (1976).

Ничего не утверждая о сознательности авторского замысла, отметим превосходное рабочее знакомство Толстого с русским фольклором, в частности со сказками и былинами при составлении «Рус-

ских книг для чтения». Хотя его подход к сказкам был сугубо рационалистическим и морализаторским, среди его обработок есть свидетельствующие об интересе к топике, релевантной для ПБ. Таковы: сказка «Три медведя» (инициационная), «Уж» и «Работник Емельян и пустой барабан» (с чудесными супругами), «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях» (с женитьбой на царской дочери и воцарением). Забегая вперед, обратим особое внимание на сказку в стихах «Дурень», где мотив побивания плетью возникает (единственный раз в многократно варьируемом рефрене) именно при встрече со свадьбой.

30. О центральной роли «семейной темы» и «свадьбы» в волшебной сказке см. Мелетинский и др.: 88—89: о символичности как воцарения, так и царских/княжеских титулов (в сказке и в свадебном обряде) см. Байбурин и Левинтон: 75.

31. См. Мелетинский 1958: 213.

32. О птичьих чертах невесты (в ее связи с иным светом, вредительством, зооморфностью и т. п.) см. Пропп 1946: 144, 174, 189—190, 225, 264, 274; Иванов 1973: 37; Мелетинский 1958: 245; Новик: 221, 226, 242.

33. Фрейденберг 1936, *passim*.

34. Пропп 1946: 185 сл.

35. Пропп 1946: 144.

36. А не лес, как в эпизодах инициации, хотя тут возможны наложения, о чем ниже; см. Пропп 1946: 260 сл.

37. Пропп 1946: 262—264.

38. Пропп 1946: 277 сл. Об «амбивалентности невесты» и ее близости к вредителю см. тж. Мелетинский 1958: 183 (в частности, о новых родственниках жениха — людоедах); Байбурин и Левинтон, 69 (со ссылкой на: Елизаренкова и Сыркин 1964); Мелетинский и др. 1969: 117 (там же — о случаях обратной зависимости между враждебностью невесты и ее отца); Левинтон 1970а, б, 1975 а, б; Новик: 242.

39. Костлявость, вообще говоря, характерна для Бабы Яги (см. ниже).

40. Пропп 1946: 284.

41. Пропп 1946: 158.

42. О кузнеце см. Пропп 1946: 86, 199, 201, 210; Иванов и Топоров; Новик: 234. Ср. тж. роковое обручение с медной статуей в «Венере Ильской» Мериме и его сходства (различия с мотивом медного всадника, обсуждаемые Якобсоном (1987а)).

43. Иванов и Топоров: 88—89.

44. Пропп 1946: 282 сл.

45. Пропп 1946 *passim*; Мелетинский 1958: 231; Мелетинский и др.: 108.

46. Пропп 1946: 295.

47. Пропп 1946: 296, а также Иванов 1973: 36.

48. Последнее — именно в тех сказках, где ей приходится скрываться от эротических преследований отца или брата, см. ниже.

49. Мелетинский 1958: 246—247.

50. Пропп 1946: 287.

51. Пропп 1946: 277, 303 сл.

52. См. Елизаренкова и Сыркин: 72 (свадьба как убийство); Байбурин и Левинтон: 70—71 (обсуждение фаллической и истязательной роли плетки жениха и жезла дружки в свадебном обряде; трактовка брака как насилия над невестой), там же ссылки на литературу о свадебном обряде.

53. Далее Левинтон отмечает также существенные для ПБ связи между обручением Сигурда с Брюнхильдой и получаемыми им уроками сакрального всеведения и между расстройством их женитьбы и опаванием его «коварной брагой» — вином забвения (85).

54. Байбурин и Левинтон: 73.

55. Мотив Т. 410, и сюжетные типы 410, 411, согласно Аарне-Томпсону, см. Томпсон 1977.

56. Об инцестуальном отце (брате, предке) см. Пропп 1946: 201, 242, 255; Мелетинский 1958: 204 (там же — о большей характерности этого мотива для европейского, а не русского фольклора); Елизаренкова и Сыркин: 1964 (дефлорация отцом); Мелетинский и др.: 107, 110, 119, 120, 123; Байбурин и Левинтон: 74. О сословных противоречиях между женихом и его царственным тестем как о своего рода «экзогамии по вертикали» см. Байбурин и Левинтон: 73 (со ссылкой на Мелетинский 1970); релевантность такого социального измерения для ПБ очевидна.

57. Увоз не осуществляется — в соответствии с «благодарной» атмосферой бала. Ср., однако, в «Детстве» раскутывание-закутывание Сонечки Валахиной при ее появлении и увозе с бала (гл. 20, 23).

58. См. Мелетинский и др.: 91 (о совпадении испытаний разного типа); Байбурин и Левинтон: 74; Левинтон 1975б: 315.

59. Пропп 1946: 40—148.

60. Пропп 1946: 74 сл.

61. Пропп 1946: 115.

62. Пропп 1946: 74; ср. уход героя ПБ из армии и светского общества.

63. А в «Святочной ночи» — подчеркнуто активная роль старших в инициации героя как на балу, так и в публичном доме. Ср. тж. филиппики по адресу светских «волхвов», разрывающих молодых людей, в «Крейцеровой сонате».

64. В то же время отрубание пальца — распространенный вид посвящения и предсвадебного смешения крови, см. Пропп 1946: 279.

65. См. Левинтон 1975а: 85; ср. Прим. 52.

66. Пропп 1946: 195. Целый комплекс архетипических мотивов ПБ прояснен в неоконченных «Посмертных записках старца Федора Кузмика» (1905, опубл. 1912, полностью 1918, Толстой 36: 59—74, 584—9).

К обращению в старца Федора Кузмича императора Александра I толкает его реакция на прогон сквозь строй, причем он прямо ассоциирует ее с амбивалентным отношением к браку и половому акту: «Еще ужаснее ... с женою ... Nous étions sensés [Мы предполагали] прожить нашу новую lune de miel [медовый месяц] (sic! — А. Ж.), а это был ад в приличных формах ... [У]бийство красавицы, злой Настасьи ... вызвало во мне похоть. И я не спал всю ночь ... [М]ысли об убитой чувственной красавице Настасье и об рассекаемых шпицрутенами телах солдат сливались в одно раздражающее чувство ...»

Многие детали совпадают с ПБ: герой наблюдает прогон сквозь строй впервые, звучат барабан и флейта, выделена спина жертвы и ее «безнадежные подергивания», порют за побег, герой становится «нездоров», готов «признать, что вся моя жизнь ... все дурно, и ... надо ... все бросить, уйти, исчезнуть», что и делает, пройдя через состояние квазисмерти — «притвори[вись] больным, умирающим» и подменив свой «труп» телом запоротого солдата. Позднее, уже в качестве старца, он приходит к выводу, что «в этом одном, в приближении к смерти, разумное желание человека ... освобождение от страстей и соблазнов того духовного начала, которое живет в каждом человеке», а также «что целомудрие лучше брака».

67. В частности — его отказ от медиорования «экзотами по вертикали», см. Прим. 56.

68. Посредствующим звеном между архаическими обрядами и нравами XIX века можно считать право первой ночи, упоминаемое Проппом и хорошо известное еще зрителям «Женитьбы Фигаро».

69. Ср. этот инцестуальный мотив, заостряющий критику истэблшмента, с семейством Курагиных в «Войне и мире», сочетающим фамильную общность, признаки инцеста (Элен и Анатолий) и амс-рализм высшей бюрократии. Варенька представляет собой как бы транспозицию в эту семью Наташи Ростовой, отражая растущий мизантропизм Толстого. Ср., кстати, объективное потворство старого графа Ростова развращению Наташи Анатолею.

70. Подобное замещение практиковалось уже в обрядах и сказках (вместо посвящаемого члена племени ритуальному умерщвлению могли подвергаться пленные-рабы, см. Пропп 1946: 79 сл.), не говоря о развитой литературе.

71. Самоотжествление героя с жертвой экзекуции дано напрямую в «Посмертных записках старца ...» (ср. Прим. 66), где оно кристаллизовано в мотиве подмены трупа («Человек этот был я ... мой двойник ... известный ...

по ... сходству со мною. Его шутя называли Александром II»). Дополнительный турдефорс состоит в том, что герой-рассказчик одновременно воплощает в себе и полковничье-императорскую фигуру: «Я, столько раз разрешавший это наказание ... Очевидно, меня узнали ... Главное чувство мое было то, что мне надо было сочувствовать тому, что делалось над этим двойником моим. Если не сочувствовать, то признавать, что делается то, что должно, — и я чувствовал, что я не мог» — совершенно в стиле размышлений в ПБ о том, «что знал» полковник.

72. Структурным проявлением этой пассивности является композиционная открытость рассказа, предвосхищающая поэтику новеллы типа хемингуэвской, где кульминацией служит эмоциональный шок героя, а развязка сводится к его «уходу из этого города» (рассказ «Убийцы»).

73. Байбури и Левинтон: 69.

74. Мелетинский 1958: 224; Мелетинский и др.: 91.

75. Ср. Прим. 53. В том же направлении может работать и распространение на героиню принципа отвержения мнимых невест, см. выше.

76. Этот элемент был присущ как древнему обряду укрощения, так и обрядам инициации, прямым наследником которых, собственно, и является телесное наказание военнослужащих.

77. Иванов и Топоров: 88—90. Ср. выше о победе героя-рассказчика над полковником в сфере повествования.

78. См. Толстой, Н. И. 1982: 63, 67.

79. Прояснение в «Посмертных записках ...» (см. Прим. 66, 71) некоторых архетипических основ комплекса, выраженного в ПБ, простирается до введения таких классических фрейдистских мотивов, как трудные отношения героя с матерью (и еще одной материнской фигурой) и гомосексуальные элементы в его характере: «[У] меня не было ... чувства любви к матери ... я ... чувствовал холодность и равнодушие к себе». «Глав[ая] нян(я) ... прямоносая женщина, с величественным видом [ср. Вареньку] ... ко мне относилась ... робопленно и вместе с тем строго. То она была царицей ... то вдруг делалась притворяющейся девчонкой». «Костя [младший брат] в одной рубашке перелез ко мне и начал какую-то веселую игру, состоящую в том, чтобы шлепать друг друга по голому телу», с ужасом прерываемую воспитателем. «... [Я] если любил в последнее время кого из мужчин, то любил [Аракчеева]», того самого, убийство любовницы которого, Настасьи, связывается у Александра с похотью и наказанием шпицрутенами.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин, А. и Г. Левинтон. 1972. Тезисы к проблеме волшебная сказка и свадьба. — В кн.: «*Qinquaenario*. Сборник статей молодых филологов к пятидесятилетию проф. Ю. М. Лотмана». Тарту, ТГУ, 67—85.
- Гастафсон 1986 — Gustafson, Richard. «Leo Tolstoy. Resident and Stranger. A Study in Fiction and Theology». Princeton: Princeton University Press.
- Гинзбург, Е. 1985. «Крутой маршрут. Книга вторая». Нью-Йорк: Посев.
- Жданов, В. 1971. «Последние книги Л. Н. Толстого. Замыслы и свершения». М.: Книга.
- Елизаренкова, Т. Я. и Сыркин А. Я. 1964. К анализу индийского свадебного гимна (Ригведа, X. 85). В сб. «Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам 19—24 августа 1964 г.». Тарту, ТГУ, 69—77.
- Иванов, В. В. 1973. Категория «видимого»-«невидимого» в текстах архаических культур. — В кн.: «Сборник статей по вторичным моделирующим системам», Тарту, ТГУ, 34—38.
- Иванов, В. В. и Топоров, В. Н. 1974. Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур. — В кн.: «Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, I (5)», Тарту, ТГУ, 87—90.
- Левинтон, Г. А. 1970а. Некоторые общие вопросы изучения свадебного обряда. — В кн.: «Тезисы докладов летней школы по вторичным моделирующим системам, 4», Тарту, ТГУ, 27—30.
- Левинтон, Г. А. 1970б. Свадебный обряд в сопоставлении с другими. В кн.: «Тезисы докладов летней школы по вторичным моделирующим системам, 4», Тарту, ТГУ, 30—35.
- Левинтон, Г. А. 1975а. Замечания к проблеме «литература и фольклор». «Труды по знаковым системам» 7, 76—87.
- Левинтон, Г. А. 1975б. К проблеме изучения повествовательного фольклора. — В кн.: «Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970), М.: Наука, 303—319.
- Мелетинский, Е. М. 1958. «Герой волшебной сказки. Происхождение образа». М.: Изд-во Восточной Литературы.
- Мелетинский, Е. М. 1970. Die Ehe im Zaubermaerchen. «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae» 19: 1—4.
- Мелетинский, Е. М., Неклюдов, С. Ю., Новик, Е. С., Сегал, Д. М. 1969. Проблемы структурного описания волшебной сказки. «Труды по знаковым системам» 4: 86—135.
- Новик, Е. С., 1975. Система персонажей русской волшебной сказки. — В кн.: «Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970), М.: Наука, 214—246.
- Одинцов, В. 1969. Поэтика рассказа Л. Н. Толстого «*Posle bala*». «Русский язык в школе», 1969, 4: 14—19.
- Поморска 1982 — Pomorska, Krystyna. Tolstoy — Contra Semiosis. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics» 25—26: 383—390.
- Пропп, В. Я. 1946. «Исторические корни волшебной сказки». Л.: Изд-во ЛГУ.
- Пропп, В. Я. 1976. Эдип в свете фольклора. В его кн. «Фольклор и действительность. Избранные статьи». М.: Наука, 258—299.
- Томпсон 1977 — Thompson, Stith. «The Folktale». Berkeley: UC Press.
- Толстой, Л. 1928—58. «Полное собрание сочинений в 90 томах». М., ГИХЛ.
- Толстой, Н. И. 1982. Из «грамматики» славянских обрядов. «Труды по знаковым системам» 15: 57—71.
- Тростников, В. 1965. «После бала». — В кн.: «Л. Н. Толстой в школе», В. Тростников ред. М.: Просвещение, 244—262.
- Фрейнденберг, О. 1936. Три сюжета, или семантика одного. В ее кн. «Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы», Л.: ГИХЛ, 335—361.
- Щеглов, Ю. 1970. «Матрона из Эфеса». В кн. «Sign, Language, Culture», A. J. Greimas at al. ред., The Hague: Mouton, 591—600.
- Щеглов и Жолковский 1987 — Yu. Shcheglov and A. Zholkovskiy. «Poetics of Expressiveness. A Theory and Applications». Amsterdam: John Benjamins.
- Якобсон, Р. 1987а. Статуя в поэтической мифологии Пушкина. В его кн. «Работы по поэтике». М.: Прогресс, 145—80.

«ТИХИЙ ДОН» ПРОТИВ ШОЛОХОВА

В 1928 году читатели журнала «Октябрь» впервые смогли прочесть то, что теперь мы знаем как первую и вторую книги романа «Тихий Дон». Однако светлую радость нам поспешили отравить: в 1974 году некто «Д.», по заверениям А. И. Солженицына уже покойный, восстал и сказал — то, что мы знаем как роман «Тихий Дон» не есть «Тихий Дон»! Проблема, поставленная романом и «Д.», — проблема сложная. Вопрос номер один — автор.

Есть, правда, кандидат, но — Шолохов. Мыслимое ли дело: русский писатель-классик с незаконченным четырехклассным образованием (ну еще два месяца — курсы для продинспекторов)?! Вся биография: не имел, не был, не участвовал... А потом садится, на голове папаха, и в сарае пишет роман века. Сам, кстати, немолод — девятнадцать лет.

Спрашивают его читатели: откуда, Миша, что берется, ну там, знание быта, войны, революции, гражданской войны, конного строя, общинного землепользования?.. А он стоит и пальцем в землю тычет. Тут его братан двоюродный (К. Шолохов) в газету пишет: так, мол, и так — черноземный наш Миша талантище. Отку-

да все и берется. Или вот, решил Миша все как есть узнать. И пошел Миша в архив войска Донского, что в музее в Новочеркасске. И за несколько дней всю гражданскую войну в тонкости превзошел (И. И. Ногин, сотрудник музея).

А тут еще пристают: покажи, Миша, как романы пишут. Мы тоже хотим. Ну, покажи рукопись какую-никакую... (комиссия писателей под председательством А. Н. Толстого). Молчит Миша, стесняется да щурится. Щурится да щерится. Надоели, сил нет.

Ну тут, конечно, пустили слухи. Слухи, слухи... Украл, убил и украл, в доверие втерся и украл. Покажи рукописи, Миша!..

А нету их. Немцы прилетели, по рукописям, мать их, аккуратисты, урок прицельного бомбометания... И нету. Зола и пепел. Нет улик (И. Араличев, журнал «Вымпел», 1947.).

Нет улик, значит, — невиновен. Любое сомнение в пользу обвиняемого. Безнаказанность? А ты докажи!!!

И тогда — отчаяние и легенда.

Есть рукопись, была, одна женщина привозила, видели ее (рукопись, женщину?). Александр Трифонович в руках

Зеев БАР-СЕЛЛА [1947 г. рожд.] — лингвист и литературовед. Родился в Москве, учился в Московском государственном университете, ряд его лингвистических работ опубликован в СССР. Эмигрировал в 1973 году, живет в Израиле. Совместно с М. Каганской опубликовал книгу «Мастер Гамбс и Маргарита» [Тель-Авив, 1984]. Постоянный автор журнала «22», в настоящее время готовит к печати книгу о поэзии Иосифа Бродского.

держал, потом послал в ЦК, и заместитель его — покойный Марьямов, или другой, но непременно покойный... (рассказывает А. Якушев, философ). Один писатель перед смертью признался: «Фанерный чемоданчик, а в нем рукопись... А когда прочел «Тихий Дон», сразу вспомнил, понял...» (писатель И Днепровский по воспоминаниям А. Гербурт-Йогансен). Умер, умер писатель. Нет чемодана, нет следов. Ничего. Только шолоховская ухмылка: «Что, взял! Накося-выкуси!»

Есть еще способ уличить — найти владельца, чтобы тот украденное опознал. Но и тут плохо дело. Если и был такой, то искать его надо на том свете. Нет его среди живых, если он за шестьдесят лет голоса не подал. И имя такое называют, теперь, пожалуй, чаще, чем имя Шолохова. Крюков это, Федор Дмитриевич, в марте 1920 скончавшийся от тифа. Чего проще — читай Крюкова, сравнивай и уличай.

Прочли, сравнили... Крюков — писатель неплохой, не хуже Чирикова и написал много, и публиковался часто, и откликался на события... А «Тихий Дон» написан гениальным писателем, никак по таланту не ниже Платонова. А раз Чириков не Платонов, то и Крюкову «Тихий Дон» написать было не под силу. Да и не похоже... Все другое, одно общее — про казаков. Но ведь и про казаков не всякий роман — «Тихий Дон».

Так, значит, Шолохов? Нет, не значит. «Ревизора», например, написал не Пушкин. Но ведь и не Загоскин же!

Что же у нас есть, кроме Шолохова и Крюкова? У нас есть текст романа. И так судьба сложилась, что в любом споре текст романа — это и вещественное доказательство, и свидетель, и прокурор.

Весной 1982 года мы — Майя Каганская и вышеподписавшийся — начали судебный процесс: «Тихий Дон» против Шолохова М. А. Шесть лет мы собирали улики, копили доказательства, опрашивали свидетелей. Результатом этого стала книга — «Текстология преступления». Некоторые отрывки из первой части предлагают вашему вниманию.

Р. 5. В первой части нашей книги еще не идет речь об истинном Авторе романа, а только доказывается, что Автора следует искать. Поэтому

сообщаем: истинный автор романа «Тихий Дон» нами установлен. Вот некоторые сведения о нем: донской казак по происхождению, учился в Московском Императорском университете, автор двух (кроме «Тихого Дона») книг, расстрелян красными в январе 1920 года в городе Ростове-на-Дону. В момент гибели ему еще не исполнилось тридцати лет.

ЧЕРНОВИКИ «ТИХОГО ДОНА».

Назвав роман гениальным, а автора его — гением, можно было сослаться на мнение многих и достойных литераторов. Мы решили, однако, не требовать от читателя излишней доверчивости и, хотя бы в этом вопросе, отдать ему право собственного суждения. Тем более, что читателям в этом деле предоставлена роль присяжных. Вот — несколько иллюстраций (все цитаты по первой публикации 1928 года):

«Ласковый свет заползал Григорию под набухшие от бессонницы веки. Он поднимал голову и слышал все тот же однообразный, как скрип арбы, голос Прохора.

Пробудил его внезапно приплывший из-за далекого овсяного поля густой перекатистый гул.

— Стреляют! — почти крикнул Прохор.

Страх налил мутью его телячьих глаза. Григорий поднял голову: перед ним двигалась в такт с конской спиной серая шимель взводного урядника, сбоку млегло поле с нескошенными делянками жита, с жаворонком, плясавшим на уровне телеграфного столба. Сотня оживилась, густой оружейный стон прошел по ней электрическим током.

В головной колонне наяривали похабную песню; толстозадый, похожий на бабу солдат шел сбочь колонны, щелкая ладонями по куцым голенищам. Офицеры посмеивались. Острый душок недалекой опасности сближал их с солдатами, делал снисходительней» [кн. 1, ч. 3, гл. 5].

«В это время казаки, изломав ряды, нагнувшись ближе к трупам, снимая фуражки, рассматривая убитых с тем чувством скрытого трепетного страха и звериного любопытства, которое испытывает всякий живой к тайне мертвого. Все убитые были офицеры. Казаки насчитали их сорок семь человек. Из них большинство была молодежь, судя по виду, — в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, лишь крайний справа, с погонами штаб-капитана, был пожилой. Над его широко раскрытым ртом, таившим немые отзвуки последнего крика, понуро висели густые черные усы. Казаки осо-

бенно долго смотрели на красивую и после смерти фигуру одного поручика. Белокурая курчавая голова его, со сбитой фуражкой, словно ласкаясь, никла щекой к земле, а оранжевые, тронутые синевой губы скорбно, недоуменно кривились. Сосед его справа лежал вниз лицом, на спине горбом бугрилась шинель с оторванным хлястиком, обнажая сильные, напряженные мускулами ноги в брюках цвета хаки и коротких хромо-вых сапогах, с покривленными на сторону каблуками. На нем не было фуражки, не было и верхушки черепа, чисто срезанной осколком снаряда; в порожней черепной коробке, обрамленной мокрыми сосульками волос, светлела розовая вода, — дождь налил» [кн. 2, ч. 4, гл. 3].

«— Ты что!.. Ты!.. Не смей!.. Не смей бить!.. — рычал Калмыков, сопротивляясь.

Глухо ударившись спиной о стену водокачки, он выпрямился, понял:

— Убить хочешь!

Калмыков шагнул вперед, быстро застегивая шинель на все пуговицы.

— Стреляй, сукин сын! Стреляй! Смотри, как умеют умирать русские офицеры... Я и перед сме-е... о-о-ох!..

Пуля вошла ему в рот. За водокачкой, взбираясь на ступенчатую высоту, спиралью взвилось хрипато-е эхо. Споткнувшись на втором шагу, Калмыков левой рукой обхватил голову, упал. Выгнувшись крутой дугой, сплюнул на грудь черные от крови зубы, сладко почмокал языком.

Едва лишь спина его, выпрямляясь, коснулась влажного щебня, Бунчук выстрелил еще раз. Калмыков дернулся, поворачиваясь на бок, как засыпающая птица подвернул голову под крыло, коротко вскрикнул» [кн. 2, ч. 4, гл. 17].

Такую прозу можно любить. Можно не любить, особенно современному советскому читателю, воспитанному на идиотском представлении, что гений — это простота.

Но мы взываем не к любви, а к разуму: перед нами особый, замороженный смертью, тип художественного сознания; глаз, различающий небывалые цвета; язык, сливающий литературную, почти вычурную изысканность с жестокой грубостью просторечия... Это — стиль, а значит, — писатель и человек. Стиль и только стиль — ключ к тайне романа и тайне его автора.

НАШЕСТВИЕ. Глава двенадцатая части третьей, судя по ее месту в книге, призвана продолжить изложение событий, прерванное публикацией обнаруженного Григорием Меле-

ховым дневника убитого студента:

«Одиннадцатая кавалерийская дивизия после занятия Лешнюва с боем прошла через Станиславчик, Радзивиллов, Броды и 15 августа развернулась возле города Каменка-Струмилово. Сзади шла армия, сосредоточивались на важных стратегических участках пехотные части, копилась на узлах штабы и обозы. От Балтики смертельным жгутом растягивался фронт. В штабах разрабатывали планы широкого наступления, над картами корпели генералы, мчались, развозя боевые приказы, ординарцы, сотни тысяч солдат шли на смерть...

Разведки доносили, что к городу стягиваются крупные кавалерийские силы противника. В перелесках возле дорог вспыхивали стычки, казачьи разъезды входили в соприкосновение с неприятельскими разведками.

Данный отрывок, несомненно, выпадает из повествования своим стилем. Его стилистическая основа покоится на языке боевых приказов и военной терминологии. Ощущение некоторого несовершенства, недоработанности создают, однако, не эти особенности («развернулась возле города Каменка-Струмилово», «входили в соприкосновение»), легко объяснимые намеренной стилизацией, а, напротив, стилистической разностью — «От Балтики смертельным жгутом растягивался фронт».

Эта фраза, кроме того, странным образом перебивает ход повествования, вклиниваясь между Каменкой-Струмилово и опять же — Каменкой-Струмилово. Как видно из текста, наступление, готовящееся на данном участке фронта, никак не имело в виду изменения общей («от Балтики») стратегической ситуации; речь идет о боях местного значения и именно на участке Каменка-Струмилово.

Каково же будет наше удивление, когда все наши сомнения окажутся благополучно рассеянными за 32 страницы до начала двенадцатой главы!

Часть 3, начало главы десятой: «Фронт еще не улегся многоверстной неподатливой гадюкой. На границе вспыхивали кавалерийские стычки и бои. В первые дни после объявления войны германское командование выпустило щупальцы — сильные кавалерийские разъезды, которые тревожили наши части, скользя над постами, выведывая расположение и численность войсковых частей противника. Перед фронтом Восьмой армии Брусилова шла двенадцатая кавалерийская дивизия под командова-

нием генерала Каледина. Левее, перевалив австрийскую границу, продвигалась одиннадцатая кавалерийская дивизия. Части ее, с боем забрав Лешнюв и Броды, топтались на месте, — к австрийцам подвалило подкрепление, и венгерская кавалерия с наскоку шла на нашу конницу, тревожа ее и тесня к Бродам».

Итак, мы видим, что начало десятой главы повествует точно о том же, что и начало двенадцатой главы, причем сравнение здесь явно не в пользу главы двенадцатой. Невнятной композиции двенадцатой: Каменка — Балтика — Каменка, противостоит абсолютно логичное построение: весь театр военных действий, австрийский фронт (Восьмая армия, XII дивизия, XI дивизия) и, наконец, участок фронта, занимаемый именно и только XI дивизией, развертывающейся между Бродами и Каменкой-Струмилово. Но самое замечательное здесь даже не то, что речь идет фактически об одних и тех же событиях и местах, но то, что при всех стилистических отличиях двух отрывков обнаруживается их поразительная лексическая близость:

Глава 12

«От Балтики смертельным жгутом растягивался фронт. (...)

В перелесках возле дорог вспыхивали стычки, казачьи разъезды входили в соприкосновение с неприятельскими разведками».

«Одиннадцатая кавалерийская дивизия после занятия Лешнюва с боем прошла через Станиславчик, Радзивиллов, Броды и 15 августа развернулась возле города Каменка-Струмилово. Сзади шла армия (...) Разведки доносили, что к городу стягиваются крупные кавалерийские силы противника».

Глава 10

«Фронт еще не улегся многоверстной неподатливой гадюкой».

На границе вспыхивали кавалерийские стычки и бои. В первые дни после объявления войны германское командование выпустило щупальцы — сильные кавалерийские разъезды, которые тревожили наши части, скользя над постами, выведывая расположение и численность войсковых частей».

«Перед фронтом Восьмой армии Брусилова шла двенадцатая кавалерийская дивизия под командованием генерала Каледина. Левее, перевалив авст-

рийскую границу, продвигалась одиннадцатая кавалерийская дивизия. Части ее, с боем забрав Лешнюв и Броды, топтались на месте, — к австрийцам подвалило подкрепление, и венгерская кавалерия с наскоку шла на нашу конницу, тревожа ее и тесня к Бродам».

Как это понимать? Для чего это? Почему метафорически собранный текст должен быть с бесцельной вялостью пересказан через три десятка страниц?! Отчего «многоверстная неподатливая гадюка» оборачивается «смертельным жгутом», «щупальцы» кавалерийских разъездов — «неприятельскими разведками»? Неужели слова «к австрийцам подвалило подкрепление» в художественном отношении хуже, чем «стягиваются крупные кавалерийские силы противника»?!!

А как все это согласуется с продолжением двенадцатой главы (непосредственно за процитированным отрывком)?

«Мелехов Григорий все дни похода, после того как расстался с братом, пытался и не мог найти в душе точку опоры, чтобы остановиться в болезненных раздумьях и вернуть себе прежнее ровное настроение».

Можно подумать, что речь идет о мятущемся интеллигенте — «найти в душе точку опоры», «болезненные раздумья», «прежнее ровное настроение». Нет, описывается герой, которого призывает комиссия в двадцать первой главе части второй провозглашает следующими словами:

«В гвардию! Рожь бандитская. . . Очень дик. Нель-зя-а-а. Вообразите, увидит государь такую рожу, что тогда!»

Это, конечно, не решающий аргумент. Решающий аргумент — в главе десятой:

«Григорий Мелехов после боя под городом Лешнювом тяжело переламывал себе нудную нутрянную боль. Он заметно исхудал, сдал в весе, часто в походах и на отдыхе, во сне и в дреме близился ему недавний знакомец-австриец, тот, которого срубил у решетки. Необычно часто переживал он во сне ту первую схватку, и даже во сне, отягощенный воспоминаниями, ощущал он судорожную конвульсию своей правой руки, зажавшей древко пики; просыпаясь и очнувшись, гнал от себя сон, заслонял ладонью до боли зажмуренные глаза».

Это также непосредственное продолжение разобранного выше отрывка из десятой главы. И опять те же самые недоумения: для чего понадобилось

«нудную нутряную боль» через тридцать страниц назвать «болезненными раздумьями»? Можно, конечно, подумать, что отрывки из глав десятой и двенадцатой повествуют о разных событиях — ведь сказано в двенадцатой, что раздумывать Григорий начал «после встречи с братом». Однако сама встреча братьев — Григория и Петра Мелеховых — описывается в десятой главе, а приведенный отрывок с «нутряной болью» этому рассказу предшествует! Да, встреча с братом на ход размышлений героя не повлияла; более того, Григорий передает Петру свои ощущения в ясных и точных словах:

«Я, Петро, уморился душой. Я зараз будто недобитый какой... Будто под мельничными жерновами побывал, перемяли они меня и выплюнули [...] Меня совесть убивает. Я под Лешнювым заколол одного пикой. Сгоряча... Иначе нельзя было... А зачем я этого срубил! [...] срубил зря человека и хвораяу через нево, гада, душой. По ночам снится, сволочь. Аль я виноват!»

Глава 12

«Мелехов Григорий все дни похода, после встречи с братом, пытался и не мог найти в душе точку опоры, чтобы остановиться в болезненных раздумьях и вернуть себе прежнее ровное настроение.»

Глава 10

«Григорий Мелехов после боя под городом Лешнювым тяжело переламывал в себе нудную нутряную боль. (...) часто в походах и на отдыхе (...) блазнился ему недавний знакомец-австриец, тот, которого срубил у решетки. (...) просыпаясь и очнувшись, гнал от себя сон, заслонял ладонью до боли и зажмуренные глаза.»

И опять та же ситуация, что и в предыдущих отрывках: стилистически фрагменты различаются, но опять описывают одни и те же события, и опять же лексический состав отрывков более чем сходен. Как все объяснить?

С художественной точки зрения текст отрывков (на самом деле одного цельного фрагмента, поскольку второй отрывок непосредственно примыкает к первому) десятой главы превосходит соответствующие отрывки главы двенадцатой. Проще говоря, текст отрывков десятой главы более литературен. С дру-

гой стороны, лексическая близость отрывков указывает на их взаимосвязь? Что же это за взаимосвязь? Стилистически отрывки двенадцатой главы похожи на плохой конспект, а чтение главы десятой обнаруживает тот самый кусок, который был законспектирован. Ситуация более чем необычная, — слово автор неумело обкрадывал сам себя!

Но все станет на свои места, если мы перевернем последовательность: не начало десятой главы послужило источником вступления к двенадцатой, а наоборот — разобранные фрагменты главы двенадцатой являлись основой для написания начала десятой главы. Следовательно: вступление к двенадцатой главе есть не конспект, но план написания соответствующей части главы десятой. И этот план не был отброшен, он был выполнен в десятой главе!

Но разгадав одну загадку, мы медленно упираемся во вторую. Ведь для того, чтобы всунуть план одной главы в начало другой и, самое главное, поместить этот, уже исполненный план через тридцать страниц после написанной на основе его главы... Для этого нужен был чей-то чудовищный произвол, чье-то зверское насилие над авторской волей. Но для чего? Цензурные запреты? Что запрещать, что скрывать — дислокацию русской армии на Юго-Западном фронте в 1914 году? Ведь никакого другого результата, кроме превращения романа в сенильную болтовню, достигнуть невозможно. А кому такое могло понадобиться? Шолохову? Редактору? Этим вряд ли можно заподозрить в таком намерении. Значит, говорить следует о другом: тот, кто составил окончательную редакцию романа, не знал ни того, как роман писался, ни того, как был он задуман и исполнен. Имя человека, который принес летом 1927 года отпечатанную на машинке окончательную редакцию текста романа в редакцию «Октябрь», нам известно — это Шолохов М. А.

А теперь вопрос: может ли автор не знать и не понимать, что и как он хотел написать? Мог ли автор не знать и не понимать, где кончаются заготовки к роману и где начинается роман?

Я К ВАМ ПИШУ. Стилистический критерий служит первым инструментом анализа романа «Тихий Дон». Он равно применим как в ситуации войны (предыдущая глава), так и в дни мира. Обратимся, поэтому, к главе восемнадцатой части второй.

Начало главы посвящено описанию бабьих посиделок у соседки Коршуновых — родителей жены Григория Мелехова — Пелагеи. Присутствует здесь и сама жена Григория — Наталья. Один фрагмент привлекает наше внимание своей изощренной стилистикой:

«С трудом высидев да конца, она [Наталья — Б.-С.] ушла, унося в душе неопределенное решение. Стыд за свое неопределенное положение [она все не верила, что Григорий ушел навсегда и, прощая, ждала его] толкнул ее на следующий поступок: решила послать тайком от домашних в Ягодное к Григорию, чтобы узнать, совсем ли ушел он и не одумался ли».

О литературных достоинствах такого текста говорить не приходится. Единственное, на что он похож, — это на начало двенадцатой главы из части третьей. Там, как мы помним, герой тоже «не мог найти в душе точку опоры» и погрязался «в болезненные раздумья»; там же мы видели, что в «художественной части» (десятая глава) место «болезненных раздумий» занимает «нудная нутряная боль», а невозможность «найти в душе точку опоры» Григорий описывает еще более энергично: «хвораю через нево, гада, душой».

Наше допущение о неорганичности данного фрагмента в составе восемнадцатой главы подкрепляется знакомством с тем, что его окружает. Вот абзац, прямо ему предшествующий:

«Деланное оживление Натальи потухло искрой на ветру. Бабы перекинулись в разговоре на последние сплетни и пересуды. Наталья вязала молча».

А вот — абзац, непосредственно за нашим отрывком следующий:

«Пришла она от Пелагеи поздно. В горенке сидел дед Гришака, читал затрепанное, закапанное воском, в кожном переплете Евангелие. Мирон Григорьевич в кухне довязывал крыло к вентеру, слушая рассказ Михея о каком-то давнишнем убийстве. Мать Натальи, уложив детей, спала на печке, оставив в

дверь черные подошвы ног. Наталья разделась, бесцельно прошлась по комнатам. В зале, в углу, отгороженном доскою, — ворох оставленного на посев конопляного семени и мышинный писк.

Она на минуту задержалась в дедовой горнице. Постояла у угольника, тупо глядя на стопку церковных книг, сложенных под образами.

— Дедуня, у тебя бумага есть!

— Какая бумага! — поверх очков собрал дед густую связку морщин.

— На какой пишу?

Дед Гришака порывлся в Псалтыре и вынул смятый, провонявший затхлым канунным маслом и ладаном лист.

— А карандаш!

— У тца спроси. Иди, касатка, не мешайся.

Карандашный огрызок добыла Наталья у отца. Села за стол, мучительно пережевывая давно продуманное, вызвавшее на сердце тупую ноющую боль.

Утром она, посулив Гетьку водки, снарядила его в Ягодное с письмом:

«Григорий Пантелеевич!

Пропиши мне, как мне жить, и навовсе, или нет, потерянная моя жизнь! [...] Думала, сгоряча ты ушел, и ждала, что возвратишься, но я разлучать вас не хочу. Пушай лучше одна я в землю затоптанная, чем двое. Пожалей напоследок и пропиши. Узнаю — буду одно думать, а то я стою посередь дороги».

Наши претензии к «психологическому» отрывку («неопределенное решение», «неопределенное положение», «толкнул ее на следующий поступок») теперь уже не исчерпываются стилистикой. Главное в том, что во фрагменте названо все то, что составляет движение фабулы в последующем тексте. Более того, в последующем тексте решение у Натальи постепенно формируется («бесцельно прошлась по комнатам», «постояла» (...), тупо глядя на стопку церковных книг», и лишь после этого следует обращение к деду за бумагой), а фрагмент утверждает, что Наталья пришла в дом с готовым решением («решила послать (...) в Ягодное к Григорию»).

Противоречие здесь налицо, но оно снимается, если допустить, что, как и в предыдущем случае, в текст романа ошибочно включен план:

«неопределенное решение»
«стыд за свое неопределенное положение»

«решила послать (...) к Григорию, чтобы узнать, совсем ли он ушел и не одумался ли»

«бесцельно прошлась по комна-

там»; «постояла (...), тупо глядя на стопку церковных книг».

«Села за стол, мучительно передумывая давно продуманное, вызвавшее на сердце тупую ноющую боль».

«Григорий Пантелеевич! Пропиши мне, как мне жить, и навовсе, или нет, потерянная моя жизнь? Узнаю — буду одно думать...»

Истинный порядок следования текста был, по всей видимости, не таким: «... Наталья вязала молча» + Психологический «фрагмент» + «Пришла она от Пелагеи поздно...»

Серединный фрагмент, как мы видели, «забегает» вперед и весь порядок разрушает.

Но никаких препятствий, ни стилистических, ни смысловых, не возникает, если мы «психологический» фрагмент устраним и прочтем текст так, как будто фрагмента этого нет вовсе:

«Деланное оживление Натальи потухло искрой на ветру. Бабы перекинулись в разговоре на последние сплетни и пересуды. Наталья вязала молча».

Пришла она от Пелагеи поздно. В горенке сидел дед Гришака, читал затрепанное, закапанное воском, в кожаном переплете Евангелие».

ДЕД ГРИШАКА. Познакомимся поближе с Гришакой — дедом Натальи Коршуновой; невесты, а затем и жены Григория Мелехова. Для этого раскроем девятнадцатую главу первой части:

«Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Участвовал в турецкой кампании 1877 года, состоял ординарцем при генерале Гурко, попал в немилость и был отослан в полк. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и георгиевскую медаль. Был односумом с Прокофием Мелеховым и, доживая у сына, пользуясь в хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство, короткие остатки жизни тратил на воспоминания».

Летом с востока до заката солнца сиял на завалинке, чертил костью землю, угнув голову, думал неясными образами, отрывками мыслей, плывущими сквозь мглу забвения тусклыми отсветами воспоминаний...»

Вдумаемся в то, что напечатано: «пользуясь в хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум» и тут же —

«Думал неясными образами, отрывками и мыслей...»!

То же можно сказать и о «хлебосольстве»:

«Известие о том, что Наталью сватают,

принял он с внешним спокойствием, но в душе горевал и злился: Наталья за столом подсовывала ему лучший кусок...» (в той же девятнадцатой главе).

О каком хлебосольстве может идти речь, если дед Гришака у себя дома не хозяин — уход внучки грозит ему потерей лучшего куска за столом; каким хлебосольством мог славиться приживал?

Таким образом, биографическая справка о деду Гришаке далеко не во всем согласуется с текстом главы. Логично предположить поэтому, что сама справка носит вспомогательный, рабочий характер. Ее задача — помочь разработке образа, но в процессе работы от многого пришлось отказаться. Однако черновой набросок был сохранен и использован в главе девятнадцатой:

«короткие остатки жизни тратил на воспоминания» — «думал (...) плывущими сквозь мглу забвения тусклыми отсветами воспоминаний»; «Был односумом с Прокофием Мелеховым» — «Мелеховы — славные казаки. В одном полку служил с покойником Прокофием».

Не были забыты и прочие сведения, — место им нашлось в двадцать третьей главе той же первой части:

«Участвовал в турецкой кампании 1877 года» — «А я в турецкой кампании побывал... Ась! Побывал, да»; «За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и георгиевскую медаль» —

— «Под Рошичем был бой...»; «Два Георгия имею! Награжден за боевые геройства!...»

Биография деда Гришаки претерпела некоторые изменения: с издания 1956 года он более не «односум» (то есть не однополчанин) деда Григория — Прокофия Мелехова; в связи с этим подверглись правке и сведения о боевой карьере последнего — в первой главе первой части дед Григория участник уже не последней турецкой кампании, а предпоследней. Убрано и второе упоминание о совместной воинской службе деда Гришаки и Прокофия. Правда в данном случае понятна — если об этом не говорится в первый раз, зачем повторять во второй? Но еще любопытнее то, что Шолохов заметил эти повторения в тексте

девятнадцатой главы. Заметил, но смысла этих повторений не понял!

Итак, в текст главы опять вкрался черновик. Каков же был облик белого текста? К «беловику», несомненно, относится фраза отрывка: «Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет», поскольку ей предшествует:

«Дед взмахивал костью и подступал к Митьке, нетвердо переставляя высохшие в былку ноги»,

и, следовательно, первая фраза нашего отрывка продолжает уже начатую тему походки и ходьбы. Но все прочее, до конца абзаца, должно быть исключено. Беловой текст восстанавливается в следующем виде:

« — Ты чего, поганец, заявился сюда, ась!

— На провед зашел, дедуня, — оправдывался Митька.

— Проведать! Ась! Я тебе, поганец, велью уйтит отсея. Шагом арш!

Дед взмахивал костью и подступал к Митьке, нетвердо переставляя высохшие в былку ноги.

Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Летом с восхода до заката солнца сжижал на завалинке, чертил костью землю, угнув голову, думал неясными образами, отрывками мыслей, тусклыми отсветами воспоминаний.

От потрескавшегося козырька казачьей слинявшей фуражки падала на черные веки закрытых глаз черная тень; от тени морщины казались глубже, седая борода отдавала слизью. По пальцам, скрещенным над костью, по кистям рук, по выпуклым черным венам шла черная, как черномзем в лугу, медленная в походе кровь».

Набросанный, видимо, на полях, черновик не был вымаран Автором, использовавшим его, как мы видели, в работе над двадцать третьей главой. Дальнейшая судьба черновика обычна — он вставлен Шолоховым на первое же подвернувшееся место.

ПЕРЕДЕЛ. Сложная, тяжелая книга «Тихий Дон»; то зачастую, зачастую, половину персонажей потеряет, то обстоятельна, как опись имущества. Вот, например, административные подробности:

[1929] «В двадцатых числах апреля станицы Донецкого округа откололись. Был образован свой округ, наименованный Верхне-Донским. Окружным центром избрана Вешенская, многолюдная, вторая в области, после Михайловской, по вели-

чине и многочисленности хуторов станица. Наскоро выкраивались из прежних хуторов новые станицы. Образовались Шумилинская, Каргинская, Боковская станицы. И Верхне-Донской округ, оттягавший себе двенадцать станиц и одну хохлячью волость, зажил обособленной от центра жизнью. В состав Верхне-Донского округа вошли станицы бывшие Донецкого округа: Казанская, Мигулинская, Шумилинская, Вешенская, Еланская, Каргинская, Боковская, Пономаревская волость; бывшие Усть-Медведицкого: Усть-Хоперская, Краснокутская и Хоперского округа: Букановская, Слащевская, Федосеевская» («Д», кн. 2, ч. 5, гл. 21/1957; с. 327).

Уф-ф! Не роман, а тест какой-то для разведшколы — кто больше успел запомнить? А особо способным задача: обнаружить, какое тут было вранье? А вранье тут есть: перечислены бывшие станицы Донецкого округа и среди них Шумилинская, Каргинская и Боковская. А за фразу до этого сказано: «Наскоро выстраивались из прежних хуторов новые станицы. Образовались Шумилинская, Каргинская, Боковская станицы».

Так что не могли они согласно тексту быть «бывшими» — не «бывшие» они, а «новые», и раньше их не было. Вот так! Что же касается прошлой информации, то она либо уже известна (понятно ведь, что если Вешенская — окружной центр, то она входит в состав округа; если в округе образовались новые станицы, то где же, как не в пределах округа, им быть), либо излишня и опять же ошибочна. Так, перечислены станицы «бывшие Усть-Медведицкого» и «Хоперского» округов. А вначале сказано, что в состав нового округа («Верхне-Донского») вошли «верховые станицы Д о н е ц к о г о округа». То есть опять концы с концами никак не сойдутся. Понятно, что двигало Шолоховым: он видел во второй части абзаца подробности, не вошедшие в предыдущую часть. Истина, однако, в том, что подробностям этим в тексте вообще места нет. Вторая часть, в которой самый снисходительный взгляд не обнаружит художественных достоинств, а только протокольные, — для книги лишняя. Для книги, но не для автора. Автору она была нужна, чтобы написать первую часть.

«В двадцатых числах апреля верховые станицы Донецкого округа откололись».

Был образован свой округ, наименованный Верхне-Донским.

Окружным центром избран Вешенская, многолюдная, после Михайловской, вторая в области по величине и многочисленности хуторов станица. Образовались

Шумилинская,

Каргинская, Боковская станицы. И Верхне-Донский округ, оттягавший себе двенадцать станиц и одну хохлячью волость,

зажил обособленной от центра жизнью.

«В состав Верхне-Донского округа вошли станицы бывшие Донецкого округа:

Казанская, Мигулинская

Шумилинская, Вешенская, Еланская,

Каргинская, Боковская,

Пономаревская волость (...)

Что же касается «бывших станиц Усть-Медведицкого и Хоперского округов», то и они в тексте не пропали: «(...) Верхне-Донской округ, оттягавший себе двенадцать станиц (...)». Подсчитав число станиц по округам мы убедимся, что их действительно — двенадцать.

Итак, мы видим, что состав Верхне-Донского округа дан нам дважды в двух видах: в художественном тексте и в ведомости. Причем в соответствии с объявленным в начале абзаца замыслом говорить только о верхних станицах бывшего Донецкого округа, автор только о них и говорит. Из списка (во второй части абзаца) в первой части отсутствуют станицы Мигулинская, Казанская и Еланская. Рассказ о них помещен во фразу, непосредственно предшествующую нашему абзацу:

[1929] «День спустя уже цвели по всему округу красные флажки скакавших по шляхам и проселкам нарочных. Станицы и хутора гудели. Вверх ногами летели советы, и наспех выбирались атаманы. К Мигулинской и запозданием шли сотни Казанской и Вешенской станиц» и непосредственно следующим за ним:

«Окружным атаманом дружно избран был казак Еланской станицы [...]».

Теперь, когда строение разобранного фрагмента более или менее ясно (вторая часть — заметки для написания первой), перейдем к странностям самой второй части.

Что это за стиль: «станцы бывшие Донецкого округа»? В послевоенных изданиях Шолохов отделил первое слово от второго запятой, так что получилось: «вошли станицы, бывшие

Донецкого округа». Что в лоб, что по лбу! Ведь даже при скудном образовании понятно, что запятой дела не исправишь, а нужно менять порядок слов: «вошли бывшие станицы Донецкого округа», и их перечислить, а затем: «бывшие станицы Усть-Медведицкого» (с перечислением), а далее — «и Хоперского округа» (с перечислением). Вот как надо! Мы, однако, не редакторы, а текстологи, и задача наша иная — восстановить первоначальный облик рукописи. Все грамматические несуразности исчезают, если оригинал имел следующий вид:

«В состав Верхне-Донского округа вошли станицы

бывшие Донецкого округа:

- (1) Казанская
- (2) Мигулинская
- (3) Шумилинская
- (4) Вешенская
- (5) Еланская
- (6) Каргинская
- (7) Боковская

Пономаревская волость

бывшие Усть-Медведицкого:

- (8) Усть-Хоперская
- (9) Краснокутская
- и Хоперского округа:
- (10) Букановская
- (11) Слащевская
- (12) Федосеевская»

Вот этот-то список, служивший справочным материалом, Шолохов, ничтоже сумняшеся и (по мере разумения) расставив запятые, вставил в текст. Так эта справка там навсегда и осталась.

ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ.

Выше мы говорили о сходных местах в главах десятой и двенадцатой части третьей. Обратимся теперь к тому, что их разделяет. Разделом служит одиннадцатая глава, представляющая собой дневник убитого казака-студента, найденный Григорием Мелеховым.

К «Дневнику» мы будем еще возвращаться неоднократно, а пока обратим внимание на одну его особенность — хронологию. Здесь мы позволим себе привести пространную цитату из статьи Г. Ермолаева «Политическая правка «Тихого Дона» («Мосты» [Мюнхен], № 15, 1970, с. 268—269):

«... путаницу внесли в сюжет поправки, сделанные в датах извещения коман-

дира сотни о смерти Григория и письма Петра, сообщающего о том, что Григорий жив. В журнальном тексте 1928 года командир сотни в извещении от 19 августа 1914 года ст. ст. писал, что Григорий убит в ночь на 17 августа. Это не увязывалось с датами и содержанием двенадцатой, тринадцатой и двадцатой глав, из которых следует, что Григорий был ранен под местечком Каменка-Струмилова [у Шолохова: Каменка-Струмилова] 16 августа в полдень, вернулся в полк примерно 19 августа и спустя двое суток был вторично ранен и отправлен в Москву. При первой же возможности день смерти Григория в извещении командира был перенесен на 16 августа (хотя слова «в ночь на» остались), а дата написания извещения изменена на 18-е. При подготовке издания 1953 года было, наверное, обнаружено, что Григорий не мог быть ранен ни шестнадцатого, ни двадцать первого августа, потому что в одиннадцатой главе сообщается, что он, до своих ранений, нашел у убитого казака-добровольца дневник, обрывающийся на записи от 5 сентября. Чтобы отправить автора дневника на фронт как можно скорее и убить его еще до первого ранения Григория, пришлось бы основательно переработать содержание и датировку дневника, занимающего в романе двадцать пять страниц. Шолохов избрал более легкий путь. Он передвинул вперед на месяц даты в извещении командира сотни, так что с 1953 года извещение датируется 18 сентября и сотенный пишет, что Григорий был убит под Каменкой-Струмиловой в ночь на 16 сентября. Ровно на месяц вперед была передвинута и дата письма Петра, сообщавшего о ранении Григория. Но заставив командира сотни выдумать бой под Каменкой-Струмиловой в то время, когда она уже была глубоким тылом, Шолохов не сделал никаких поправок в своем повествовании о боях у этого местечка и о ранении Григория. [...] Шолоховская поправка не вяжется также с оставшимся в тексте заявлением, что в Москве, по прибытии туда раненого Григория, «чувствовалась осень». Наступление осени в Москве было приурочено к ранению Григория 24 августа ст. ст., а не месяц спустя.

Г. Ермолаев совершенно прав. Внешние в текст изменения привели к полному абсурду. Заметил Ермолаев и то, что ситуация была абсурдной изначально (в журнальной публикации 1928 года). Но странной представляется не только хронология «Дневника». Странен и сам «Дневник». Зачем он? Ермолаев, и по сей день убежденный в авторстве Шолохова, таким вопросом не задается. Но у нас перед Шолоховым обязательств нет. Поэтому мы спросим еще

раз: какая связь между «Дневником» и романом в целом?

Фабульно они почти не связаны: дневник случайно попадает в руки Григория Мелехова, который его даже не раскрыл, а «книжку передал в штабе писарям, и те, скопом перечитывая ее, посмеялись над чужой коротенькой жизнью и ее земными страстями»; автор «Дневника» встретился в Москве с Елизаветой Моховой — одностаничницей Мелехова, но сама Елизавета в последующем тексте романа появляется лишь однажды — единственный раз (глава седьмая части четвертой), да и то в опосредствованном виде — в размышлениях купца Мохова над ее письмом («Чужая она мне. И я ей чужой. Грязная девка, имеет любовников... а маленькой была белокурой и родной... Боже мой! Как меняется все...»); что же касается автора «Дневника», то ни он сам, ни дневник его никем и никогда более не упоминаются... Если же прибавить к этому хронологические неурядицы, то станет ясно, что с «Дневником» что-то не в порядке. Чужой он роману. И роман ему чужой.

Но так было не всегда:

«24 августа. Прошел первый санитарный поезд. На остановке из вагона выскочил молодой солдат. Повязка на лице. Разговорились. Ранило картечью. Доволен ужасно, что едва ли придется слушать. Смеется».

Сравним с этой дневниковой записью следующий отрывок из двадцати первой главы той же третьей части:

«Вагон мягко покачивает, перестук колес убаюкивающе сонлив, от фонаря до половины лавки легла желтая взесь света. Так хорошо вытянуться во весь рост и лежать разутым, дав волю ногам, две недели парившимся в сапогах, не чувствовать за собой никаких обязанностей, знать, что жизни твоей не грозит опасность, и смерть так далека. Особенно приятно вслушиваться в разнобоистый говор колес: ведь с каждым оборотом, с каждым рывком парвоза — все дальше фронт. [...]

Тихую, умиротворенную радость нарушила боль, звеневшая в левом глазу. Она временами затихала и внезапно возвращалась, жгла глаза огнем, выжимала под пальцами колючие невольные слезы. [...]

После долгих мытарств Григорий попал в санитарный поезд. Сутки лежал, наслаждаясь покоем».

Совпадения бросаются в глаза: ранение в глаз, повязка, санитарный

поезд, радость («доволен ужасно, что едва ли придется служить...») — «Так хорошо [...] знать, что жизни твоей не грозит опасность, и смерть так далека. [...] с каждым рывком паровоза все дальше фронт!».

И уж совсем к месту оказывается хронология: Григорий Мелехов ранен 21 августа, а запись в дневнике датирована двадцать четвертым числом. Разница в три дня легко объяснима: автор дневника встречает раненого в глаз солдата 24 августа, но лишь двадцать седьмого — через три дня — попадает в свой полк.

Иными словами, практическое совпадение датировки дневника и события в жизни Григория Мелехова есть, по всей видимости, не следствие неувязки, а след нереализованного фабульного узла (или целой фабульной линии), предполагавшего встречу автора дневника и Григория Мелехова на одной из станций 24 августа 1914 года.

В дальнейшем замысел меняется: Григорий находит дневник в кармане трупа; 24 августа из санитарного поезда на перрон выскакивает «молодой солдат», а не казак; ранение в глаз получено от картечи, а не, как в случае Григория, — от разрыва авиабомбы. Остался последний шов — хронология.

Истинный автор романа знал эволюцию своего замысла, знал он и то, какой цели служила хронология. Только Шолохову это было невдомек, и он на хронологию не обращал внимания двадцать пять лет; когда же обратился — справиться с ней не смог.

ДВА СТУДЕНТА. На одном из сборищ, организованных большевистским агитатором Штокманом в курене Лукешки-косой, «дураковатый» Христоня рассказал о своей службе в карауле Зимнего дворца.

«[...] припало раз верхи несть караул. Едем как-то с товарищем, а с угла студенты вывернулись. И видимо и невидимо! Увидели нас, как рывкнут: «Га-а-а-а!» Да ишо раз: «Га-а-а!»... Не успели, стал быть, мы вспапашиться, окружили. «Вы чево, казаки, разъезжаете?» Я и говорю: «Несем караул, а ты поводи-я-то брось, не хватай!» — и за шашку. А он и говорит: «Ты, станишник, не сумневайся, я сам Каменской станицы рожак, а тут учење прохожу в ниверси... ниворситуте, али как там» [глава 9, часть 2].

В дальнейшем один «носатый» сту-

дент зло подшучивает над темными казаками и дарит их десятирублевой, прося выпить за улокой души студентова папаша, портрет которого он им также вручает. Изображенный на портрете «папаша» оказывается Карлом Марксом. Просветить Христоню относительно совершенных Марксом добрых дел Штокман, ссылаясь на поздний час, отказывается, обещая рассказать в дальнейшем, но обещания своего, видимо, не исполняет (на следующей сходке разговор идет о близящейся войне / глава 16, часть 2/, а уже в первой главе части третьей Штокмана арестовывают). Более ни герои, ни автор об этом эпизоде не упоминают. Тем не менее своеобразное отражение его мы обнаруживаем совсем в другом месте и в другом времени — в «Дневнике» убитого казака-студента, в записи от 1 мая 1914 года:

«1 мая. Ознаменован сей день событием. В Сокольниках во время очень безобидного времяпрепровождения напоролись на историю: полиция и отряд казаков, человек в двадцать, рассеяли рабочую маевку. Один пьяный ударил лошадь казака палкой, а тот пустил в ход плеть. [Принято почему-то называть плеть нагайкой, а ведь у нее собственное славное имя, к чему же!...] Я подошел и ввязался. [...] Ввязался и сказал казаку, что он чапура и кое-что из много-прочего. Тот было замалхнулся и на меня плетью, но я с достаточной твердостью сказал, что я сам казак Каменской станицы и так могу его поместить, что чертам станет тошно. Казак попался добродушный, молодой; служба, видно, не замордовала еще. Ответил, что он станицы Усть-Хоперской и биток по кулачкам. Мы разошлись мирно. Если б он что-либо предпринял в отношении меня, была бы драка и кое-что похуже для моей персоны» [кн. 4, ч. 3, гл. 11].

Как мы видим, фабульные различия двух повествований значительны: Христоня служил в Петербурге в Зимнем дворце, казак-студент встречается казака-солдата в Москве в Сокольниках; в Петербурге происходит студенческая демонстрация, в «Дневнике» собрались на маевку рабочие...

Остаются детали: студент, уроженец станицы Каменской, встречается с казаком во время противозакононого сборища.

Какие выводы можно сделать из этих совпадений и различий?

У нас уже был случай убедиться, что соотносимость записей в «Дневнике» с прочими событиями романа менялась. Разумно поэтому предположить, что перед нами еще один след, указывающий на эволюцию романной фабулы, а именно: на одном из этапов работы предпологались столкнуть автора «Дневника» с одним из персонажей (Христойней). Однако Христоня демобилизовался со срочной службы еще до начала повествования, в силу чего не имел никакой возможности разгонять демонстрации в 1914 году. Свет на возникшую проблему проливает сам «Дневник»:

«7 мая [1914 г., то есть после маевки.— Б. С.] [...] Брился в парикмахерской на Тверской. Вышел оттуда свежим галантерейным приказчиком. На углу Садовой-Триумфальной мне улыбнулся городской. Этакий плутишка! Ведь есть что-то общее у меня с ним в этом виде! А три месяца назад! Впрочем, не стоит ворошить белые истории...

Что это за загадочная фраза? Что за белое, какой истории? Что могло не нравиться городовому в нашем герое, и именно т р и м е с я ц а н а з а д?

За три месяца до 7 мая 1914 года на дворе стоял февраль. Автор «Дневника» студент, значит неприятности с городовыми могли возникнуть при студенческих волнениях, и автор «Дневника» в этих волнениях участвовал (так, он специально отмечает, что драка с казаком могла повлечь «еще кое-что похуже» для его персоны, то есть персона его не вовсе была неизвестна полиции). Правда, в феврале 1914 года студенты в Москве не бунтовали... Но что мешает нам видеть здесь свободное творчество, не привязанное рабски к календарю? Ничто не мешает. Разве что только привязанность к нему самого автора «Дневника»:

«Друг Вася, я сознательно ровняю слог, прибегаю даже к образности с тем, чтобы в свое время, когда сей «дневник» попадет к тебе в Семипалатинск [есть такая мысль: по окончании любовной интриги, которую завел я с Елизаветой Моховой, переслать тебе его. Пожалуй, чтение этого документа доставит тебе немалое удовольствие], ты имел бы точное представление о происходившем. Буду описывать в хронологическом порядке».

Еще одна запись:
«3 мая. Запойное настроение. [...] Приходил Володька Стрежнев. Завтра иду на лекции».

«Иду на лекции» — это значит пойти учиться. Странно, что студент либо отмечает такое событие. Каникул до этого вроде не было, праздников особых тоже не отмечено (Пасхальная неделя, например, в тот год началась 6 апреля). Может быть, по какой-то причине до 3 мая не было занятий? Что за причина? ..

Или, скажем, друг Вася. Они с автором «Дневника» приятели, но не земляки: Вася в Семипалатинске, а автор — донской казак. Скорее всего, они были знакомы по Москве, потому что в Москве у них общий приятель — Володька Стрежнев. Но при чем здесь Семипалатинск? Еще один случай свободы авторской воли?

Но ведь Семипалатинск место не нейтральное. Более того, знаменитое: именно в Семипалатинске в 1854—1859 годах отбывал ссылку в рядах Сибирского седьмого линейного батальона Ф. М. Достоевский. Обстоятельство это тем болеестораживает, что семипалатинский Вася — несомненный литературный адресат («Дневник» — литературное произведение; с какой иной целью его автор «сознательно ровняет слог» и «прибегает даже к образности»?).

Подведем некоторый итог: место действия — Москва; автор — студент; в феврале у автора «Дневника» были какие-то осложнения с полицией; московский друг Вася находится в Семипалатинске — классическом месте ссылки; в «Дневнике» отмечен майский день, когда автор собрался на лекции.

Соединению этих разрозненных сведений послужит, быть может, то, от чего устранился автор «Дневника». Итак, поворочим белую историю.

Место действия — Москва. Где учится наш герой? 13 августа, вспоминая невозвратное довоенное время, он записывает: «Жил-был, здравствовал, изучал математику и прочие точные науки...»

Значит, студент-естественник. При этом он не разделяет «alma mater» ни со студентом Московского Технического училища Боярышкиным, ни с медичкой Елизаветой Моховой. Припомним, однако, усилия Христойней выговорить заветное слово («нивер-

си... ниворситут, али как там») и допустим, что автор «Дневника» был студентом университета.

8 ноября 1910 года студенты Московского Императорского университета собрались на грандиозную сходку, посвященную памяти Льва Толстого. Сходка была разрешена администрацией университета. Затем последовала сходка уже никем не дозволенная в здании Юридического факультета (11 ноября, 2000 студентов), 14 ноября 1500 студентов вышли на улицу и были разогнаны полицией. 17 ноября принимается решение об объявлении трехдневной забастовки в знак протеста против арестов, произведенных 14 ноября. 4 декабря — опять трехдневная забастовка, на этот раз студенты протестуют против истязаний политических заключенных в Вологодской тюрьме и на каторге Нового Зарентуя. В ноябре-декабре министерство народного просвещения издает приказ об исключении из университета нескольких десятков студентов. Студенты, со своей стороны, назначают на 27 января 1911 года сходку по поводу новой забастовки, на этот раз забастовки солидарности со студентами Санкт-Петербургского университета, решившими бастовать весь весенний семестр. 2 февраля 1911 года уволена университетская администрация. С начала февраля занятия практически прекращены. 16 февраля 1911 года министр народного просвещения Л. А. Кассо издает приказ об исключении 370 студентов, а всего с 11 февраля по 4 марта из университета было исключено более тысячи студентов, из них несколько десятков подверглись аресту, а сотни высланы из Москвы*. «Московский университет — разгромлен, — писал М. Горький И. Бунину в феврале 1911 года, — да и все едва держатся. Тяжело все это и грозит страшной, кровавой отрыжкой»**.

С тех пор значительных студенческих выступлений в Москве не было до самого 1917 года.

Попытаемся наложить данные «Дневника» на события 1911 года.

* История Московского университета. М., Изд-во Московского университета, 1955, т. 1, с. 537-545.

**Горьковские чтения. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 58.

«Три месяца назад», то есть в феврале 1911 года встреча с городовым действительно не предвещала студенту университета ничего приятного. «Кое-что похуже для (...) персоны» студента драка с казаком могла представлять в том случае, если студент был до этого под арестом: при освобождении из-под ареста давали подписку о неучастии в противозаконных собраниях (здесь — маевка).

В Семипалатинск московский друг Вася попадает, будучи выслан из Москвы («Семипалатинск» — указание на причину переезда).

Понятно и то, почему автор «Дневника» отметил день посещения лекций, — это был день возобновления занятий в университете.

Если допустить, что наше предположение соответствует истине, то получает решение и проблема, поставленная нами в начале главы: сходство рассказа Христоня и записи в «Дневнике» от 1 мая. Эпизод столкновения казака-солдата с казаком-студентом предполагалось, видимо, описать с двух различных точек зрения глазами двух участников. Однако событие это относилось к 1911 году. Из чего следует важнейший для нашего исследования вывод: в момент написания «Дневника» роман не предполагал описания в описании. Лишь в дальнейшем, перерабатывая первоначальный вариант, Автор перенес воспоминания Христоня в Петербург, а «Дневник» передвинул на три года вперед. Часть «Дневника», описывающая объявление войны и военные действия, присоединена к первой — «любобной» — совершенно механически:

«4 июля.

Работа покинута мною. Я покинут Елизаветой. Пили сегодня с Стрежневым пиво. Вечер пили водку. Расстались с Елизаветой, как и полагается культурным людям, корректно. Безо всяких и без некоторых. Сегодня видел ее на Дмитровке с молодым человеком в жокейских сапожках. Сдержанно ответила на мой поклон. На этом пора уж и кончить записки — и ссыяк родник.

30 июля.

Приходится совершенно неожиданно взяться за перо. Война».

«Дневник» так никогда и не стал органической частью романа. Первоначальная связь (Христоня) была разорвана, новые (встреча с раненым

Григорием) не установилась (отсюда вся хронологическая несурaziца).

Но есть и еще одна замечательная подробность:

«Один пьяный ударил лошадь казака палкой, а тот пустил в ход плеть. (Принято почему-то называть плеть нагайкой, а ведь у нее собственное славное имя, к чему же!..)».

О чем идет речь? К чему эти лингвистические разыскания?

А вот к чему — к песне.

Песня «Нагаечка» была сложена в связи со студенческими волнениями 1899 года, начавшимися разгоном демонстрации студентов в Петербурге 8 февраля 1899 года. Начало ее было таким:

Задумал наш царь народ удивить,
Пулей, нагайкой народ задушить.

а припев таким:

Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,
Вспомни, как гуляла ты восьмого февраля.

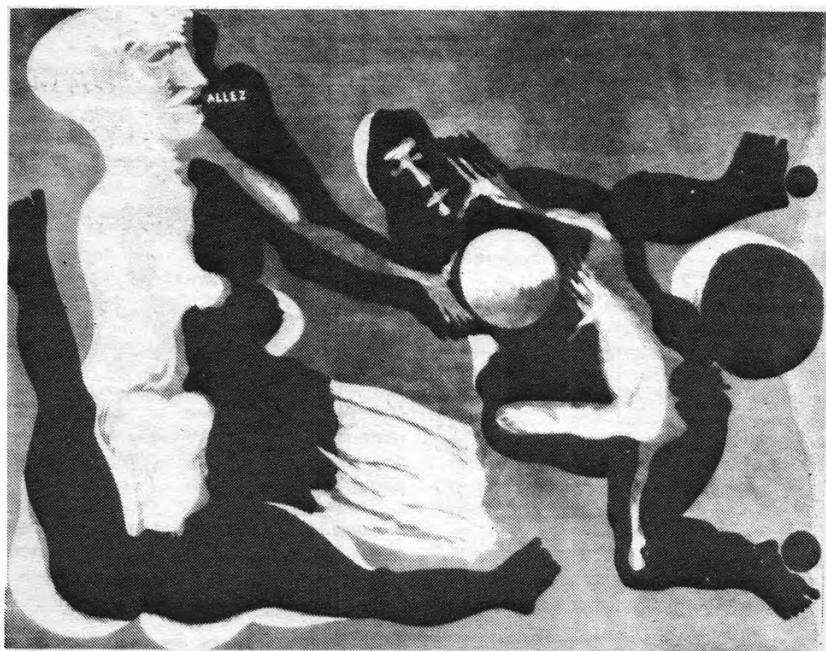
Именно на месяц февраль и должна была указывать ламентация по поводу названия плети: на февраль 1911 года.

А теперь выразим недоумение. Какому автору 1927 года (год представления романа в редакцию журнала «Октябрь») могло прийти в голову рассказывать о революционной борьбе московского студенчества и а м е к а м и, причем намеками, абсолютно недоступными читателю?

А что если «автора 1927 года» не было?

Тогда все становится на свое место. Был «автор 1911 года», писавший (задумавший писать) роман по следам событий и лишенный возможности прямо сказать о разгроме Московского университета в феврале этого года. Автор, читателям которого не нужно было «ворoshить бельё истории», потому, что историей этой был их собственный вчерашний день.

(Продолжение следует)

Семен Шегельман. Алле! 1970.

И ПРОЗА И СТИХИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Есть разные типы художников: одни создают мир, другие — литературу или литературную традицию. И читатель, даже не обладая профессиональной подготовкой, непременно чувствует эту разницу. Между, допустим, Платоновым и Олешей, Булгаковым и Катаевым, Есениным и Мариенгофом и — ближе к нашим дням — Искандером и Аксеновым, Окуджавой и Вознесенским. Параллельные ряды можно множить и вне рамок отечественной словесности, которой ее создатель Пушкин привил ощущение самодостаточной, всеобъемлющей цельности. Писатель, принадлежащий к современной литературе и не отрекшийся от культурной преемственности, должен обладать мужеством, чтобы отважиться на строительство собственного мира.

У Давида Самойлова при жизни была репутация мастера. За похвалами высокому профессионализму не упускались ли, однако, из виду (а быть может, и не были видны) более существенные черты, определяющие писателя не по рангу, а по самому художественному устроению. Самойлов как раз из тех творцов мира, что несуетно, негромко и неспешно заполняют его ячейки, исходя из вечных основ, а не мимолетных впечатлений. И кажутся при этом too слишком традиционными, too слишком ясными и трезвыми. Спокойная, лишенная надрывности манера долгое время путала карты критикам, искавшим и не находившим в себе тот эмоциональный раздражитель, благодаря которому уда-

лось бы проникнуть в замкнутую систему письма. Самойлов если и полемичен, то не по отношению к читателю, даже не согласному с ним, а в отношении представлений, расходящихся с его духовными устоями.

Непрерывность нравственной и культурной традиции — краеугольный камень самойловского творчества. И это касается не одной лишь поэзии, а всего писательского наследия. Наряду с прозаическими опытами Давид Самойлов работал в разных жанрах: писал пьесы, детские и взрослые, сценарии мультфильмов, песни для спектаклей, занимался литературоведением («Книга о русской рифме» и ряд специальных статей), активно участвовал в текущем литературном процессе, выступая с рецензиями на сборники собратьев по перу, не говоря уже о переводах стихов — из них можно составить несколько разноязычных антологий.

Если видеть за жанровой многоликостью не только чувство материала, диктующего ту или иную форму воплощения, но и личностное наполнение, разнообразие душевных состояний, то и в этом проявляется широта охвата мира.

Читатель впервые познакомится с одной из глав прозаической книги Д. Самойлова «Памятные записки»¹. Эта глава — «Из дневника вось-

¹ Начальные главы книги — «Дом» и «Квартира» — опубликованы в журнале «Знамя», 1990, № 9.

Часть третья, военная, в сокращенном виде — в журнале «Аврора», 1990, № 1, 2.

мого класса» — относится к первой части книги, повествующей о детстве и юности. Собственный дневник здесь берется в качестве документа времени. Сложные, трагические, а в чем-то сознании — ликующие и победоносные тридцатые годы увидены глазами подростка. В счастливом и ясном оточестве, однако, уже намечены пунктиром будущие конфликты с эпохой, идущие скорее от сердца, чем от ума. Но там и вариант ответа на вопрос: как это могло случиться? И свидетельство, не спрямленное позднейшим пониманием, что личное время расходится с объективным составом социального: действует не только инстинкт самосохранения, а и какие-то другие силы, перекрывающие по объему политику, развернутую на плоскости.

В сущности, та же мысль лежит в основе небольшого эссе о стихотворении Пастернака «Свеча горела». Написанное в начале 70-х годов, оно отражает отношение не только к пастернаковскому шедевру, но и личный способ реакции на удручающие объятия социальной системы: не уход из жизни, а выход в жизнь. И высшее ее значение по сравнению с попытками любых временщиков полонить и ископить человеческую душу. Метафизическая устремленность сочетается с анализом текста, сделанным необычайно демократично, без высоколбой профессиональной отрешенности от читателя, с той «последней простотой», которая сама есть уважение к главным ценностям бытия.

«Железная эпоха», выпавшая на долю фронтовому поколению, к которому принадлежит Давид Самойлов, наложила и на него, художника гармонического склада, свой отпечаток. Естественный элемент трагедийности, идущий от глубины жизни, был усилен социальными обстоятельствами, необходимостью не только обретения внутренней свободы, но и отстаивания ее на уровне текста: отсюда скрытая энергия сопротивления — не моменту, а порожденному им искажению общечеловеческих истин. В стихах послед-

него периода (восьмидесятых годов) — беспощадное зрение и тотальное поэтическое одиночество. Только ли близость собственного предела навела строки, полные сдержанной боли и нетеперешней разрешимости? Отнесенность к скрытому в тумане будущему заключает в себе веру в неуничтожимость великой страны и великой культуры, веру без личной надежды на скорое и безжертвенное утрашение распавшегося миропорядка.

Озабоченность судьбой Родины — прямой предмет разговора в очерке «По поводу переписки Эйдельмана с Астафьевым». Потребность публицистического высказывания была у Самойлова постоянной и оставалась, как правило, втуне. Тут срабатывала неприязнь к моде, к спросу дня на то или иное мнение, а также нежелание числиться в определенных обоямах и лагерях. Тяжелая черта современного воспитания — локализация любого интеллектуального взгляда в черно-белом варианте — не торопила с обнародованием выношенной и выстраданной позиции¹.

Размышления о России, об ее историческом опыте и предназначении — основная тема самойловских студий, отразившихся не только в отдельных заметках, но и в прозаической книге, в дневниках и записных книжках. Ее еще предстоит освоить как с публикаторской, так и с исследовательской точек зрения.

¹ Письма эти ходили по рукам, публиковались на Западе; напечатаны в «Даугаве» № 6 за 1990 г. И тот и другой корреспондент считали эти письма «открытыми» и явно хотели, чтобы к ним было привлечено всеобщее внимание. Д. Самойлов высказал свои соображения pro domo sua (что иногда переводится как «для домашнего употребления»), имея в виду не широкую аудиторию, а всего лишь ближних и дальних собеседников. Позиция Д. Самойлова — «над схваткой» — и острая необходимость слышать здравосмысленный голос в период ожесточенного «разгласия», думается, оправдывают и эту публикацию.

В ПЯРНУ

Когда-то странный пилигрим,
А в общем, вечный домосед,
Сюда я прибыл.

Тонкий дым
Тумана и неверный свет.

Когда-то сухопутный гость,
Живу близ моря.

Тонкий дым

Тумана. И сухая ость
Прибрежных камышей. За ним —
Деревь паркa, где темно
В тени. По зарослям густым
Гуляет ветер.

Тонкий дым

Тумана.
Все обнажено.

I. ИЗ ДНЕВНИКА ВОСЬМОГО КЛАССА

Евгения Васильевна Можаровская не была родной дочерью Василия Яна¹. Не знаю, вследствие каких обстоятельств дочь кыпчакской княжны Бурмантовой попала к Василию Григорьевичу и была им удочерена. Видимо, обстоятельства эти были известны Евгении Васильевне, ибо фамилию ее матери взял псевдонимом ее муж, писатель Николай Иванович Можаровский-Бурмантов, автор любопытной исторической повести «Смерть Уара».

Все это выплыло на свет после нечаянной смерти Марии Алексеевны². Но так как явно относилось к романтическому периоду жизни Яна, у меня не хватало смелости расспрашивать о подробностях этой истории.

В облике Евгении Васильевны явно проявлялось ее восточное происхождение. Она была небольшого роста, брюнетка, глаза чуть раскосые и татарские скулы. Все это, впрочем, не лезло в глаза, а понималось лишь потом, потому что в воспитании Евгении Васильевны, в ее хорошей образованности, в манере держаться и речи не было решительно ничего инородческого.

Евгения Васильевна была женщина литературно одаренная, живая, легкого характера и склонная к увлечениям. После развода с Николаем Ивановичем эта склонность сильно украшала ей жизнь. Она всегда окружена была поклонниками, которые, как дело доходило до женитьбы, давали задний ход. Но тут же появлялись новые, и Евгения Васильевна, истинная душечка, становилась то любительницей музыки, то поклонницей поэзии, то сторон-

ницей серьезных прозаических жанров. Литературу, однако, она действительно хорошо знала и любила, и, видимо, вследствие этого большинство ее пассий были писатели. За одного из них, Данилу Романенко, она со временем вышла замуж и, как говорят злые языки, написала за него историческую повесть «Ерофей Хабаров», как прежде будто бы сильно способствовала написанию «Смерти Уара».

После периода увлечений Евгения Васильевна занялась историей театра, переводила книги по театру и читала лекции в ГИТИСе, где оставила по себе добрую память.

Я, однако, вернусь в ту пору, когда Евгения Васильевна была молодой и служила для нашей семьи одним из окошек в литературный мир.

На сей раз она пришла к нам в гости в сопровождении молодого поэта и критика Ярополка Семенова.

Вот что писал я о нем, будучи в возрасте пятнадцати лет:

«Это молодой человек [лет около тридцати], высокий, красивый, с живыми глазами. Судя по его виду и речам, он кажется человеком искренним. Я, по крайней мере, просто влюблен в него».

Преодолев всегдашнее смущение, я читал ему стихи, и, как сказано в дневнике, **«он первый судил меня и указал мне мое место, мое призвание и мой путь».**

Была у меня тогда драма в стихах «Спартак», переделка одноименной повести В. Яна. Я прочитал Семенову песни оттуда.

«В этих песнях мне нравится честная работа, — сказал Ярополк. — Они похожи на хороший перевод, кропотливо и честно сделанный.

За рабочим столом. Пярун, 1989.

В них не видно еще самостоятельности, но если эта честность останется в тебе и впредь, то ты сможешь многое сделать».

Похвалил Семенов и мою историческую поэму «Жакерия». Я принялся за лирику.

«Лицо его было сурово.

— Знаешь что, а это хуже. Гораздо хуже.

Стихотворение это звучит протестом против всех блестящих формальных достижений. Я согласен, что современная поэзия тенденциозна, но не следует игнорировать хорошее... Ты сбился с пути. Представь себе снежное поле. Ты идешь по нему и вдруг стало легко идти. Ты смотришь и видишь, что идешь по чужим следам, мысль твоя идет

по уже проторенной дорожке. Но не забудь, что дорожка эта всегда ведет куда-то в сторону. Вот, например, твои анапесты ведут прямо к Надсону.

Я пообещал ему сойти с дорожки и протаптать ее самому».

Никто до этого так серьезно не говорил о моих стихах. Я был в восторге от его мыслей. Многие его предсказания сбылись впоследствии.

Вот какие мысли высказал тогда Ярополк Семенов:

«У тебя есть глубокий дар, но если ты хочешь чего-нибудь добиться, ты должен честно и упорно работать. Ты добьешься своего, если люди смогут сказать: „Он был образованнейшим человеком своего времени“».

О песне «Чапаев» сказал:

— Песенно, но твой жанр эпический.

— Мне нравится мысль твоего «Сна» (сугубо романтического стихотворения тех времен), хотя и сделан он слабо. «Сон» — это твой будущий путь. Ты будешь обращаться к этой теме много раз, но тебе она будет казаться вечно новой, и ты будешь находить все новые и новые слова для нее.

— ... Поэт должен быть одинаково самоуверен и недоверчив к себе.

— У тебя, мне кажется, большая воля. Хорошо, что ты веришь в себя.

— У тебя талант не такой, как у Есенина. У того он бил ключом. В тебе он скрыт. Его талант — самородок, твой — золотой песок. Много труда и времени нужно, чтобы извлечь из него золото. Ты не будешь, как Есенин, ты будешь, как Гете.

Последние слова окончательно сразили меня. И, кажется, еще больше поразили отца, молча и с некоторым недоверием слушавшего Ярополка.

— Ну что? — нерешительно спросил отец, поднимая бокал. — Можно ли пить за будущего поэта?

И Ярополк Семенов твердо ответил:

— Да!

Долго я с восторгом вспоминал Ярополка, но вскоре свидеться с ним не пришлось, ибо, наверное, он недолго оставался в окружении Евгении Васильевны.

Постепенно я забыл его наставления и предсказания и открыл их недавно, когда попался на глаза дневник 8-го класса.

Но с Ярополком Семеновым мне пришлось снова встретиться после войны, в самые трудные и голодные мои годы. Он, видимо, тоже кое-как перебивался, работая литконсультантом в газете «Московский большевик»: за гроши отвечал на письма графоманов. За письмо платили тогда десятку, деньги ничтожные. Все же Ярополк не справлялся с потоком графоманского творчества, и кто-то порекомендовал ему меня в помощники. Он дал мне пачку писем и потом исправно расплачивался со мной. Был я как-то у него дома (заносил работу), где застал некрасивую, поплекшую и измученную женщину, его жену. Кажется, были и дети. Сам Ярополк тоже слинял. Был на войне, кажется, офицером. Но литературная карьера не удалась. Мы почему-то не сошлись близко. Помню только, что Ярополк читал мне, тогда неизвестные, стихи Цветаевой.

Потом до меня дошли слухи, что Ярополк Семенов арестован (кажется, за те же цветаевские стихи). Больше я о его судьбе ничего не слышал.

Встречал людей, знавших его. Никто не мог мне сказать, при каких обстоятельствах был арестован Семенов и какова его дальнейшая судьба.

Забавен мой дневник восьмого класса, откуда извлек я запись о Ярополке Семенове. В дневнике этом немало словесных красотостей, пустого тщеславия и пустословия. Именно это было причиной чувства стыда за себя, когда я в молодые годы наткнулся на свои отроческие записи. Я сам себе сильно не нравился. И по какой-то случайности не уничтожил свою тетрадь. Только в зрелости, когда стал читать написанное чуть не полстолетия тому назад, обнаружил я и некоторые достоинства той личности, которая когда-то была «мной». Я увидел непосредственность и правдивость, умение точно изобразить состояние, живой ум, а иногда и краткую беспощадность суждений.

Вот, например, как описано любовное томление тех лет.

«Тело и ум тонули в каком-то приятном томлении. Комок сладкой тоски сжимал сердце. Неотразимое желание поработало волю, и только одна мысль была в голове: «люблю... люблю!»

Кого! Это было все равно. Далекий смех или песни, тихий шепот в тени пробуждали во мне бурное волнение. И долго не спал я, приходя домой. Слушал сонное бормотание спящих и мечтал. О чем я мечтал! Я даже не знаю о чем. Лишь расплывчатые женские образы мелькали в цветистом хороводе и из пестроты кружащихся мыслей смотрели на меня голубые глаза.

Ах, голубые глаза! Как часто я влюблялся в них в ту пору.

Весь дневник мой наполнен многочисленными и порой параллельными влюбленностями, еще совершенно лишенными вождения, но при всей романтической расплывчатости не лишенными известной трезвости ума и понимания перспектив.

«Она умна, он глуп. Это прочно», — пишу я об одном из своих увлечений. —

Чувствую нечто вроде ревности, вернее, обиду, что могут кого-то предпочесть мне».

Девочка из нашего класса дарит мне тетрадочку своих стихов с посвящением:

Тому лицу я посвящаю свои
труды,
Чей образ милый живет давно
уж в моей груди.

«Если бы тут не было слова «давно», — комментирую я, — то я принял бы посвящение на свой счет, но это проклятое слово меня удручает».

Милая девочка Наташа Ч! Каким благородством, чистотой души и ясностью ума веет от ее записок, приведенных в дневнике, в то время как я выламываюсь и щеголяю напускной мрачностью. С какой простотой признается она мне в ответном чувстве, и с какой черствостью я охлаждаю к ней, едва добившись этого признания.

Скверный малый! — могу сказать о самом себе с поздним раскаянием.

По незрелости души я просто не был достоин тогда ответного чув-

ства, потому что просто не знал, что с ним делать. Для меня плодотворной была любовь без взаимности, где бескорыстно расцветали страсти и я раскрывался с большой искренностью.

— Я не была влюблена в тебя, но очень тебе верила, — сказала мне лет через двадцать одна из моих безответных любостей.

Удовлетворив тщеславие сердца, я предавался рефлексии.

«Этот период моей жизни, как я сам чувствую, есть главная точка, из которой я буду исходить в дальнейшем. Впервые появилось желание мыслить и чувствовать мысли. Искания мои разделяются на поиски цели и идеи, на поиски Великого закона, Великой правды и на поиски своей личной этики, того, что «хорошо» и что «плохо».

Цель и идея жизни пока еще не очень ясны мне. В основном они сводятся к созданию общечеловеческого блага. Воображение рисует мне картины борьбы и гибель за идею или триумф поэта — певца общечеловеческой идеи».

Это «или» просто превосходно.

Далее следует, что общественное благо «в общих чертах» сводится к коммунизму Маркса и Энгельса.

«Не согласен я только в нескольких мелких пунктах, касающихся внутренней политики, в частности, с заимствованием многого из старого. Например, введение в революционную армию чинов считаю недопустимым».

«Великая правда» еще более туманна.

«Есть ли правда в нравственном усовершенствовании людей или ее следует искать в божестве, в вере!»

Но дальше какое-то доморощенное берклианство и суперменство: «Каждый человек должен стараться совершить великое. Великая подлость лучше, чем мелкая добродетель».

И уж совсем в другие ворота:

«Отречение от идеи возможно, ибо признание своей неправоты не возбраняется. Но отречение из выгоды или из страха — подлость».

И очень характерное:

«Самая гадкая вещь — ложь. Надо говорить правду или молчать».

Это «или» еще почище преды-

дущего. Но через сорок лет я написал:

Во имя зла не разжимать уста.

А любовь? «Она не похожа на глубокую любовь, о которой пишут в романах, но она непреодолимо влечет и иногда заставляет забывать многое».

Какая уравновешенная натура! Всегда противовесы, всегда «или», всегда по две возможности и — «многое», а не «все».

Я читаю не о себе, я даже способен судить этого подростка. Но где-то чувствую, что он паразитально похож на меня и что я сужу самого себя.

«Главной чертой наших отношений является непостоянство. Я объясняю это тем, что чувства в нашем возрасте не имеют особого характера целеустремленности».

Позже я объяснял это иначе.

Я склонен к дружбе и легок в ней. У меня много дружеских отношений. Но ближайшими друзьями считаю Феликса Зигеля и Жоржика Острецова. В восьмом классе мы учились в разных школах, но видимся часто.

«Обожаю я этого Зигеля! Он честен, горяч, влюбчив, вспыльчив; фантазер, добряк и идеалист; способен глубоко увлекаться и верить; благороден и открыт. Занимается астрономией и, несмотря на свои пятнадцать лет, занимает почетное место в Астрономическом обществе и даже имеет в своем ведении обсерваторию. В пылу увлечения он думает, что все обязаны интересоваться тем, чем интересуется он. Таскает меня и бедного Жоржа на обсерваторию [особенно достается последнему]. Кроме всего, он начитан в философии. Мы часто спорим [он отчаянный идеалист]. Мне нравится его искренность. Он верует в бога и, хотя это теперь не принято и может принести неприятности, не отрицает этого».

Совсем другого толка Жоржик. Он рассудителен, замкнут, не поддается никаким юношеским увлечениям, романов боится, весьма умен и принципиален. Всегда держит слово, уступчив в мелочах, но в главном непоколебим. Занимается шахматами, интересуется философией.

Мы составляем трио неразрывной дружбы».

Встретившись, мы обычно шлялись по улицам, сперва делясь душевными тайнами, а потом врезывались в философские споры. Это было месиво из недавно вычитанных мыслей и философских понятий. Мы с Феликсом колебались между марксизмом и берклианством. Жоржик склонялся к юмизму.

Под дождем, снегом часами торчали мы на углах улиц, рассуждая о свойствах вещей или о тождестве личности.

Споры эти были бесполезны. Постепенно из них выросло ощущение «своего» и «чужого». Присохла полиаризация. Меня все больше тянуло к диалектике, к марксизму с сильным креном в сторону гегельянства. Жорж предпочитал скептицизм.

А Феликс? Феликс, как сказано в дневнике, «докатился».

«Еще в прошлом году он начал увлекаться религией. Сперва это носило характер критический. Он заявлял, что у него нет учения, что он все ищет и все критикует. Одно время он даже объявлял себя атеистом и устраивал в школе антирелигиозные лекции. Но все же уклон у него был идеалистический. Читал Челпанова³ и все больше «сворачивался с пути».

К весне он объявлял себя идеалистом, но христианство отрицал. Он принимал бога в понимании Спинозы, то есть в некотором сродстве с материализмом.

Он обычно спрашивал: «Почему мы чувствуем материальное «я» слабее, чем духовное!» И одно время признавал две субстанции.

Возможно, что тут известную роль сыграло упрямство, но Зигель утвердился в своих взглядах. Он стал посещать церковь.

Часто ходил на проповеди митрополита Введенского, главы «обновленческой» церкви.

Я однажды был на его проповеди. Говорил он убежденно, спокойно, несколько туманно. В глазах его был фанатический огонь.

Под влиянием этого проповедника Зигель ударился в Евангелие и... «докатился».

Теперь он принимает христианство целиком, не рассуждая и не крити-

кую. И дошел до выводов чрезвычайных вредных.

1. Вселенная — создание бога. Бог — дух вне пространства и времени. Мы являемся частицей его.

2. Христос — бог, перевоплотившийся в образ человека, чтобы спасти человечество. Своими страданиями он искупает грех.

ПРИМЕЧАНИЕ. Как может бог страдать! Если он всемогущ, почему он не может освободить человечество от греха!

3. Единственная цель жизни человека — любовь, вера, служение Христу и христианству.

ПРИМЕЧАНИЕ. Что лучше: неверующая в Христа добродетель или любящий его грешник!

4. Единственная этика — христианская добродетель.

ПРИМЕЧАНИЕ. То есть правила, противоречащие всякому чувству и человеческой природе.

5. Все неверующие — полулюди.

ПРИМЕЧАНИЕ. Какая гадость!»

Дальше идет поток негодования на голову заблудшего Феликса, а также тревога за его судьбу. Но кончается так:

«А все же я преклоняюсь перед его верой и честностью».

Я, несмотря на всю нетерпимость времени, был терпим.

А время учило совсем другому. В школе шел спор о том, прав ли Симурден, убивая Говена¹. И большинство склонялось к тому, что прав.

«Честная борьба за идею — выше всего, — записывал я в дневнике. — Выше любви, выше ненависти, выше страданий, желаний, стремлений; выше благородства и чести».

Путем убийства, преступления, смерти, презрения, мучений должно достичь ее».

Это написано накануне 37-го года.

Я был воспитан в понятиях умеренных и гуманных. Эти понятия как-то странно уживались с жестокими идеями времени. И все же, в результате, понятия оказались долговечнее идей.

Я рос в среде аполитичной. Социальный слой, к которому я принадлежал по рождению, — средняя интеллигенция, — не пошел в революцию. Но и не встал против нее. Он медленно привыкал к власти. И даже готов был признать некоторые ее достоинства, поскольку политические катаклизмы и истребление сословий лишь краем задевали его.

Духовной миссией этого слоя оказалось сохранение понятий. И если в нашем обществе сохранились нормальные понятия о чести, достоинстве, терпимости, труде, назначении человека, то это результат незаметного труда наших отцов и матерей, «щипанных интеллигентов» 20-х и 30-х годов.

«Нужно быть честным и добрым . . . Я хочу быть честным и добрым . . .» — это, пожалуй, главный нравственный мотив дневника восьмого класса.

1) Ян (наст. фам. Янчевецкий) В. Г. (1874/75 — 1954) — русский советский писатель, автор исторической трилогии «Нашествие монголов» (романы «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю»).

2) Мария Алексеевна — жена В. Г. Яна.

3) Челпанов Г. И. (1862—1936) — русский психолог и логик.

4) Симурден и Говен — персонажи романа В. Гюго «Девяносто третий год».

II. [О СТИХОТВОРЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА «ЗИМНЯЯ НОЧЬ»]

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Почему запомнились эти строки? Почему стали знаменитей, чем тысячи описаний, изобличений и поэтических определений века? Может быть, потому, что в них заключена аллегория: метель — век и одинокий свет разума? Но таких аллегорий в поэзии

без счета, даже у албанского классика Наима Фрашери есть «Песнь свечи». Да и нету аллегории в этом гениальном стихотворении, ничего нет от аллегорического умствования. Все в нем подлинное, все «как было» — и огромная метель, и свеча на столе. И то, что метет «по всей земле, во все пределы» — лишь непосредственное ощущение огромности метели, данного ветра и снегопада, а не «вселенского запоя», не

фаустианского шабаша ведьм. Ведь дальше идет совсем конкретное:

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

И это означает, что метель где-то там, за окном, и все действие сосредоточено в кругу света, сконцентрировано в нем, и не холод, а жар — в атмосфере этого действия. И жаркие «ро» и «ра» определяют музыку строфы, отодвигая ледяные «ле» и «ло» и «ла». Музыка стихотворения конкретна и не звукоподражательна, как конкретны, но не описательны его зрительные образы. Потому что главная конкретность его — это конкретность чувства, протяженность которого сосредоточена в некоем мгновении, в световом круге. Из этого жаркого круга в расширяющееся пространство уходят блики и тени скрестившихся двух судеб, и в этот круг из пространства влетают «кружки и стрелы». И оно пульсирует вместе с колеблющимся светом свечи. Свет этот колеблется от дыхания и движения, от того, что дует из угла.

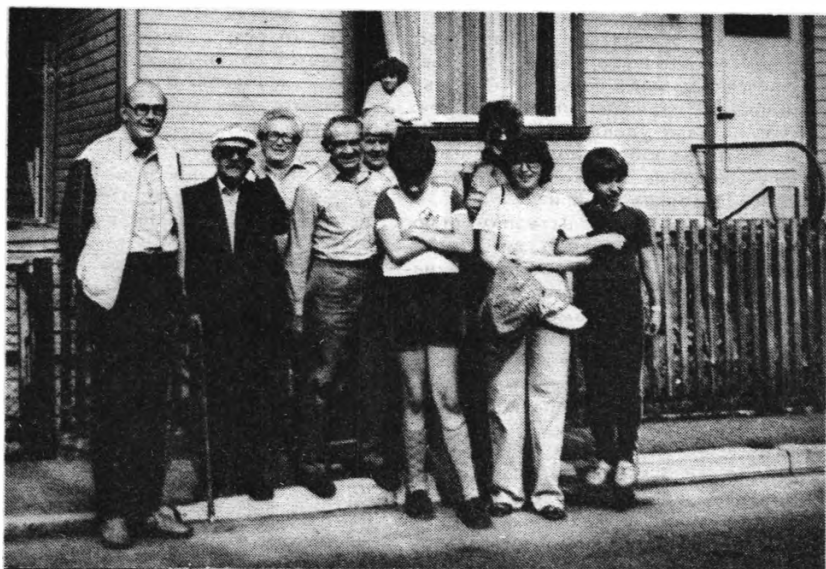
И все это с предельной точностью

определяет место действия, его обстановку и атмосферу.

Но не только яркость картины, ее физическая ощутимость так прочно запоминается читателем помимо его воли. Его поражает и потрясает содержательность чувства. Чувствующая личность не спасается в чувстве от мира, и обстановка стихотворения вовсе не «коробка с красным померанцем» раннего Пастернака, куда чувство замкнуто, где отделено.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Вожделие, чувство замкнутое, и замыкающее, наоборот, здесь разомкнуто, распахнуто, и удивительно, как образ зрительный, почти физиологический, обретает высочайшую духовность, как возрожденческая фреска, не отменяя телесного значения, придает ему сверхтелесное выражение страсти. Но и разомкнутость, распахнутость здесь не беспредельна — она широтой с размах ангельских крыл, но этим размахом определена в простран-

Слева направо: академик Б. Захарченко, Д. Самойлов, Ю. Абызов, З. Гердт и Т. Гердт, их сын Петр, Г. Медведева, Р. Казакова, ее сын Павел. В окне — дочь Д. Самойлова Варвара. Пярну, август 1985.

стве, не растекается в нем в бледную надмирную категорию растворенной во вселенной любви. Чувство так же пульсирует, как и пространство в этом стихотворении, Пастернак постоянно возвращает его в световой круг свечи. Вот почему так содержателен постоянный рефрен стихотворения:

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Но не только содержательность любви потрясает в «Зимней ночи». В ней есть нечто более важное, прямо не означенное, но одухотворяющее стихотворение, делающее его одним из самых любимых и значительных для нас стихотворений. Любовь здесь выступает как одно из высших проявлений личности. Но сам характер выявления любви свидетельствует о величайшей полноценности личности вообще. Пастернак говорит не только о свободе чувства, об освобождении в чувстве любви от давящих закономерностей

века. Не забиться, не уйти, не замкнуться. А раскрыться в свободе чувства и переживания. Таков высший смысл «Зимней ночи», ее смысл даже для тех, кто лишен любви. В стихотворении есть самоопределение внутренней свободы, отрицание всяких внешних ее критериев. В нем есть высший нравственный критерий, высший гуманизм, определяющий права «единственной» личности, права, которыми никто не вправе поступаться и на которые никто не вправе посягать. В постижении этих прав мир входит в световой круг свечи и расширяется до размера английских крыл. То есть находится в живых, пульсирующих отношениях с личностью.

Вот эта картина, этот образ, так ярко запечатленный в стихотворении и трудно излагаемый непоэтическими словами, и является главной причиной того, что небольшое лирическое стихотворение запомнилось нам среди огромного потока стихов последних двух десятилетий как одно из важнейших, определяющих наше эмоциональное состояние.

III. ПО ПОВОДУ ПЕРЕПИСКИ ЭЙДЕЛЬМАНА С АСТАФЬЕВЫМ

... Там высказаны две противоположные точки зрения. С третьей точки зрения обе посылки, исходные принципы этой переписки с обеих сторон мало удовлетворительны. И, несмотря на противоположность мнений, исходные принципы обоих авторов довольно близки.

Во-первых, своей нетерпимостью, отсутствием культуры демократического мышления (то есть признания возможности другой точки зрения), признанием возможности своей неабсолютной правоты и нежеланием понять собеседника.

С третьей точки зрения Астафьев не выглядит столь чудовищно, а Эйдельман столь правым.

Второе, что роднит обоих авторов, — это преобладание мысли о коллективной ответственности, об ответственности нации, а не индивидуальности. Это, собственно говоря, развитие первого недостатка: нетерпимости. Коллективная ответственность должна заменить понятие личной ответственности, совести и

вины; то есть понятие личности заменяется понятием некоего коллектива — национального или социального, который должен отвечать за проступки отдельных личностей, или даже более того, ошибки или преступления, допущенные в прошлом нацией, должны отплачиваться на поколениях, которые в этих преступлениях не участвовали. Коллективная ответственность в наше время является идеей губительной. Наверное, не всегда она была таковой, поскольку история развивается, и на каких-то низших стадиях человеческого развития, когда личность была недостаточно развита, должна была существовать некая коллективная ответственность — рода, семьи, племени. Для нашего времени это не годится, и на этом построены все самые жестокие системы современности. На коллективной ответственности происходило уничтожение различных классов, интеллигенции, священничества в России 20-х годов, на коллективной ответственности ба-

зировался принцип арестов 37-го года, когда сажали всю семью за мнимые или действительные преступления родителей, на коллективной ответственности базировалось раскулачивание, выселение семей и так далее. На этой же коллективной ответственности базировалась идея Гитлера об истреблении наций, не только еврейской, но и русской, украинской и других.

Наконец, третий существенный недостаток обоих авторов — в отсутствии у них подлинно исторического взгляда на явления, а попытка оценивать историю с точки зрения «хорошо» или «плохо», то есть с точки зрения не законов ее развития, часто нам непонятных и непостижимых для нас, а с точки зрения внешних моральных категорий... Всегда надо думать о том, кому «хорошо», кому «плохо». И как понимать это «хорошо» или «плохо»? К примеру, нашествие варваров на Рим было плохо, но то, что после разрушения Римской цивилизации варвары, воспринявшие ее, создали современную европейскую культуру — это хорошо. Значит, может быть, нашествие варваров было хорошо. Да и погиб ли Рим от нашествия варваров? Скорее всего от своих внутренних противоречий, от своей внутренней слабости, и вот из этих внутренних законов истории и следует судить любое событие и любую идеологию.

«Хорошо» или «плохо» можно, видимо, определить на следующем, более высоком этапе мышления, когда речь идет о цели существования человечества, о целях мироздания... Но в данном вопросе нам достаточно того этажа, с которого мы собираемся рассуждать.

В Астафьеве сильна боль за Россию, естественно, она должна вызывать сочувствие даже у его яростного оппонента. Эта боль искренняя, и боль, требующая выхода. Астафьевское ребяческое, неисторическое, непосредственное мышление хочет искать причин боли вовне: в бедах России, считает Астафьев, виноваты инородцы и интеллигенты.

Эйдельман яростно защищает инородцев и интеллигентов. Он описывает беды инородцев, которые они потерпели от России, и ссылается на высказывания Пушкина и Герцена,

забыв, что те выступали со своими высказываниями в другое время, когда проблема инородцев стояла в России иначе, поэтому они вовсе не применимы в наше время. Общие принципы хороши тем, что они применимы к разным обстоятельствам. Великие истины конкретны в любых обстоятельствах, а то, что они конкретны, — не великая истина. Вопрос об инородцах не может быть решен в общем виде. Инородцы так же вредили России, как и оказывали ей пользу, а с другой стороны, и Россия так же вредила инородцам, как и оказывала им пользу.

Дело в том, что Россия формировалась как империя, в ней формировалось имперское сознание, а империя предполагает сосуществование инородцев с основной нацией и постоянное взаимодействие, ассимиляцию и т. д. В этническом составе России довольно силен инородческий элемент, так что говорить о чистоте расы не приходится, Урал, Сибирь перемешаны с инородцами. Ассимиляция инородцев происходила по нескольким путям: путем скрещивания, путем религиозного приобщения к православию, как, например, исчезло целое мордовское племя тюрюхан в конце прошлого века — просто, приняв православие, они ассимилировались, наконец, культурная ассимиляция других народов.

В системе взаимодействия разных наций в пору формирования России можно отметить разные периоды. Например, татары были захватчиками во время татаро-монгольского ига, то есть отрицательным фактором, они наносили вред России, а потом, после покорения Астрахани, Казани, Россия стала наносить вред татарам. Крымские татары приносили вред России в пору Крымского ханства, а потом Россия нанесла им вред, вернее, империя нанесла им вред, когда их выслали в пору войны. От литовцев страдала Россия в свое время, от ее претензий на западные области России, — а потом Литва стала страдать от России. Немцы приносили пользу России в петровскую пору — и стали приносить вред в пору засилья немецкого первой трети XIX века в русской бюрократии. Евреи страдали от России в пору черты оседлости, а Россия постра-

Юрий Абызов и Давид Самойлов. Пярну, июль 1989.

дала от евреев в 20-е — 30-е годы, когда они участвовали в расстрелах гражданской войны, в истреблении социальных прослоек, в раскулачивании.

Взаимоотношения наций внутри империи всегда сложны, неоднозначны и не могут сводиться к понятиям «всегда вредно» и «всегда полезно», а кроме того, нация, поскольку мы отвергли с самого начала коллективную ответственность, не может отвечать за свои исторические деяния на протяжении всей истории своего существования. Не может поколение татар, живущее сейчас, отвечать за татарское иго.

Оба автора, и Эйдельман и Астафьев, высказывают отрицательные программы, что плохо, причем они не согласны друг с другом, не формулируя программы положительные. Впрочем, из отрицательной программы можно всегда извлечь и нечто положительное.

Скорее всего положительная программа Астафьева напоминает программу Солженицына. Не думаю, чтобы он, как человек воевавший и как человек русский, предполагал бы геноцид, истребление ино-

родцев, — ну хотя бы даже одних только евреев. Не думаю. Он хотел бы изоляции. Мы не вмешиваемся в ваши дела, а вы не вмешивайтесь в наши. Ну что же, такая программа предполагает изоляцию русской части империи, то есть России, то есть русских, от других ее частей, от других ее наций, и жизнь в своем коллективе, в котором, возможно, будут исправлены ошибки и возрождена духовная сила нации, сохранен ее моральный потенциал и достигнута некое социальное счастье.

Посмотрим, как же это может происходить. Если освободить Россию от инородцев, то надо инородцев освободить от России, то есть отсечь от нее Среднюю Азию, Закавказье, Молдавию, Украину, Белоруссию, Прибалтику, наконец, Якутию, Чукотку, Камчатку, Бурятию, — а как же быть с приволжскими народами: с чувашами, марийцами, удмуртами, татарами? Их тоже выделить? Какая же это получается Россия? Странная, продолговатая, узкая... Собственно говоря, получается Россия, которая не способна защищаться; Россия, которая всегда может быть подвергнута набегу,

в которой меньше половины населения нынешней империи — вот какую Россию предлагает Астафьев.

Трудности осуществления этого ясны всем, но, предположим, что мечта его об изоляции России, об ее уменьшении может сбыться: при каких-то обстоятельствах, может быть, трагических. Например, в пору поражения империи и ее расчленения. Ну что же, иногда поражение бывает не хуже победы. И поражение такого рода, которое выделило бы Россию, видимо, должно нравиться Астафьеву. Россия отделена от инородцев. Можно торжествовать.

Но Россию нельзя отделить от русской интеллигенции. Интеллигенция — второй враг Астафьева. Без интеллигенции не может существовать современная нация. Предположим даже, что в этом кругу поражения и выделения или подъема и возрождения два поколения русской интеллигенции потратят свои силы на самосознание, на восстановление, на издание Пушкина и Лермонтова без участия инородцев... Что же дальше? Интеллигенция все же живет по своим законам, по своим выработанным понятиям, по своим культурным потребностям, а потребности науки, потребности искусства в современном мире не могут быть закрыты и запеты в пределах какого-то одного государства или в пределах одной нации. Они требуют общения, контактов, взаимодействия идей — так это было, кстати, на протяжении всей истории интеллигенции, так это было в России, которая немало заимствовала и у Запада, а потом стала давать и ему. Взаимодействие культурных потенциалов — закон жизни интеллигенции. Тогда опять ломается идея изоляции. Сейчас-то она понятна, потому что в России меняется структура и понятие народа. Был народ-мужик — опора нации и ее ядро, — его нет. Есть народ-полугорожане, которые не сформировали ни своих моральных норм, ни своей идеологии и живут только одним — чувством самосохранения. Вот это чувство самосохранения и является главным содержанием идеологии Астафьева, и это понять можно. Но представьте себе, что через два поколения сформируется новая нация, нация город-

ская, и тогда Астафьев покажется безнадежно устаревшим, потому что городская нация захочет взглянуть на мир и общаться с ним, и взаимодействовать с ним. Тогда вот и пожалееет Россия об утраченной империи, о своих достоинствах и недостатках имперского сознания.

В числе других факторов старины, традиции, за которую цепляется Астафьев, — это религия, православие. Что ж, религия еще не сыграла своей последней роли, а может быть, и всегда будет ее играть. Но религия Астафьева — это не религия христианства, не православие духовного просветления, соборности, где «несть эллина и иудея». Для него есть эллины и есть иудеи. Это не религия любви, а религия ненависти: око за око. И язычник Эйдельман вправе упрекать православного Астафьева в том, что они, собственно, мало чем отличаются по своим языческим взглядам и понятиям... Религия и идеология как фразеология Астафьева... как и идеология и фразеология Эйдельмана. И то и другое требует терпимости, желания понять друг друга. Не закрывайте Астафьева Эйдельманом и не уничтожайте Эйдельмана Астафьевым.

Распад имперского сознания означает драку между нациями, может быть, и кровавую. Пока не распалось британское имперское сознание, невозможен был Ольстер, а ирландцы в парламенте защищали свою свободу на английском языке. Пока не распалось имперское сознание в Бельгии, не было противоречий между фламандцами и валлонами. Пока не распалось имперское сознание Испании, не было борьбы между каталонцами, басками, галийцами и испанцами...

Способен ли Астафьев убить Эйдельмана? Нет, не способен.

Способен ли Эйдельман закатать Астафьева в лагерь? Нет, не способен.

Но не способны они и на другое: уважать друг в друге личность. Эйдельман не способен понять боль Астафьева, Астафьев не способен понять растерянность, страх Эйдельмана. Они не способны уважать инакомыслие, не способны уважать другую личность... Они эгоцентрики, и вот в этом-то их беда.

Письмо Эйдельмана принимаю я

умственно, но почему-то не принимаю эмоционально. И наоборот.

Распад имперского сознания означает драку между народами.

Никакая власть и никакое устройство не способны противостоять историческому процессу, они могут либо только помочь ему, либо воспрепятствовать: он все равно будет идти своим путем.

Спор о будущих путях России — останется ли она империей или распадется на национальные государства. Астафьев исходит из мысли, что в империи хорошо инородцам и плохо коренным русским. Пока

инородец будет привязан к России и будет хотеть в ней существовать, будет существовать большая сильная держава. Должно быть не только национальное, но и державное сознание, в котором воспитывал русских Петр Великий...

Некоторые говорят, что лучше было бы, если бы письмо Астафьеву написал человек русский. Но не случайно не нашлось русского человека, который написал бы это письмо, ибо Астафьев выразил не мысли нации, а ее самочувствие, и против этого самочувствия возразить нельзя.

ИТОГ

Что значит наше поколение?
Война нас споловинила.
Повергло время на колени,
Из нас Победу выбило.

А все ж дружили и служили,
И жить мечтали наново.
И все мечтали. А дожили
До Стасика Куняева.

Закуй меня в легкие звенья,
Неси меня дальше и в высь,
Поскольку не будет мгновенья,
Которое «остановись»!

А будут такие, что мимо
Скорей бы промчались в пути.
Бессонно и неутомимо
Лети, мое Время, лети!

Не знали мы, что чернь сильнее
И возрастет стократ еще.
И тихо мы лежим, синяя,
На филиале Кладбища.

Когда устанут от худого
И возжелают лучшего,
Взойдет созвездие Глазкова,
Кульчицкого и Слуцкого.

10 марта 1985.

***

Лечи меня, Время, скорее,
И выбей из горла комок,
Ведь ты, говоря, помогаешь
Там, где бы никто не помог.

Лечи меня, Время, от блажи
И от наваждений лечи.
Лети, мое Время! И даже
Скорее, чем надо, лети!

ПОЛЕТ СЕЛАДОНА

... И простодушных стариков
Прелестницы юные
Возносят выше облаков
И кажутся фортуною.

Летит старик, за облака цепляясь,
Спешит залапать счастья миг.
Не лучше ли, покаясь,
Перед мадонной пасть, старик?

Мечтает он, чтоб юная рука
Погладила по жидким кудрям.
Он будет счастлив. А пока
Устал быть мудрым.

(У эгоцентрика-идеалиста
Особенная глухота к судьбе.
Он полагает, что найдет статиста,
Чтобы ласкал его любовь к себе.)

Лети, старик, убог и жалок,
Под люстрой ресторанных залов,
И восхищай провинциалок,
И возмущай провинциалов!

Лети, старик, над люстрой
ресторанной,
Пузатый мотылек,
И на лету из рюмки восьмигранной
Хватай глоток.

Близ лампочки продолговатой,
Напоминающей свечу.
С улыбкой милой, староватой
Шепчи: «Еще хочу!»

Какие слезы ты исторгнешь
Из глаз красавицы приезжей!
Но хорошо: летать ты можешь
Близ дальних побережий.

И нимфы, нимфочки, нимфетки
Спешат выстраиваться в хвост.
И ты летишь, цепляясь, как за ветки,
За острия морозных звезд.

Летишь, обняв своих красоток
И астматически сипя,

В немислимых фокстротах.
Забыв себя.

И астральным музыкантам
Стало жутко:
Что за шутка?
Что за странный старикан там?
И красотка под фатой?
Стало жутко музыкантам:
Кто такой?

Я отвечаю: «Он велик.
Он забыл про смерть и бездну!
И поэтому он, между
Прочим, не простой старик».

* * *

Наконец-то в загробном мире
Расположимся, как в квартире.

И за все за наши страдания
Будем спать на райском диване.

Позабыв о мужском и женском,
Насладимся вечным блаженством.

Станем пить нектар, вспоминая,
Какова была жизнь земная.

Публикация, предисловие и примечания Галины Медведевой. Снимки из фототеки «Дом Поэта» Виктора Перельгина.

К нашим иллюстрациям

Его имя и фамилию в мире теперь пишут — Simon Shegelman. До отъезда в этот мир из Риги он был — Семен Шегельман.

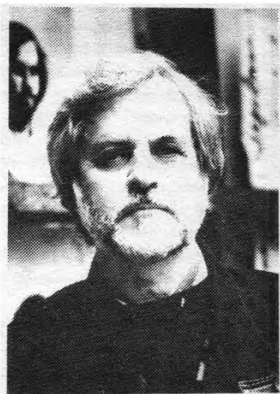
Родился 14 июня 1933 г. в Бобруйске, в Белоруссии. Белорусские евреи в 20-х годах дали миру многих талантливых художников — Марка Шагала, Илью Чашкина, Лазаря Лисицкого, Давида Загоскина и других.

Из той среды и вышел Шегельман, много лет назад приехавший учиться в Ригу. Тут находилась одна из самых престижных в Советском Союзе высших школ искусства — Государственная академия художеств. В те времена на отделении графики преподавали такие выдающиеся мастера, как деловитый Артурс Апинис, рыцарь Лео Свемпс, жизнелюб Петерис Упитис.

Для него как художника в области техники не было секретов. Известно, например, увлечение Шегельмана керамикой; он участвовал в монументальном оформлении интерьеров кафе, он делал афиши для выставок. Во многих печатных изданиях того времени публиковались иллюстрации молодого графика. В 1964 году он экспериментировал на поприще художественной фотографии.

Главной же его любовью всегда была графика. Он с одинаковым мастерством работал в области линогравюры, гравюры, литографии и являлся одним из пионеров сериграфии в Латвии. А теперь из-за границы он привез только живописные полотна.

Несмотря на то, что свою первую персональную выставку «Эстампы» С. Шегельману удалось устроить только в возрасте 42 лет, догматики от руководства культурной жизнью все же закрыли ее до объявленного срока и ограничили информацию о ней в печати. Это не могло не произвести на ее автора удручающего впечатления. История эта и послужила одним из поводов для выезда его из Советского Союза. Уехал. Как многие. Вот осенью 1990-го впервые возвратился в Ригу. Чтобы не было вопросов, скажем сразу: там, в Канаде, озаботал титанически. Имел огромный успех. Точнее, не имел, а имеет.

В таких произведениях графики и живописи, как «Ступени» (1975), «Мост» (1989), «Двери» (1987), Шегельман создает образы, которые помогают понять, что жизнь и искусство надо рассматривать в движении, во взаимосвязи, в сложной гармонии противоположных начал. Понять художника, который поражает нас своим умением выразительно молчать, не так просто. Хотя его «доступность» затруднена отнюдь не «заметной склонностью к эстетизации», как писала 28 ноября 1963 года партийная газета «Циня», а линией гротеска, столь характерной для всего искусства С. Шегельмана.

Гротеска ли? Может быть. Это болезненная и щемящая любовь, окрашенная горькой улыбкой. Это воспринятый художником призыв, который воплощен в жизнь наперекор противоборствующим силам. Он тоже озарен усмешкой. Гротеск — это маскировка ощущения собственно бессилия и страха перед жестокостью, которая ждет человека, когда настанет час и маска будет сорвана.

Немногочисленные картины 80-х годов, показанные в Юрмале, свидетельствовали именно о продолжении той самой гротескной устремленности, выраженной языком красок. Это не обычный язык, а своеобразный синтез живописи, лишенной традиционной перспективы, и нежной сети линий графики.

Может показаться, что на обзорные выставлены полотна салонного типа. На самом же деле вниманию публики предложено зеркало, в котором сквозь выразительные маски кукол угадывается (или не угадыва-

ется) экзистенциальная драма личности в метрополиях наших дней.

Человек и толпа — с этого С. Шегельман начинал в Риге и эту тему он продолжает в Канаде. Такая у него судьба! Поэтому нельзя пройти мимо картины 1988 года «Судьба». На мерцающем фиолетово-красном фоне большого города обозначены два противоположных полюса. Один полюс связан с вариацией на тему образов святого семейства. Он прозван гордостью и радостью за создание и становление человека. Эти образы вечны.

Другой полюс связан с вариацией на тему образа Страждущего, черты которого хранит платок святой Вероники. Победа над страданиями и сочувствие — они ведь тоже вечны.

Я допускаю, что это картина о судьбе самого автора. Выставка в Латвии свидетельствует о том, что удивительное творческое многообразие Семена Шегельмана стало еще более впечатляющим в контексте мирового искусства. И потому мы снова ждем в гости художника и его произведения.

Герберт ДУБИНС

ПОЧТА «ДАУГАВЫ»

ГРУБАЯ ФАЛЬШИВКА

Творческий дар Антонины Кымытваль мне открылся много лет назад, когда прочитал сборник ее стихов в переводах рижского писателя Роальда Добровенского. Подкупала искренность этой поэзии, ее глубина и шемящая боль гибнущих народов Чукотки. Долгие годы, проведенные мною на Севере, были овечьи теплом дружеских отношений с этим замечательным человеком. Каково же было удивление, когда имя А. Кымытваль появилось среди «подписантов» откровенно погромного «Письма писателей. . .» в журнале «Наш современник». Мысль была только одна: этого не может быть, это подлог! Об этом я и написал Антонине Александровне. Подтверждением этого гнусного деяния явилось ответное письмо А. Кымытваль, к которому приложено это «Опровержение» и ее согласие на его публикацию помимо указанных адресатов в одном из республиканских изданий. Интересно, сколько же под этим «Письмом. . .» еще оклеветанных честных имен?

В. Аршавский.

На днях прислал мне из Риги письмо мой добрый знакомый, который недоумевал, как я могла поставить свою подпись под «Письмом писателей, деятелей культуры и науки России», опубликованном в журнале «Наш современник» (№ 4, 1990).

Сама я не являюсь читательницей, тем более — почитательницей этого издания. Попросила друзей, и они разыскали этот номер.

Какова же была моя радость, когда я увидела, что подпись-то и не моя. Фамилия моя — Кымытваль (вторая буква «ы»). А под письмом — Камытваль (вторая буква «а»). Но дело тут совсем не в возможной ошибке. Видно, очень поторопились организаторы этой акции и лень им было заглянуть в «Справочник Союза писателей СССР», где черным по белому написано: Кымытваль Антонина Александровна, поэт. На слух, то-бишь на пушку, брали!

Впрочем, ничего в этом удивительного нет. Беспардонное отношение к народам Севера — факт исторический. Все решали за нас наверху. То отнимают родной язык, то сжидают с исконных мест, вытесняют из традиционных отраслей. Подумаешь — честное имя какой-то чукотской поэтессы!

Решительно заявляю: никогда в глаза не видела «Письма. . .», опубликованного в «Нашем современном», никто ко мне по этому поводу не обращался лично, не звонил по телефону, подписи своей не ставила.

Р. С. Вряд ли журнал «Наш современник» опубликует мое опровержение. Поэтому обращаюсь с просьбой его обнародовать, ибо весть о моем «кощунстве» теперь идет не только по «всей Руси великой», но и другим республикам, о чем известил меня мой добрый знакомый из Риги.

А. Кымытваль, член Союза писателей СССР
г. Магад

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАУГАВА» ЗА 1990 г.

Декларация Верховного Совета Латвийской Советской социалистической республики «О восстановлении независимости Латвийской республики». VIII — 3.

Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик о декларации Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской республики». VIII — 5.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

БОРЕВ Юрий. Сталиниада. II — 45.

ГАЛЕЕВ Игорь. Ромодановские дворки. Этюды. VI — 38.

ГОРЛАНОВА Нина. Покаянные дни, или В ожидании конца света. III — 69.

ГУДАНЕЦ Николай. Кривоград, или Часы, по которым кремлевские сверяют. XI — 3, XII — 9.

ДОБРОВЕНСКИЙ Роальд. Семь жизней Яна Райниса. Главы романа-биографии. VII — 3, VIII — 7, IX — 3.

КАВЕРИН Вениамин. Автопортрет. Последний рассказ. I — 57.

КАЙЯ Иванде. Из дневников (1918—1921 гг.). Перевела Ирина Цыгальская. XI — 43. 40, XII — 43.

КАЛИКА ПЕРЕХОЖИЙ. Удильщик на Двине. Роман с продолжением. Предисловие и публикация Юрия Абызова. II—67, III—54, IV—64, V—65.

ЛЕОНТЬЕВ Дмитрий. Дневник в четырех главах. Предисловие и публикация О. Т. Леонтьевой. IV — 41, V — 36.

МАТЛИН Владимир. Когда мама была маленькая. Научная истина. «Эффект Либersona». Рассказы. VII — 45.

МОГИЛЕВ Леонид. Марафон. Рассказ. VII — 70.

СЕДЫХ Андрей. Там, где была Россия. VIII — 47.

УЛЕМАЕВ Эдуард. Три рассказа. XI — 60.

ХЕЙДОК Альфред. Автобиографические заметки. I — 53.

ХЕЙДОК Альфред. Звезды Маньчжурии. Рассказы. Окончание. Нач. в № 12, 1989 г. I — 25.

ЭГЛИТИС Аншлавс. Охотники за невестами. Роман. Перевел Леон Гвин. II—3, III — 3, IV — 8, V — 8, VI — 7.

ЯКУБАН Андрис. Тетя Тая и ужасно симпатичный артист Боярский. Эта звезда. Там вдали. Рассказы. Перевел Юрий Абызов. IX — 46.

ПРОЗА 10-ГО НОМЕРА

ЗИЕДОНИС Римагтс. Спутники. Рассказ. Перевел Андрей Левкин. — 12.

ПОЭМЫ, СТИХИ

АЙЗПУРИЕТЕ Аманда. После заката. Перевела Наталия Бабицкая. III — 51.

БРУВЕРИС Петерс. Птичьи крики, раковины, янтарные черепа... Перевел Дмитрий Кудря. II — 40.

ДИЖУР Белла. Юрмальская весна. VII — 66.

ЖЕБЕРС Андрис. Татуировки. Перевел Дмитрий Кудря. XI — 36.

ЗИЕДОНИС Имантс. Стихотворения. Перевел Владимир Еременко. IV — 3.

КОРЕНЕВСКАЯ Ольга. Декабрь. XI — 58.

КРУГЛИКОВ Олег. Стрела. II — 81.

КУННОС Юрис. Смещение языков. Перевел Сергей Морейно. IX — 40.

ЛИВЗЕМНИЕКС Виктор. Судный день. Перевели Ольга Николаева, Татьяна Цветкова, Наталия Бабицкая, Павел Грушко. VII — 42.

МОРЕЙНО Сергей. Стихотворения. IX — 55.

НИКОЛАЕВА Ольга. Ларец. XII — 59.

ПЛОТНИЕКС Янис. В своем аду. Перевели Сергей Вольский и Сергей Воронов. VIII — 43.

- РОКПЕЛНИС** Янис. Секрет бора. Перевел Сергей Морейно. V — 3.
САРАН Елена. Дневник. III — 65.
ФЕОКТИСТОВ Юрий. Побег. У меня. Неустанная борьба. Предисловие Таисии Феоктистовой. VI — 57.
ФРЕНКЕЛЬ Владимир. Встреча. IV — 74.
ЦАПЕНКО Анатолий. Источник. V — 61.
ЧАКЛАЙС Марис. Над бездной. Перевел Рояльд Добровенский. VI — 3.
ЧЕРЕВИЧНИК Леонид. Из украинской антологии. VIII — 70.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

- АСПАЗИЯ**. Стихотворения. Перевела Нонна Слепакова. III — 84.
ПЛУДОНИС Виллис. Улов салгалского Мадиса. Перевел Давид Самойлов. II — 64.
РАЙНИС Ян. Огонь и ночь. Фрагменты. Перевел Леонид Черевичник. После-
словие Рояльда Добровенского. I — 3.
ЧАК Александр. Стихотворения. Перевел Сергей Морейно. XII — 3.

СТРАНИЦЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

- ДАЙНЫ**. Перевела Людмила Азарова. VI — 60.

ПОЭЗИЯ 10-ГО НОМЕРА

- ЛЕВИН** Александр. Из книги «Биомеханика» — 25.
НИКОЛАЕВ Сергей. Из цикла «Всюду жизнь» — 7.

ПУБЛИЦИСТИКА

- АВТОРХАНОВ** Абдурахман. Убил ли Сталин Ленина? IX — 58.
ВАЙЛЬ Петр, **ГЕНИС** Александр. Гражданская война. Фрагмент из книги «60-е». I — 82, II — 84.
ГЕЛЛЕР Михаил, **НЕКРИЧ** Александр. Утопия у власти. XI — 62, XII — 70.
ГОРЕ Илга. «Свободное волеизъявление» — как это делалось. VII — 73.
ГУРЕЕВ Юрий. Размышления о Ленине и ленинизме. V — 72.
ЖИТОМИРСКИЙ Даниил. Шостакович официальный и подлинный. Воспоминания, материалы, наблюдения. III — 88, IV — 97.
КАРАБЧИВСКИЙ Юрий. Борьба с евреем. VI — 67.
КРАЕВСКА Беате, **ЛАСМАНИС** Улдис. «Польское дело» — отголоски Катыни. IX — 95.
От слов к делу! Нацизм в России. Переписка Н. Эйдельмана и В. Астафьева. VI — 62.
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ Алла. В мае 1990 года. VII — 6.
РАВДИН Борис. Страница болезни. IV — 89.
РОЗИН М., **ДАВЫДОВ** М. «Три кита» советской политической мифологии. XII — 63
СНЕГОВ Сергей. Философия блатного языка. XI — 72.
СТРАНГА Айвар. Гибель государства. V — 83.
СТРАНГА Айвар. «На вечные времена». VIII — 98.
ТЕРЦ Абрам. Литературный процесс в России. V — 95.
ТРОЦКИЙ Л. Германно-советский союз. Публикация В. Войнова. III — 111.
ФЕДОРОВ Георгий. Дезертир. I — 69.
ФЕДОСЕЕВ Виктор. Бог, религия, человек. III — 100.
ФЕЛЬДМАН Давид. Нужен ли нам палач? VII — 99.
ФРЕНКЕЛЬ Владимир. Предисловие не к стихам. В круге последнем. IV — 71.
ЦИПКО Александр. Если бы победил Троцкий... VII — 83, VIII — 78, IX — 71.
ШУМИЛОВ Владимир. Портрет или икона? IV — 83.
ЩЕРБИНА Татьяна. Большой смысл России. I — 66.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

- ГДАЛИНА** Алла. Трое из одной лодки. VI — 82.

ИЗ ПОЧТЫ «ДАУГАВЫ»

- БЕЛЕНЬКИЙ** В. Я. Кто нами руководит? XI — 93.
ВИЛЕНСКИЙ Марк. Последний миф. VI — 96.
ПЛОТНИКОВ И. Ф. Как не следует «защищать» В. И. Ленина: XII — 78.
САЖИН Валерий. Предыстория гибели Гумилева. XI — 91.

ПУБЛИЦИСТИКА 10-ГО НОМЕРА

- БОЛОТОВ** Сергей. Почему я не русофоб? — 58.
МАЙБУРД Евгений. Из книги «Тайна Стоимости Карла Маркса» — 27.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- ГАВЕЛ** Вацлав. Власть безвластных. VII — 105.
ГАСПАРОВ Борис. Апокалиптическая тема в пушкинском «Графе Нулине». I — 102
ГОСТЮНИНА Татьяна. Главная книга Мигеля де Унамуну. II — 93.

- ДРУСКИН Яков. Сны. Предисловие Л. Друскиной. III — 114.
 ЖОЛКОВСКИЙ Александр. Морфология и исторические корни рассказа Л. Толстого «После бала». XII — 80.
 ИЛЮШИН А. А. О «К. С.» Л. Т.: загадки букв. VII — 112.
 МУР Джордж Эдвард. Рычат ли ручные тигры? V — 116.
 РУДНЕВ Вадим. Джордж Эдвард Мур и лингвистическая философия XX века. V — 114.
 РУДНЕВ Вадим. Культура и сон. III — 121.
 РУДНЕВ Вадим. Прагматика анекдота. VI — 99.
 РУДНЕВ Вадим. Структурная поэтика и мотивный анализ. I — 99.
 Де УНАМУНО Мигель. О трагическом чувстве жизни. Перевод с испанского и примечания Татьяны Гостюниной. II — 94.
 ШАПИР М. И. Исторический анекдот у А. К. Толстого и Н. А. Добролюбова. VI — 103.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ 10-ГО НОМЕРА

- ЛЕВКИН Андрей. Пятачок и Нечто. — 125.
 МИЛН Алан Александр. Дом на Пуховой опушке. — 119.
 РУДНЕВ Вадим. Винни-Пух in a Wonderland. Исследование по семантике и модальной логике. — 112.
 ШАПИР Максим. Что такое авангард! — 3.

PHILOGICA 10-ГО НОМЕРА

- КАЦИС Л. Ф. Поэт-ассенизатор у Маяковского и вокруг. — 95.
 МАЗУР С. Ю. Эротика стиха. Герменевтический этюд. — 88.
 ШАПИР М. И. *Metrum et rhythmus sub specie semioticae*. — 63.

ОБОРЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

- БАР-СЕЛЛА Зеев. «Тихий Дон» против Шолохова. XII — 94.
 ИВЛЕВ Алексей. Когда рухнет стена. Заметки о «Третьей модернизации», № 10. II — 105.
 ЛЕВКИН Андрей. Вне метрополии журнал «Синтаксис». VIII — 110.
 ЛЕВКИН Андрей. Может быть, что-то еще и получится. II — 100.
 ЛЕВКИН Андрей. «Мы» в Латвии. IV — 109.
 ЛЕВКИН Андрей. Советский человек на rendez-vous. VI — 107.
 МАЗУР Сергей. Третий тыняновский сборник. Обзор статей. I — 108.
 РУДНЕВ Вадим. В поисках утраченного структурализма. VII — 115.
 РУДНЕВ Вадим. «Mēs» un mēs. IX — 104.

MEMORIA

- АБЫЗОВ Юрий, ТИМЕНЧИК Роман. История одной мистификации. Факты и гипотезы. IX — 108.
 АБЫЗОВ Юрий. Певец двух провинций. IV — 115.
 ВВЕДЕНСКИЙ Александр. Потец. X — 107.
 ГНЕДОВ Василий. Поэма Конца X — 105.
 ГУБЕР Федор. Память и письма. XI — 96.
 ЗАДОНСКИЙ Андрей. I. Автор «Поединка». IV — 117, II. Тубероза, III. На автомобиле через Курляндию. VI — 112, IV. Городок в снегу. VII — 122, V. Певческий праздник в Курляндской глуши. VIII — 124.
 МЕЙЛАХ М. «Потец» Александра Введенского. X — 106.
 НАБОКОВ Владимир. Юбилей. Торжество добродетели. IX — 118.
 САМОЙЛОВ Давид. И проза и стихи. XII — 108.
 ТИМЕНЧИК Роман. По делу № 214224. VIII — 116.
 ФЕДОРОВ Ф. Л., ШАВРОВ А. В. Рисунки забытого художника. VI — 119.
 ФЛЕЙШМАН Лазарь. В дни «ежевщины». Из книги «Борис Пастернак в тридцатые годы». I — 144, II — 108.
 ХОДАСЕВИЧ Владислав. Подслушанные разговоры. VIII — 122.

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- ВИДБЕРГС Сигисмундс. XI — 57.
 ДЖИКИЯ Александр. О себе. X — 128.
 ДУБИНС Герберт. Семен Шегельман. XII — 123.
 КАЛВЕ Айварс. В гобеленах — судьба народа. V — 123.
 КАНЕВСКАЯ Инна. Кресты над Домом знаний. IX — 123.
 СКУЛТЕ Эдгарс. «Серебряная тень» для Генсека. IV — 31.
 СТРУНКЕ Никлавс. III — 125.
 ЯКУБАН Андрис. Визуальные интерпретации Илмара Блумбергса. I — 32.
 ЯКУБАН Андрис. «Latvijas taiks». II — 28.
 ЯКУБАН Андрис. Поют латыши. VII — 27.
 ЯКУБАН Андрис. Самая короткая ночь... VI — 124.

ПОЧТА «ДАУГАВЫ».

I — IX, XI, XII.

НА ВКЛЕЙКАХ

I — Илмар Блумбергс. Плакат к Празднику песни, 1990; Предчувствие чувств; Визуальная интерпретация эпоса Гесюда «Теогония»; Иллюстрация к роману Ч. Айтматова «Плаха»; Визуальная интерпретация эпоса Гесюда «Теогония»; Плакат к Празднику песни 1990. Фото Атиса Иевиньша.

II — С выставки «latvijas laiks». Фото Яниса Риекста. 1910 год; Фото Л. Виржиковскиса. 1910-е годы; Фото В. Урбановича. Начало 1920-х годов; Почтальон. Конец 1920-х годов. Фото Роберта Иохансона; Житель Видземе. Конец 1920-х годов. Фото Роберта Иохансона; Дети Латгалии. Конец 1920-х годов. Фото Роберта Иохансона; На манифестации. Июнь 1940 года. Фото Эдуарда Крауца; Посол Латвии в Советском Союзе Фридис Коциньш. Конец 1930-х годов. Фото Карлиса Баулса; Музыкант на толоке. Дзирциемс, 1947 год. Автор снимка неизвестен; Выборы в сейм 14 июля 1940 года. Фото Эдуарда Крауца; Фоторепродукции Гунара Яяйтиса.

III — Никлавс Струнке. Пленник всемирной войны; Игрушки; Пьеро зимой; Комедия масок; Автопортрет с Дон-Кихотом; Сказки 1001 ночи. Фото Мары Брашмане.

IV — В Рижском автомузее. Автомобиль ЗИЛ-115 С, машина-крепость «отца народов»; «Серебряная тень» Леонида Брежнева; Машина Максима Горького «Линкольн КВ У-12»; Ретро и современность. Фото Атиса Иевиньша.

V — Эдите Паулс-Вигнере. Москва; Карнавал [фрагмент]; Гармония; Сохраним природу; Литенский цикл; Третье поколение. Гобелены. Фото Атиса Иевиньша.

VI — Самая короткая ночь... Фото Айвара Лиепиньша.

VII — Поют латыши. Фото Атиса Иевиньша, Юрия Куприянова, Андриса Эглитиса, Яниса Эйдукса.

VIII — В мае 1990 года. Фото Улдиса Бриедиса, Гунара Яяйтиса.

IX — Кресты над Домом знаний. Фото Атиса Иевиньша, Ритварса Скуи.

X — Работы Александра Джиккия.

XI — Сигисмундс Видбергс. Из цикла «Страшный год». Ломятся. 1952; Навстречу счастливой жизни. 1952; Тени в ночи. 1952; Мы наш, мы новый мир построим. 1952; В путь. 1952; Жажда. 1952; Осенние сумерки. 1952.

XII — Семен Шегельман. В свете горящих свечей. 1988; Вечный в Амстердаме. 1987; Бродвей. 1987; Дансинг. 1987; Музыка. 1969; Танец. 1969. Фото Ояра Мартинсона.

Авторы снимков в тексте: Мара Брашмане, Улдис Бриедис, Харийс Бурмейстарс, С. Григорьев, Людмила Грицаенко, Атис Иевиньш, Александр Карзанов, Юрий Куприянов, Айварс Лиепиньш, Александр Лыжин, Оярс Мартинсон, Виктор Перельгин, Марк Рабкин, Ритварс Скуя, Янис Эйдукс, Гунарс Яяйтис.

Авторы снимков в тексте: Улдис Бриедис, Харийс Бурмейстарс, Александр Карзанов, Оярс Мартинсон, Виктор Перельгин.

Обложка художника
Андрея КАЛНАЧА

Сдано в набор 09.10.90.
Подписано к печати 07.11.90. Л-000054.
Формат 60×90/16. Типогр. бумага № 1,
мелованная бумага. Офсетная печать.
8,0+0,25+0,25 усл.-печ. л., 9,75 усл. кр.-отт.,
12,49 уч.-изд. л. Тираж 98 000.
Заказ № 1607. Цена 45 коп.
Адрес редакции: 226081, Рига, ГСП,
Баласта дамбис, 3.
Телефоны: гл. редактор 466049,
зам. гл. редактора 465913,
отв. секретарь 465996,
отд. прозы и критики 465992,
отд. поэзии 465998,
отд. публицистики 465990,
техн. секретарь 465993.

Технический редактор
Мудите АРАЯ

Корректор
Марина ВЕЙНБЕРГА

Отпечатано в тип. Латвийского газетно-журнального
издательства, 226081, Рига, Баласта дамбис, 3.

СЕМЕН ШЕГЕЛЬМАН

**В свете
горящих
свечей.
1988**

Вечный
в Амстердаме.
1987

Бродвей.
1987

Дансинг.
1987

Музыка.
1969

Танец.
1989

Фото
Ояра Мартинсона

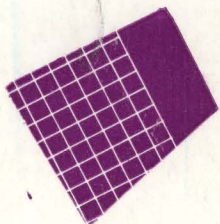

Семен Шегельман.
Exodus. 1969

45 КОП.

ИНДЕКС 77123

ISSN 0207—4001, «ДАУГАВА», 1990, № 12, 1—128

